

**ВИЛЬЯМ
ШЕКСПИР**

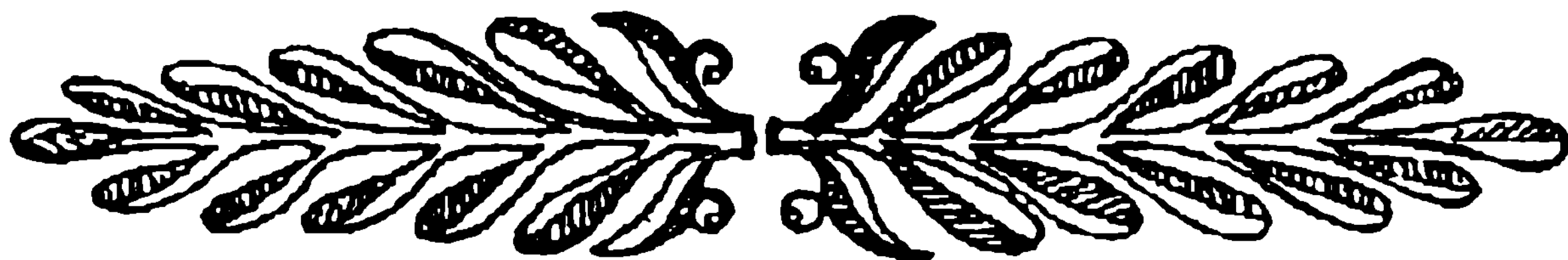
КОМЕДИЯ ОШИБОК

**УКРОЩЕНИЕ
СТРОПТИВОЙ**

**БЕСПЛОДНЫЕ
УСИЛИЯ ЛЮБВИ**

ВІЛЬЯМ
ШЕКСПІР

WILLIAME SHAKESPEARE

**complete works
in 14 volumes**

COMEDY OF ERRORS

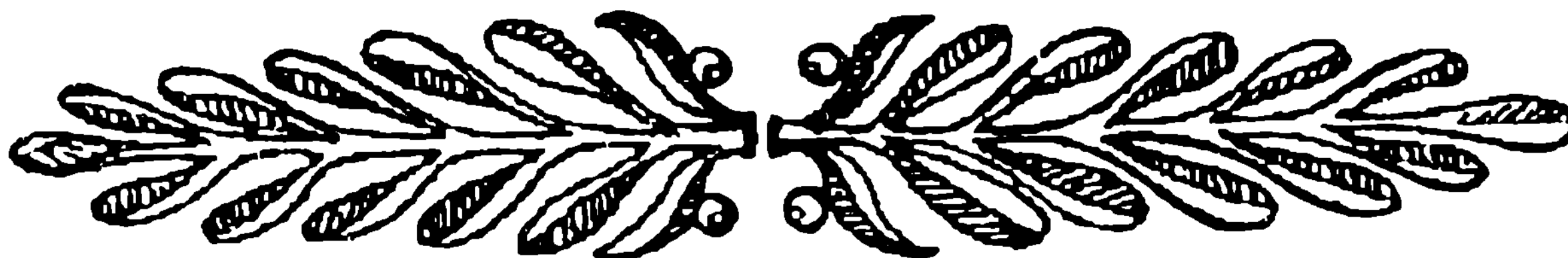
TAMING OF THE SHREW

LOVE'S LABOUR'S LOST

**МОСКВА
«ТЕППА»—«TERRA»
1993**

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

полное
собрание сочинений
том 4

КОМЕДИЯ ОШИБОК
УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ
БЕСПЛОДНЫЕ УСИЛИЯ ЛЮБВИ

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1993

ББК 84.4 (Вл)
Ш 41

Внешнее оформление художника
А.Машезерской

В оформлении издания использованы рисунки
Джона Джильберта (J. Gilbert), p.1817,
Фрэнсиса Уитли (Fr. Weytle),
Эдуарда Стейнли (Ed. Stanly), 1752-1845,
Генри Силуза (G. Selous), 1812-1890,
Бэйама Шоу (B. Show), p.1887,
Вильгельма Каульбаха,
Жана Лемана, p.1829,
а также неизвестных художников
конца XVI — начала XVII века.

Издание подготовлено
издательством “Золотой Век” (Санкт-Петербург)

Шекспир Вильям

Ш 41 Полное собрание сочинений: В 14 т. Т.4/ Художник А.Машезерская. Примечания А.Смирнова. — М.: ТЕРРА, 1993. — 544 с.: ил.

ISBN 5—85255—298—4 (т.4)

ISBN 5—85255—192—9

В четвертый том собрания сочинений В.Шекспира включены “Комедия ошибок”, “Укрощение строптивой”, а также комедия “Бесплодные усилия любви”.

Ш 4703010300—056
А30(03)—93

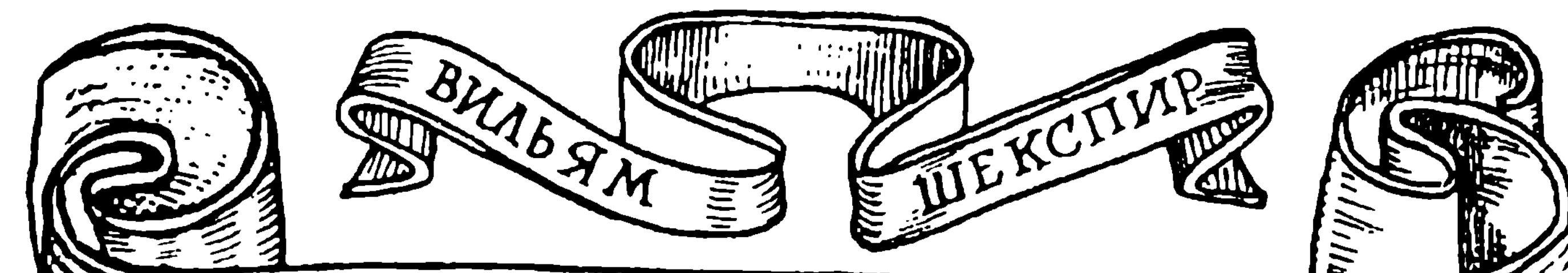
Подписное

ББК 84.4(Вл.)

ISBN 5—85255—298—4 (т.4)

ISBN 5—85255—192—9

© Издательский центр «ТЕРРА», 1993

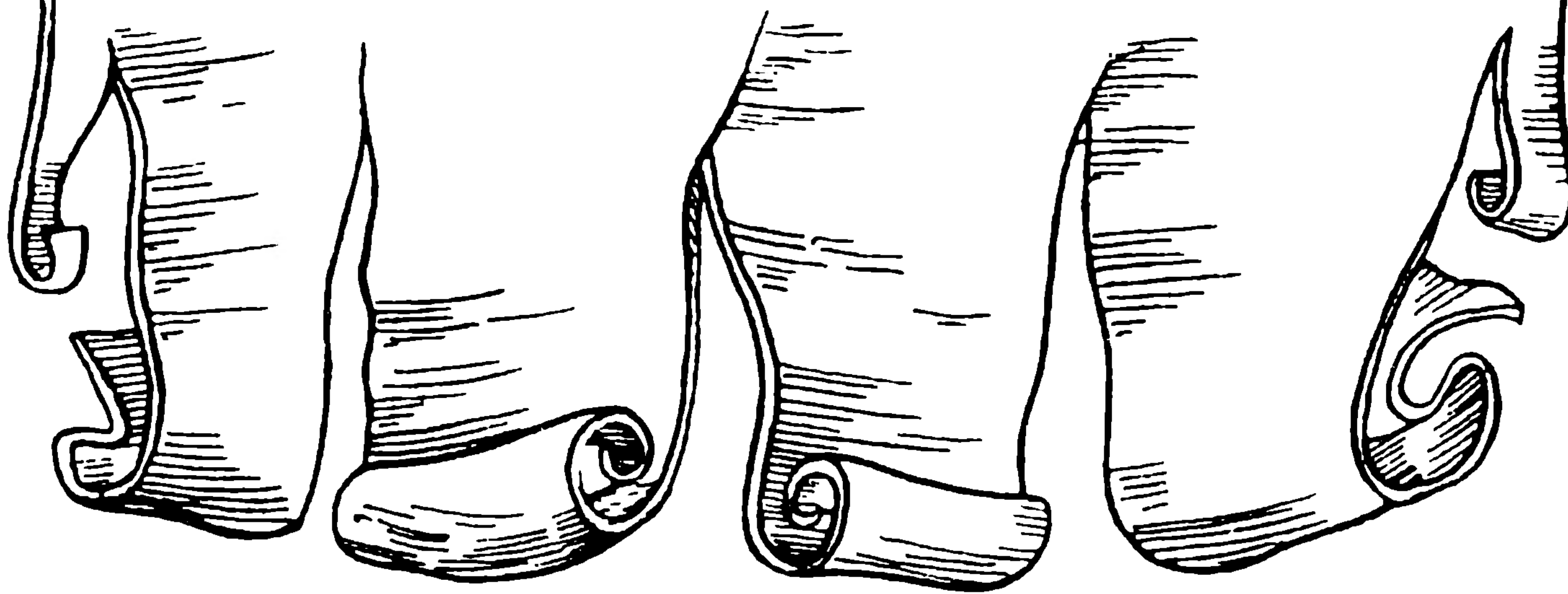

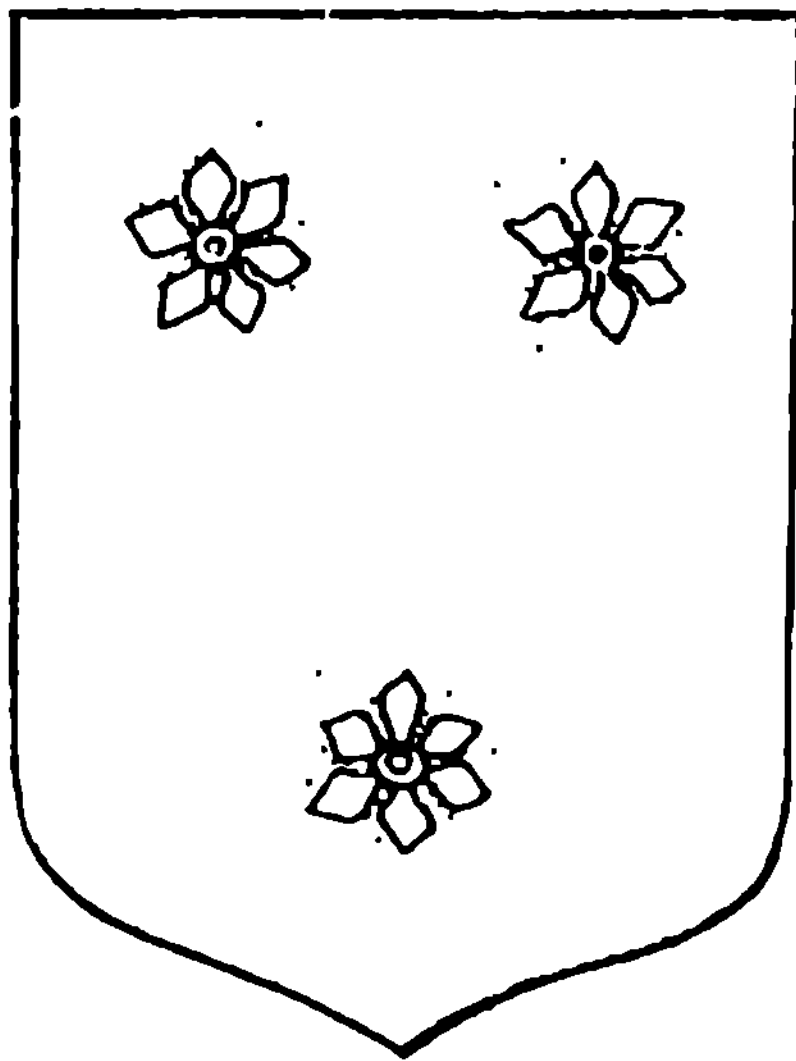
ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Комедия ошибок

комедия в V актах

Перевод А. Некора

Действующие лица

С о л и н, герцог Эфесский.

Э г е о н, сиракузский купец

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

братья-близнецы,
сыновья Эгеона
и Эмилии.

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

братья-близнецы,
слуги
двух Антифолов.

Б а л ь т а з а р, купец.

А н д ж е л о, ювелир.

П е р в ы й к у п е ц, друг Антифоло Сиракузского.

В т о р о й к у п е ц, кредитор Анджело.

П и н ч, школьный учитель.

Э м и л и я, жена Эгеона, аббатиса монастыря в Эфесе.

А д р и а н а, жена Антифоло Эфесского.

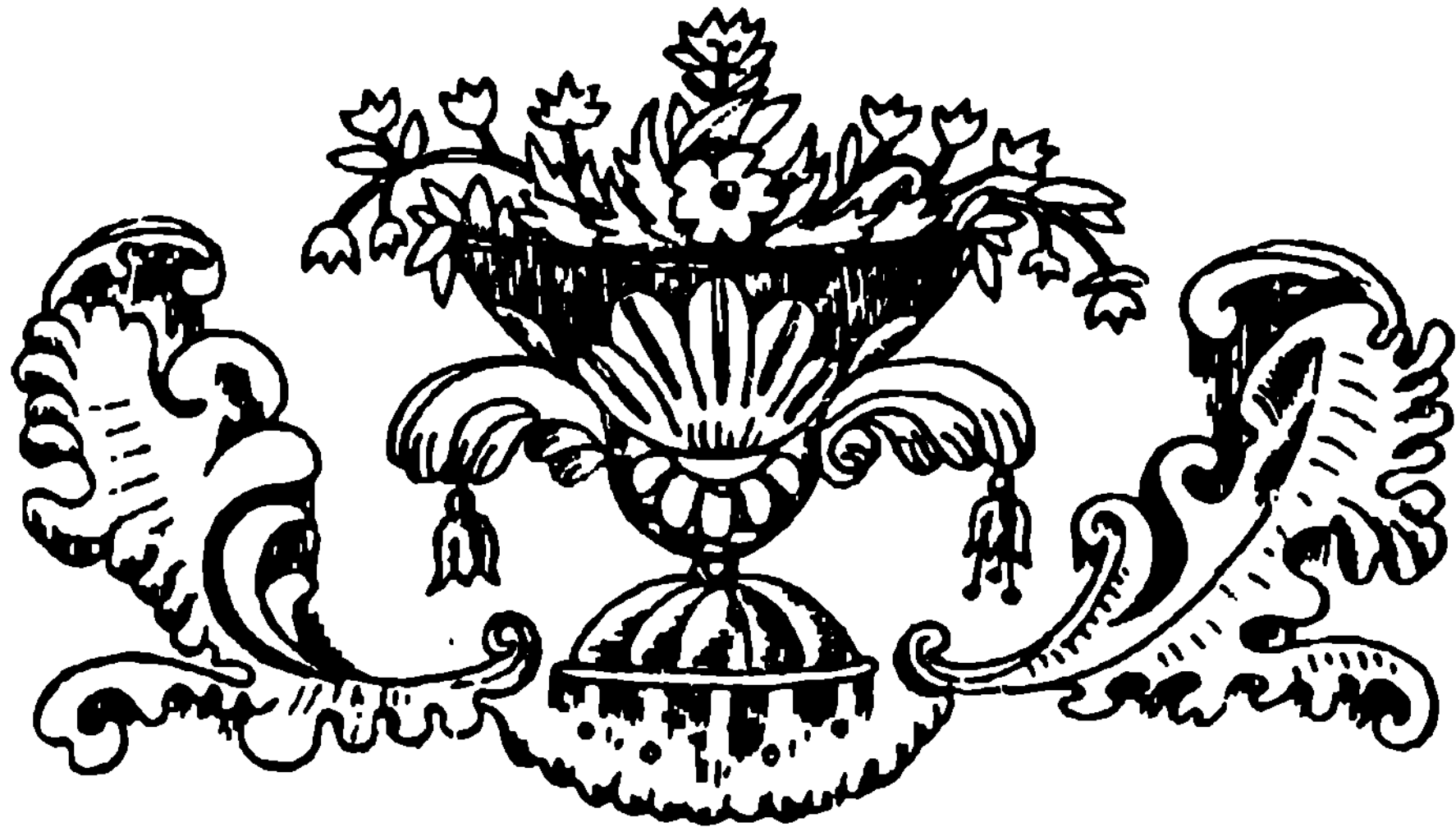
Л ю ц и а н а, ее сестра.

Л ю с, служанка Адрианы.

К у р т и з а н к а.

Тюремщик, пристава, свита, слуги.

Место действия — Эфес.

АКТ I

Сцена 1

Зал во дворце герцога.

Входят герцог, Эгеон, тюремщик, пристав и свита.

Эгеон

Кончай, Солин, мою судьбу реши;
Мои мученья смертью заверши.

Герцог

Не трать речей, купец из Сиракуз;
Я беспристрастен и храню закон.
Вражда, раздор родились из обиды,
Которую нанес ваш злобный герцог
Купцам, почтенным нашим землякам:
Им не хватило золота на выкуп
Своих голов, и был тогда скреплен
Его декрет их кровью; с той поры
И мы к вам потеряли состраданье.

Как только начался раздор смертельный,
Решили мы в собрании старейшин
Немедленно торговые сношенья
Двух наших стран враждебных прекратить!
И сверх того:
Коль кто-нибудь, рожденный здесь, в Эфесе,
Свезет товар на рынок в Сиракузы
Или, напротив, сиракузский житель
Прибудет в порт Эфеса, — пусть умрет,
Имущество же герцог конфискует,
Когда себя не выкупит виновный
И тысячу нам марок не внесет.
Твое ж добро, как не цени высоко,
Не стоит сотни марок; стало быть,
Ты осужден на смерть законом нашим.

Э г е о н

Утешен я; ваш суд произнесен;
К закату дня покончит муку он.

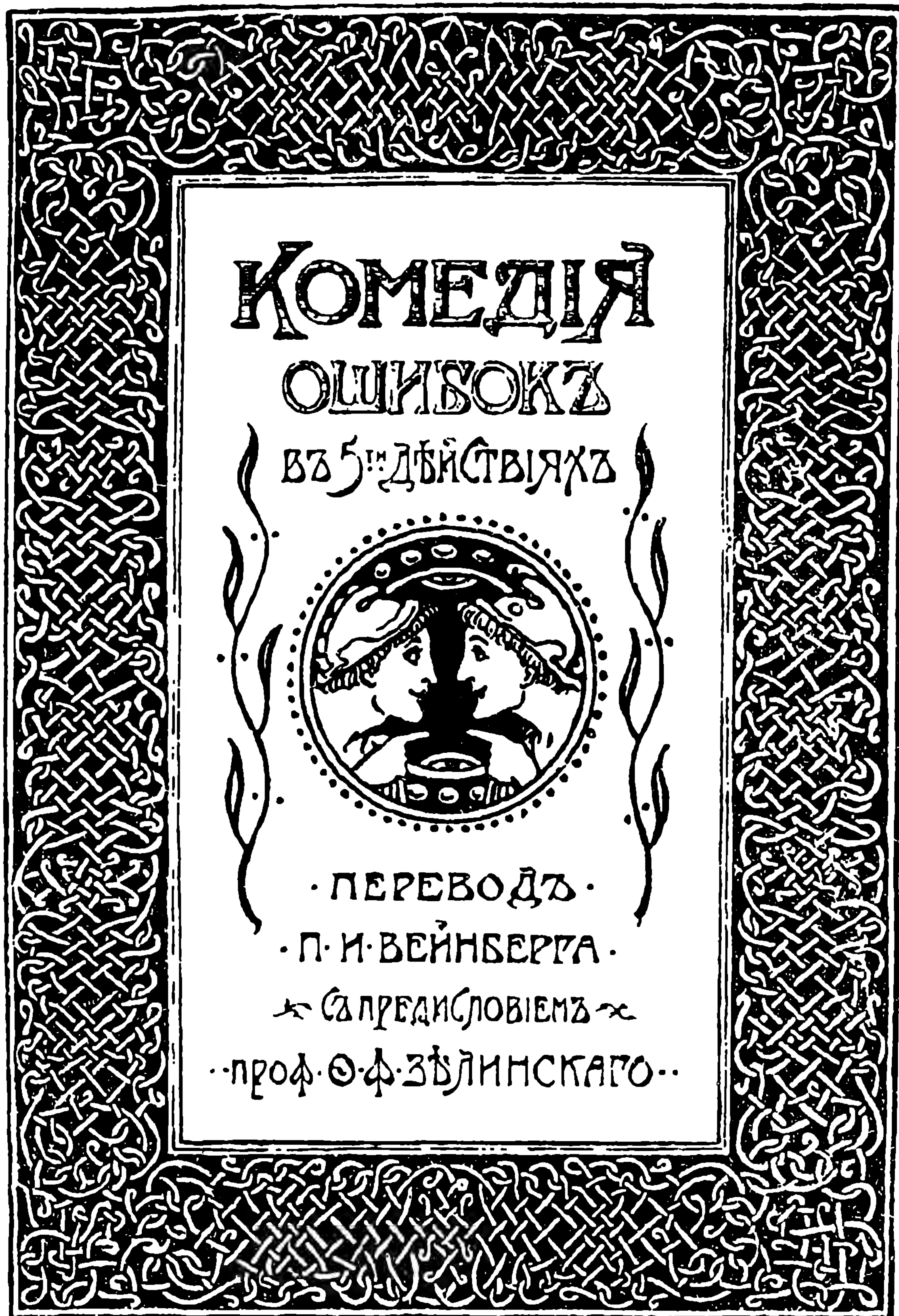
Г е р ц о г

Но, сиракузянин, скажи мне кратко:
Зачем родной покинул город ты,
И что тебя к нам привело в Эфес?

Э г е о н

Что может быть страшнее испытанья,
Чем говорить о несказанном горе?

Титульная рамка эпохи Ренессанса

Но расскажу, насколько скорбь позволит,
Чтоб знали все: я обречен на смерть
Не преступленьем, а самой природой.
Из Сиракуз я родом и женат
На женщине, что счастлива со мной
Была б, как с нею я, будь счастье прочно.
Мы горестей не знали, и богатство
Мое росло в поездках в Эпидамн,
В торговых сделках; но мой маклер умер;
Чтоб охранить оставшийся товар,
Покинул я объятия супруги.
Шесть месяцев прошло, когда она, —
Хотя уже и очень ослабела
От сладкой кары, женщинам сужденной, —
Собралась вдруг ко мне в далекий путь
И прибыла спокойно, без задержки.
Прошло немного дней еще, и стала
Она счастливой матерью двоих
Здоровых сыновей, так странно схожих,
Что различить их было невозможно.
В тот самый час и в том же самом доме
Такой же двойней схожих близнецов
Одна из нищих женщин разрешилась;
У бедняков-родителей купил
Обоих я, чтоб воспитать в них слуг
Для сыновей. Жена, гордясь детьми,
Домой вернуться все меня просила;

Ей уступил, увы, я слишком скоро.
Мы сели на корабль
И отплыли от Эпидамна милю,
Как вдруг ветрам покорная пучина
Нам стала злою гибелью грозить;
Мы больше не могли питать надежду;
Взамен ее померкший свет небес
Предсказывал трепещущим сердцам,
Что близится, что неизбежна гибель.
Будь я один, я бодрость сохранил бы;
Но плачь жены и леденящий ужас
При мысли о мучительном конце,
Крик милых деток, плачущих, не зная,
Что им грозит, но видя общий страх,—
Принудили меня искать отсрочки
Себе и им; я сделал все, что мог.
Матросы в лодку бросились, покинув
Нас и корабль, готовый затонуть.
Моя жена, полна забот о старшем
Из близнецов, малютку привязала
С одним из купленных детей к одной
Из небольших запасных мачт, что возят
На случай бурь с собою моряки.
Я так же поступил с другою парой.
Устроив все и не спуская глаз
С детей, схватились мы с женою каждый
За свой конец, — и волны понесли,

Бушуя, но покорствуя теченью,
Всех нас, казалось, в сторону Коринфа.
Меж тем и солнце, землю осветив,
Рассеяло облекший нас туман;
И этот свет, так горячо желанный,
Волнение усмирил; мы увидали,
Что вдалеке плывут два корабля:
Один был из Коринфа, а другой —
Из Эпидавра. Не успели к нам
Они подплыть... Позволь не продолжать!
Конец рассказа можно угадать.

Г е р ц о г

О нет, не прерывай его;
Хоть нам тебя помиловать нельзя,
Мы все же сострадать тебе способны!

Э г е о н

О, если б боги поступили так,
Чтоб их не звал безжалостными я!
С десятков миль тем кораблям осталось
Проплыть до нас, как на утесы вал
Метнул спасительный кораблик наш
И пополам переломил ударом.
Насильственным разводом разлучив,
Обоим нам оставила Фортуна
То, что дает и радость и печаль.

Обломок, что держал жену — бедняжку,
 Был тяжелее скорбью, легче весом;
 По ветру вдаль понесся он быстрее,
 И видел я, как всех троих забрал
 Корабль коринфский, видимо — рыбачий.
 Другой позднее подобрал и нас.
 Узнав, кого спасти им выпал случай,
 В нас приняли участие моряки
 И отняли б у рыбаков добычу,
 Но их корабль не мог свой ход ускорить,
 И им пришлось направиться домой.
 Ты видишь, как я счастье потерял,
 И жизнь мою продолжила судьба,
 Чтобы я мог свое поведать горе.

Г е р ц о г

О. ради тех, по ком теперь ты плачешь,
 Тебя прошу я, Расскажи подробно,
 Что было дальше с ними и с тобой.

Э г е о н

Мой сын второй, — в отцовском сердце первый, —
 В осьмнадцать лет на поиски пустился
 Потерянного брата и просил
 С ним отпустить слугу (ведь так же тот,
 Утратив брата, знал его лишь имя),
 Чтоб вместе их искать они могли.

И я рискнул утратить, что любил,
Стремясь вернуть любимую утрату.
Пять лет с тех пор ищу обоих сам;
Всю Грецию и Азию прошел я
И на пути домой в Эфес заехал,
Найти уж не надеясь, но решив
Искать везде, где только жить возможно.
Здесь кончится и целой жизни повесть.
Как радостно б я встретил эту смерть,
Будь мне она за жизнь детей порукой!

Г е р ц о г

Несчастный Эгеон, судьба судила
Тебе до края горестей дойти!
Поверь, когда бы мне не воспрещал
Закон, долг венценосца, клятва, сан —
Все то, что должен государь блюсти, —
Я сам бы адвокатом был твоим,
И все ж, хотя ты к смерти присужден
И приговор я изменить не мог бы,
Не нанеся урона нашей чести,
Я для тебя все сделаю, что можно:
Отсрочку дам на день, чтоб ты найти
В чужих щедротах попытался помощь;
Ты обратись к своим друзьям в Эфесе,
Проси ссудить иль просто подарить

С картины художника Ф.Уитли

На выкуп деньги. Не дадут — умрешь. —
А ты, тюремщик, стереги его.

Т ю р е м щ и к

Да, государь.

Э г е о н

Где Эгеон ту помощь обретет?
Надежды нет; лишь позже он умрет.

Уходят.

Сцена 2

Рыночная площадь.

Входят Антифол Сиракузский,
Дромио Сиракузский и первый купец.

П е р в ы й к у п е ц

Скажите же, что вы из Эпидамна, —
Иначе конфискуют все у вас.
Вот только что купец из Сиракуз
Задержан был за то, что в гавань прибыл,
И, так как внести не мог он выкуп тот,
Что был назначен городским законом,
Его казнят сегодня на закате.
Вот деньги ваши, те, что я хранил.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Неси к “Кентавру” их, туда, где мы
Остановились, Дромио, и жди:
Туда я через час приду обедать;
Пока же поброжу и посмотрю
На город этот, здания и лавки;
Потом вернусь и лягу отдыхать:
Я дьявольски устал от переезда.
Тащи!

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Другой бы вас поймал на слове
И впрямь стащил: ведь ноша недурна.

(Уходит.)

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Надежный малый, сударь: он нередко
Когда я загрущу среди забот,
Меня развлечь своей умеет шуткой.
Вам не угодно ли со мной пройтись
И отобедать у “Кентавра” вместе?

П е р в ы й к у п е ц

Я приглашен знакомыми купцами
И кстати сделку с ними заключу;
Поэтому простите. В пять часов
Мы можем снова встретиться на рынке

И, коль угодно, время провести
До ночи вместе. А теперь есть дело.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й
Так до свиданья вечером. Пойду
Бродить один, осматривая город.

П е р в ы й к у п е ц
Желаю вам вполне довольным быть!

(Уходит.)

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й
Желает мне вполне довольным быть!
Как раз того, что недоступно мне,
Ведь в мире я — как капля водяная,
Что в океане хочет отыскать
Другую каплю и в попытках этих,
Незримая, теряется сама.
Так я ищу напрасно мать и брата
И в поисках себя уж потерял.

Входит Д р о м и о Э ф е с с к и й.

Мой календарь и справка о рожденье!
Что там? Зачем так скоро ты пришел?

Д р о м и о Э ф е с с к и й
Так скоро? Я? Сказал бы лучше — поздно!
Сжег каплуна, передержал свинину;

**Дромио Сиракузский и Дромио Эфесский.
С картины художника Рихтера**

Часы ударили двенадцать раз,
И раз хозяйка — по моей щеке:
Обед остыл — она разгорячилась;
А он остыл затем, что вас все нет;
Вас нет затем, что не хотите есть;
Есть не хотите — значит, разговелись
Уж где-то вы, заставив тем нас всех
Поститься и замаливать ваш грех.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Вихрь болтовни сдержи. Скажи-ка лучше,
Куда девал ты деньги, что я дал?

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Шесть пенсов те, что вы велели в среду
Дать шорнику в уплату за подхвостник
Для госпожи моей? Их получил он,
И у меня их, сударь, больше нет.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Послушай, я дурачиться не склонен, —
Так не шути. Где деньги, говори!
Мы здесь чужие: как ты смел оставить
Такую сумму денег без присмотра?

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Уж вы шутите лучше, сев за стол!
Меня прислала госпожа гонцом;

Вернусь без вас — так мне же будет гонка:
Зарубят счет ваш на башке, как бирке.
А мог бы быть часами ваш желудок,
Как мой, и без посланцев гнать к обеду.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Ну, Дромио, теперь не время шуткам;
Ты до поры их лучше отложи.
Где золото, что отдал я тебе?

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Мне, сударь? Вы его мне не давали.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Эй, негодяй, дурачиться довольно!
Скажи, как выполнен тобой приказ?

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Мне приказали привести вас с рынка
В наш дом, дом “Феникса”; готов обед,
И госпожа с сестрой вас ждут давно.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Не будь христианин я! Коль не скажешь,
Где золото надежно спрятал ты,
Я проломлю башку твою пустую,

Чтоб знал ты впредь, когда нельзя шутить!
Где десять сотен марок? Дай отчет!

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Моя башка — та счет ведет тому,
Что дали вы, а плечи — что хозяйка;
Да только то пинки, не марки; вздумай
Я вам вернуть подарки эти, вряд ли
Вы б согласились кротко их принять.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Хозяйка? Кто твоя хозяйка, раб?

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Супруга ваша. “Феникса” хозяйка.
Без вас она не сядет за обед
И просит вас скорей идти обедать!

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Теперь уж ты нахально врешь в глаза —
Так на тебе! Вот, получи, мерзавец!

Д р о м и о Э ф е с с к и й

За что? За что? За что? Сдержите ваши руки,
Не то ведь я и пятки в ход пущу!

(Уходит.)

Антифол Сиракузский

Клянусь я жизнью, этого болвана
Уже успели здесь обворовать!
Ведь, говорят, мошенников здесь тьма —
Искусников, что всем глаза отводят,
Волшебников, мутящих здравый ум,
Проклятых ведьм, уродующих тело,
Воров переодетых, шарлатанов,
Вралей и всяких жуликов иных.
И, если так, скорей уехать надо.
Пойду к “Кентавру”, там его сыщу;
Боюсь, что денег все ж не получу.

(Уходит.)

АКТ II

Сцена 1

Дом Антифола Эфесского.

Входят Адриана и Люциана.

Адриана

И мужа нет, и не вернулся раб,
Которого за ним я посылала;
А два часа теперь ведь, Люциана.

Люциана

Какой-нибудь купец его позвал,
И с рынка он пошел к нему обедать.
Не жди, сестра, сядь без него за стол.
Мужчина сам себе хозяин: время
Одно ему укажет час, когда
Прийти, уйти. Так будь же терпеливой.

Адриана

Но почему свободней нас им быть?

Л ю ц и а н а

Ведь по делам им надо выходить.

А д р и а н а

Ушла бы я — что б он сказал тогда?

Л ю ц и а н а

О, для твоих желаний муж — узда.

А д р и а н а

Одни ослы своей уздой довольны.

Л ю ц и а н а

Нехорошо, когда мы слишком вольны, —
Опасно то; взгляни на целый свет:
В земле, в воде и в небе воли нет,
Ведь самки рыб, крылатых птиц, зверей —
Все в подчиненье у самцов-мужей.
Мужчины же над миром господа:
Покорны им и суша и вода.
Они наделены умом, душой,
Каких ведь нет у твари ни одной.
Их право — всем в семье распоряжаться,
А долг жены — всегда повиноваться.

А д р и а н а

Но ты не хочешь стать рабою тоже!

Л ю ц и а н а

Страшусь забот супружеского ложа.

А д р и а н а

А выйдя замуж, подчинишься власти?

Л ю ц и а н а

Я, полюбив, сочту ее за счастье.

А д р и а н а

А если муж увлекся бы другой?

Л ю ц и а н а

Я все б ждала вернется ль он домой.

А д р и а н а

Легко терпеть, коль горя нет, сестрица,
И кроткой быть, где нет причин сердиться!
Когда судьбой помятые кричать
Начнут при нас, мы им велим молчать;
А если б горе приключилось с нами,
Мы б, верно, больше жаловались сами.
Пока злой муж не оскорбит тебя,
Внушаешь ты другим терпеть, любя;
А если б ты обиду испытала,
Дурацкого терпенья бы не стало.

Л ю ц и а н а

Ну, ладно: выйду замуж — поглядим,
Вон твой слуга, и муж твой, верно, с ним.

Входит Д р о м и о Э ф е с с к и й.

А д р и а н а

Ну что ж? Пожаловал твой господин?

Д р о м и о Э ф е с с к и й. Пожаловал — обеими рука-
ми: оба мои уха свидетели.

А д р и а н а. Ты звал его? Так что же он сказал?

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Да речь его заехала мне в ухо;
Едва-едва слова его я понял.

Л ю ц и а н а

Он говорил так странно? Был неясен смысл?

Д р о м и о Э ф е с с к и й. Гм... он объяснялся так звон-
ко, что я ясно помню все, и в то же время так странно, что
не могу опомниться.

А д р и а н а

Скажи скорей: идет ли он домой?
Как видно, угодить жене он хочет!

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Взбесился господин мой, как рогатый...

А д р и а н а

Рогатый!

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Бык, не муж! Поверьте мне,
Совсем взбесился он.
Зову его идти домой обедать —
Про тысячу он марок говорит.
“Готов обед”. — “Где деньги?” — он твердит.
“Жаркое сохнет”. — “Деньги где?” — твердит.
“Идете вы?” — “Где деньги? — он твердит. —
Дурак, где тысяча мной данных марок?”
“Свинья сгорит!” — “Где деньги?” —
он твердит.
“Хозяйка ждет”. — “Повесься ты с хозяйкой!
Пошел! Хозяйки знать не знаю я!”

Л ю ц и а н а

Он так сказал?

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Да, так сказал он:
“Знать не хочу ни дома, ни жены”.

И тот ответ не языку доверил,
А на плечи навьючил, чтоб я снес;
Ну, словом, он поколотил меня.

А д р и а н а

Ступай опять, зови его домой.

Древнегреческая амфора

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Идти опять, чтоб кулаком прогнал он?
Нет, ради бога, шлите уж других!

А д р и а н а

Ступай, иль по башке хвачу сейчас.

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Он поперек другой мне шрам положит
И так крестом мой череп освятит.

А д р и а н а

Пошел, дурак! Зови его домой!

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Да будто я такой дурак уж круглый,
Чтобы меня, как мяч, пинать ногой?
Оттуда гонит он, а вы — туда;
По крайней мере хоть обшейте кожей!

(Уходит.)

Л ю ц и а н а

Стыдись, сестра. Как гнев тебе нейдет!

А д р и а н а

Он в обществе любовниц проведет
Веселый день, жене не кинув ласки!
Иль я стара? Иль уж поблекли краски
Печальных щек?

Так он же их согнал!
Иль я скучна? Мой ум живой пропал?
Так невниманье шутку убивает
И остроту, как мрамор, притупляет.

Иль он пленен нарядом дорогим?
Пусть купит мне, владея всем моим!
Все, что могла утратить я в красе,
Разрушил он; и недостатки все —
Его вина. Как солнцем, озарить
Он мог бы взглядом, все мне возвратить;
Но, как олень, ломая все ограды,
Бежит он в лес, я ж — вяну без отрады.

Л ю ц и а н а

Пустая ревность может так смутить!

А д р и а н а

Нет, лишь глупец бесчувственный простить
Обиду может явную. Другой
Он занят весь, иначе б был со мной!
Сестра, цепочку мне он обещал:
О, пусть бы обещаний не сдержал,
Но не грязнил супружеского ложа!
Ах, на него кольцо теперь похоже,
Что потеряло блеск; хоть золото тленья
Не ведает, а все ж прикосновенья
Грязнят его; и разве среди мужчин
Развратом не запятнан хоть один?
Моя краса — ничто в его глазах;
Ее оплачу я, умру в слезах!

Л ю ц и а н а

О, как наш ум темнит ревнивый страх!

Уходят.

Сцена 2

Площадь

Входит Антифол Сиракузский.

Антифол Сиракузский

Те деньги, что взял Домио, лежат,
Все в целости, в “Кентавре”; верный раб
Пошел искать меня. Но странно вот что:
По моему расчету и словам
Хозяина, никак не мог я видеть
Его опять на рынке. Вот он сам!

Входит Дромио Сиракузский

Ну, сударь, как? Прошла у вас веселость?
Иль нравятся толчки? Так продолжай:
Не знаешь ты “Кентавра”? Не брал денег?
К обеду госпожа прислала звать?
Живу я в “Фениксе”? С ума сошел ты,
Что начал вдруг мне так безумно врать?

Дромио Сиракузский

Я врал? Я вам не говорил ни слова!

Антифол Сиракузский
На этом месте, полчаса назад.

Дромियो Сиракузский
Вас не видал с тех пор я, как отсюда
К “Кентавру” послан деньги отнести.

Антифол Сиракузский
Ты, негодяй, сказал, что денег не брал,
Твердил мне про жену и про обед,
Пока я не отбил охоты к шуткам.

Дромियो Сиракузский
Вы веселы — тому я очень рад;
Скажите лишь, что значат эти шутки?

Антифол Сиракузский
Глумишься вновь, смеешься мне в глаза?
Шучу? Так вот тебе! А вот еще!

(Бьет его.)

Дромियो Сиракузский
Постойте, сударь! Дело — то серьезно:
Задаток крупный. Только дан за что?

Антифол Сиракузский
Ты думаешь, что если фамильярность
Я допускал и быть моим шутом

Тебе позволил, так ты можешь нагло
Шутить со мной в серьезные минуты?
При свете солнца пляшут роем мошки,
А в хмурый день все прячутся они.
Вперед и ты, когда шутить захочешь,
Взгляни в лицо, не хмуро ли оно.
Крепка башка, но все ж урок вобью я!

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Вы принимаете мою
башку за какую-то крепость и собираетесь штурмовать ее?
Пусть лучше она будет просто головой. Но, если вы не
прекратите побоев, придется мне ту крепость хорошенько
укрепить; иначе мои мозги вывалятся на плечи. А все-таки
сделайте милость, сударь, скажите, за что я побит?

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. Ты этого не знаешь?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Ничего не знаю, кроме
того, что был побит.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. Сказать тебе, за что?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Да, сударь, за что и по-
чему; ведь, говорят, всему должна быть причина.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

За то, что был ты нагл, и потому,
Что повторить решился дерзко шутку.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Ну, били ли кого-нибудь так,
ни за что в награду?

В таких “за что” и “почему”
ни складу нет, ни ладу.

Спасибо, сударь.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. Благодарить? За что?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. За то, сударь, что вы дали мне кое-что за ничто.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. Ну, я взыщу с тебя в будущем: не дам ничего за что-нибудь. Но, скажи-ка, не пора еще обедать?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Нет, сударь; я думаю, что говядина еще нуждается в том, что я уже получил.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. Это еще что такое?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Ее надо побить и полить.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. А иначе будет жесткой и сухой?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Да, сударь, и я попрошу вас не есть ее.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. По какой причине?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Она укрепит ваш холерический темперамент, и вы устройте мне снова сухую поливку.

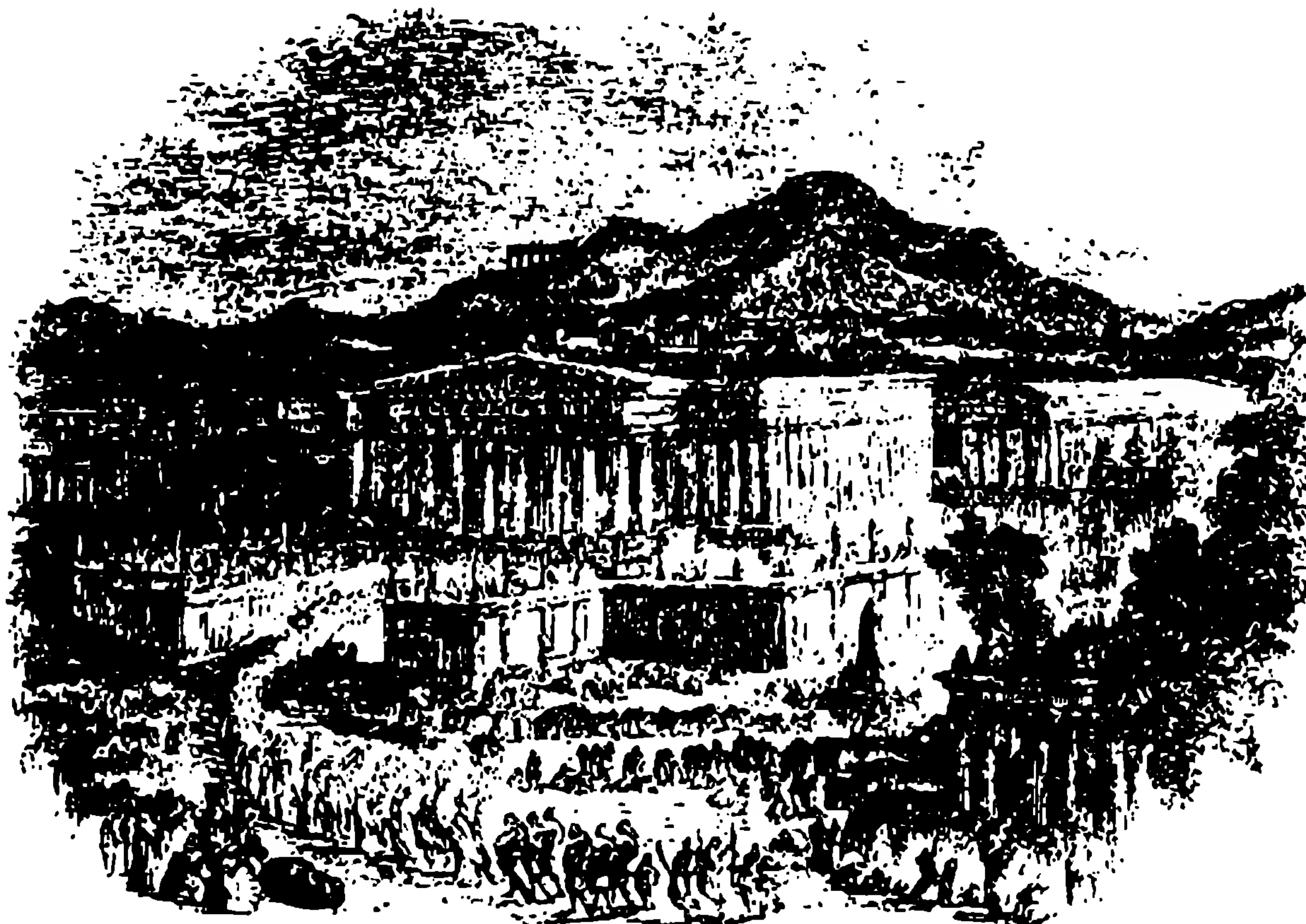
А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. А вы, сударь, отучитесь шутить не ко времени. На все своя пора.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Очень бы хотелось опровергнуть это, да боюсь опять холерической вспышки.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. Опровергнуть? Каким примером?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Таким же ясным, как
ясна лысина на голове у старика Времени.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. Любопытно было бы
послушать.

Храм Дианы в Эфесе

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Да вот; ни в какую пору
не удастся вырастить волосы, которые вылезли сами собой.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. Разве нельзя это сде-
лать, употребив врачебные средства?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Только употребив де-
нежные средства на покупку чужих волос. Но тогда оплещи-
вает другой.

Антифол Сиракузский. Почему же Время так скупится на волосы, когда их всюду так много?

Дромियो Сиракузский. Волосы — дар, который оно бережет для зверей; а людям, недодавая волос, оно прибавляет ума.

Антифол Сиракузский. Ну, у многих волос больше, чем ума.

Дромियो Сиракузский. А все-таки ума у них хватит на то, чтобы потерять волосы.

Антифол Сиракузский. Так, по-твоему, люди с густыми волосами — простаки, лишенные ума?

Дромियो Сиракузский. Чем они проще, тем скорее плешивеют; но потеря волос идет им на пользу.

Антифол Сиракузский. По какому соображению?

Дромियो Сиракузский. По двум и очень здоровым.

Антифол Сиракузский. Здоровым? Какое уж тут здоровье?

Дромियो Сиракузский. Ну, так верным.

Антифол Сиракузский. Что тут верного, когда приходится прибегать к фальшивым волосам?

Дромियो Сиракузский. Ну, скажем, по некоторым.

Антифол Сиракузский. Каким же именно?

Дромियो Сиракузский. Во-первых, сохранятся деньги, которые уходили на причесывание волос, а во-вторых, волосы не будут падать в суп.

Антифол Сиракузский. Ты всем этим хотел доказать, что не на все бывает свое время?

Дромियो Сиракузский. Конечно, и доказал: ни в какое время не вытребуешь у природы пропавших волос.

Антифол Сиракузский. Но твой аргумент не доведен до конца; почему их не вытребуешь?

Дромियो Сиракузский. А я его дополню: время само лысо и хочет, чтобы до конца мира у всех было на голове пусто и лысо.

Антифол Сиракузский

Вот ты и кончил лысым заключеньем.
Но тише! Кто-то подает нам знаки.

Входят Адриана и Люциана.

Адриана

Да, Антифол, смотри, суров и хмур;
Дари другим всю сладость этих взоров.
Не Адриана, не жена тебе я!
А было время — ты охотно клялся,
Что слаще слов не слышал никогда,
Что ничего прекраснее не видел,
Прикосновения не знал нежней
И ничего не ел вкусней, как в дни,
Когда с тобой была я, говорила,
Тебя ласкала, подавала есть.
Как мог ты стать таким чужим себе же?

Да-да, себе — чужим став для меня;
Ведь я с тобою слита нераздельно;
Я часть твоя и лучшая притом.
Не разрывай же этого союза:
Ведь легче, мой любимый,
каплю бросить

В пучину моря и потом ее
Извлечь опять несмешанной оттуда,
Без приращенья или уменьшенья,
Чем взять тебя, не взяв тем и меня!
Ведь как тебя задело б за живое,
Когда б ты знал, что впала я в разврат,
Что это тело, данное тебе,
Осквернено бесстыдством похотливым?
Ты б отшвырнул с презреньем имя мужа,
Содрал с меня запятнанную кожу,
Сорвал кольцо венчальное с руки
И разломал, навеки дав развод!
Ты это сделал бы?

Так сделай сразу!

Меня позор измены запятнал,
И в кровь мою проникла грязью похоть:
Ведь если два — едина плоть, то разом
С тобой ты отравляешь и жену;
Распутна я от твоего разврата.
Оберегай супружеское ложе:
Когда ты чист, чиста я буду тоже.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Сударыня, ко мне ли ваша речь?
Не знаю вас: я два часа в Эфесе;
Мне город чужд, как ваших смысл речей;
Я слушал их, я полон был вниманья,
И все же я далек от пониманья.

Л ю ц и а н а

Фи, брат! Зачем так изменились вы?
Когда с сестрой так странно обращались?
Она шлет Дромио вас звать домой...

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Как, Дромио?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Меня?

А д р и а н а

Тебя; и, возвратясь, ты говоришь,
Что он побил тебя, крича: “Не знаю,
Знать не хочу ни дома, ни жены!”

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Так с этой дамой сговорились вы?
В чем смысл и цель такого заговора?

**Антифол Сиракузский и Люциана.
Рисунок Ромберга с гравюры Шервина**

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Я, сударь? Я в глаза ее не видел!

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Лжешь, негодяй: как мог тогда ты раньше
Твердить мне то, что говорит она?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Да отродясь не говорил я с нею!

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Тогда откуда наши имена
Она узнала? По наитью, что ли?

А д р и а н а

О, как свое достоинство роняешь
Ты, подстрекая низкого раба
Противоречить мне! Оскорблена
Уже одним твоим я удаленьем;
Зачем удар усиливать презреньем?
Мой муж! За твой рукав я уцеплюсь,
Мой крепкий вяз! Лозою обовьюсь
Вокруг тебя, чтоб мощь твоя и сила
И мне, бессильной, крепость сообщила!
И разделять что может нас с тобой?
Колючки, плющ нахальный, мой дрянной?

Отрежь его, иль будет он впиваться
Все дальше вглубь и соками питаться!

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Да, эта речь обращена ко мне...
Уж не женился ль я на ней во сне?
Иль сплю теперь, а это лишь виденье?
Как обмануть нас могут слух и зрение!
Ну что ж, пока загадку не пойму,
В обмане чувств участие приму.

Л ю ц и а н а

Вели же, Дромио, подать обед.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Спаси нас крест святой! Жаль четок нет.
Ну, и сторонка леших! Где мы, что мы?
Ведь это черти, домовые, гномы.
Признай их власть, не то без дальних слов
Защиплют нас они до синяков!

Л ю ц и а н а

Ты что бормочешь там и не идешь?
Ползи, лентяй, слизняк, улитка, вошь!

Д р о м и о С и р а к у з с к и й
(Антифолу)

Скажите мне, я, верно, превращен?

Антифол Сиракузский
Духовно ты, как сам я, подменен.

Дромियो Сиракузский
Духовно и телесно, без изъяна.

Антифол Сиракузский
Ты — тот же.

Дромियो Сиракузский
Я, должно быть, обезьяна!

Люциана
Нет, ты прямой осел, коль хочешь знать.

Дромियो Сиракузский
И впрямь: охота травки пощипать!
Как не осел? Она меня взнуздала.
Не знаю, кто она; меня ж признала.

Адриана
Ну, будет, не хочу я глупой быть,
Тереть глаза и лить насильно слезы,
Смеша и господина и слугу. —

Адриана
(Антифолу)
Идем обедать.—

(К Дромио.)

Ты же стой у двери. —
Сегодня, муж, со мною пообедай
И исповедуйся в своих проделках. —
Ты, плут, здесь сторожи, а спросит кто,
Где господин, — скажи: ушел из дома,
И не впускай! — Иду, сестра, иду!

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Я на земле, на небе иль в аду?
Я сплю иль нет? Здоров иль ум теряю?
Известно им, а сам того не знаю!
Пока слова их буду подтверждать;
Хочу еще в тумане поблуждать.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Что ж, господин мой, дверь мне сторожить?

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

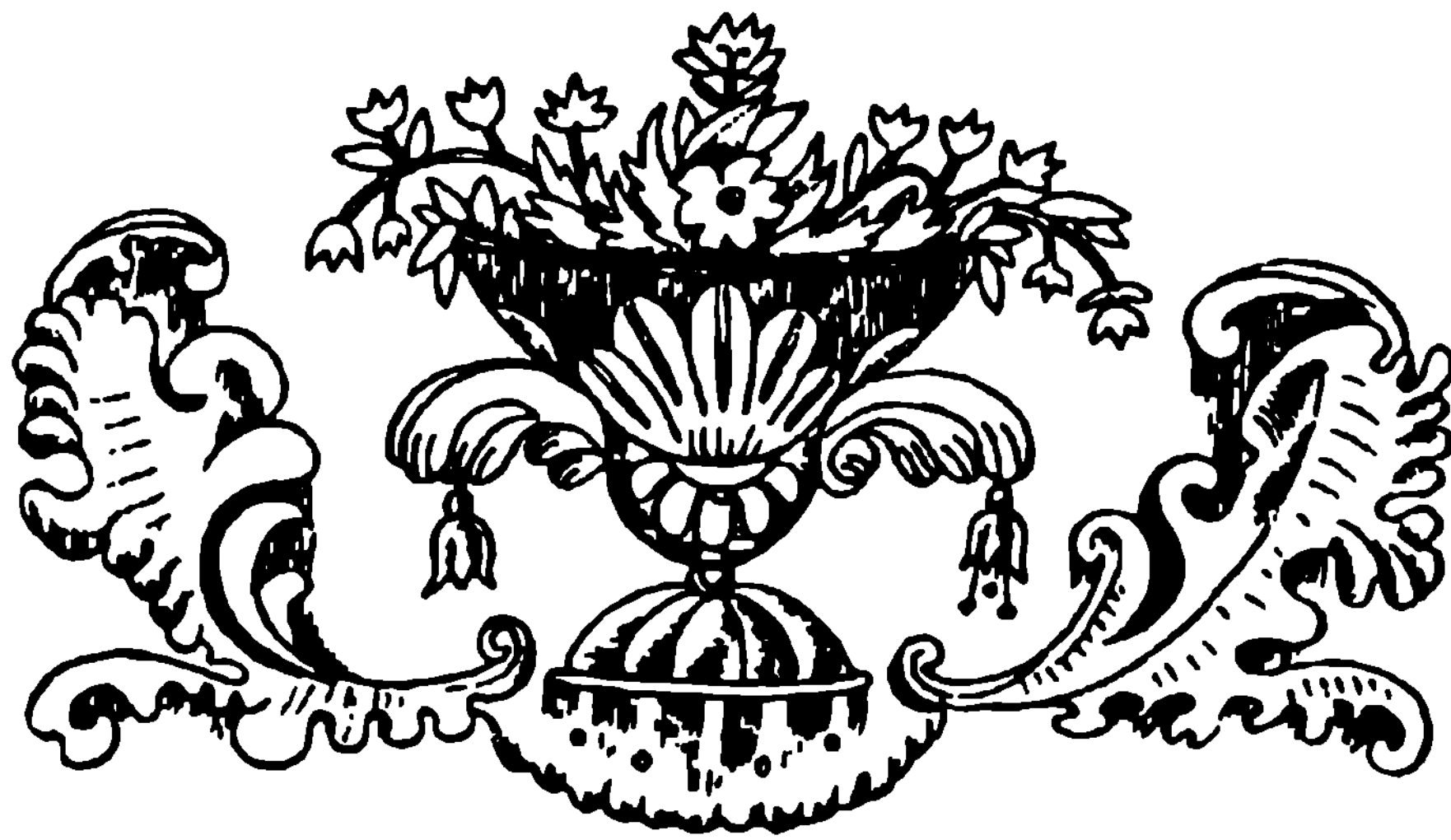
Да, берегись кого-нибудь впустить.

Л ю ц и а н а

Пойдемте, брат: успел обед остыть.

Уходят.

АКТ III

Сцена 1

Перед домом Антифола Эфесского.

Входят Антифол Эфесский, Дромио Эфесский,
Анджело и Бальтазар.

Антифол Эфесский

Синьор добрейший Анджело, прошу мне
Помочь: жена не любит опозданий.
Скажите ей, что в вашей мастерской
Я задержался, глядя, как готовят
Ту цепь, что принесете ей вы завтра.

(Показывает на Дромио.)

Вот этот плут мне врет в лицо: я будто
Его на рынке встретил, колотил,
Снабдил зачем-то тысячею марок,
Отрекся вдруг от дома и жены... —
К чему ты врал — ну, пьяница, скажи?

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Говорите, что хотите: знаю я, что знаю;
Вы меня на рынке били, боль я ощущаю:
Будь моя спина пергамент, а пинки — чернила,
Ваша рукопись самих вас быстро б убедила.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Убежден я, что осел ты.

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Очень может быть:

Как осел, я терпеливо дал себя избить;
А вот если б я лягнул вас, рассержен пинками,
Вы б, узнавши пяток силу, не дрались с ослами.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

У синьора Бальтазара невеселый вид;
Может быть, прием радушный вас развеселит.

Б а л ь т а з а р

Яства дешево ценю я, но привет манит.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

О синьор, коль мясом, рыбой не полна посуда,
То привет радушный — вряд ли лакомое блюдо.

Б а л ь т а з а р

Угощение найдется и у мужиков.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

А привет у всех: не жалко никому ведь слов.

Б а л ь т а з а р

Как ни скромн стол радушный, это пир горой.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Если скуп хозяин дома, да и гость — скупой.
Впрочем, сам я вам ручаюсь только за привет:
Пир найдете вы обильней, но радушной — нет —
Но все заперто: кричи же, чтоб открыли вход!

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Эй, Цецилия, Бригитта, Джен, Джильяна, Мод!

Д р о м и о С и р а к у з с к и й
(изнутри)

Дуралей, колпак, бездельник, сборище заплат!
Вон! Не то, у двери сидя, высидишь цыплят!
Что ты кличешь потаскушек без числа и счета?
Убирайся! И с одной нам тяжкая забота.

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Олух! Господин наш ждет тут посреди дороги!

Д р о м и о С и р а к у з с к и й
(изнутри)

Пусть скорей назад уходит, иль простудит ноги.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Кто там мешкает так долго? Живо, отворите!

Д р о м и о С и р а к у з с к и й
(изнутри)

Да зачем нам это нужно, вы сперва скажите.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Как зачем? хочу обедать: я еще не ел.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й
(изнутри)

Подадут обед вам завтра: нынче не поспел.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Кто ты? Как меня ты смеешь
в дом мой не пускать?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й
(изнутри)

Дромио, привратник здешний;
вот меня как звать.

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Негодяй! Украл ты должность, да еще и имя;
Впрочем, выгоды не много приобрел ты с ними.
Стань ты Дромио пораньше в звании моем,
Ты б сменил лицо и имя, чтобы стать ослом.

Л ю с
(изнутри)

Что за шум там у порога? Дромио, кто там?

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Господин мой, Люс.

Л ю с
(изнутри)

Поздненько он приплелся к нам, —
Так ему и передай ты.

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Право? Вот потеха!
Но как пустим в ход мы палку,
будет не до смеха.

Л ю с
(изнутри)

По пословице, у палки есть другой конец.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й
(изнутри)

Люс тебя зовут как будто? Девка молодец!

А н т и ф о л Э ф е с с к и й. Что же, слышишь нас, милашка? Впустишь или нет?

Л ю с
(изнутри)

Вы уж раз меня спросили.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й
(изнутри)

И был дан ответ.

Д р о м и о Э ф е с с к и й
Вот лихая перепалка: за привет — привет!

А н т и ф о л Э ф е с с к и й
Отворяй сейчас, скотина!

Л ю с
(изнутри)

Было б для кого!

Д р о м и о Э ф е с с к и й
Бейте в дверь!

Л ю с
(изнутри)

Она не плачет; бейте, ничего!

А н т и ф о л Э ф е с с к и й
Ты, милашка, будешь плакать, как ее собьем.

Л ю с
(изнутри)

Мы для вас колодок пару без труда найдем.

А д р и а н а
(изнутри)

Кто стучит так нагло в двери, беспокоя нас?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й
(изнутри)

Да, хорошие ребята в городе у вас!

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Это ты, жена? Вели же, чтоб открыли нам.

А д р и а н а (изнутри). Что? Жена твоя, бездельник?
Убирайся вон!

Д р о м и о Э ф е с с к и й
В час расплаты и “бездельник” будет вам зачтен.

А н д ж е л о

Ни привета, ни обеда; коли так — уйдем.

Б а л ь т а з а р

Да, мы спорили, что лучше,
и остались ни при чем.

Д р о м и о Э ф е с с к и й
(Антифолу Эфесскому)

У дверей стоят ведь гости: приглашайте в дом!

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Ветром, что ли, нам надуло чертовщину эту?

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Хорошо, что вам случилось быть тепло одетым.
Мерзни здесь! Пирог горячий, да не нам назначен;
Как козел, начнет бодаться, кто так одурачен.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Принеси скорее лом мне: дверь я разобью.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й
(изнутри)

Разбивай, что разобьется; я ж — башку твою.

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Эх, слова ведь только ветер: что же ими драться?
Замолчишь ты очень скоро,
только б нам ворваться!

Д р о м и о С и р а к у з с к и й
(изнутри)

И удары будут, олух! Поспешешь уйти.

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Да ушел-то я давно уж; надо бы войти.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й
(изнутри)

Ну, сперва без перьев птицу нужно принести.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Лом добудь мне у соседей, будем дверь долбить.

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Лом? Долбить? Без перьев галку,
значит, вам добыть?
Это можно! Плут, ты слышишь?
Птицу мы найдем
И потом тебя оциплем — будешь голым соколом.

Антифол Эфесский

Ступай скорей и принеси мне лом.

Бальтазар

Терпенье, сударь! Не годится это:
Вы штурмовать свою ж хотите честь;
Вы шумом навлечете подозренья
На добродетель собственной жены.
Ручаются прожитые года,
Все поведение ее и скромность
За то, что есть теперь у ней причина
Пред вами двери дома затворить.
Она потом вам объяснит ее.
Послушайтесь меня: уйдем спокойно
И сядем в “Тигре” вместе за обед;
А вечером вернетесь вы один
Узнать, зачем нас в дом ваш не пускали.
Но, если силой вы ворветесь в дверь
Средь бела дня, когда полна вся площадь, —
Чего о вас толпа не наплетет?
И клевета, направленная дерзко,
На вашу незапятнанную честь,
Проникнет всюду, даже и в могилу, —
Дурная слава держится в потомстве;
Она и вас самих переживет, —
Вселившись в дом, она уж не уйдет.

Антифол Эфесский

Вы правы: я уйду отсюда мирно
И даже постараюсь весел быть.
Я знаю здесь веселую девчонку —
Лицом красива, бойкостью мила
И умница; жена моя не раз
(Но, право, без достаточной причины)
К ней ревновала. Так теперь пойдем
Обедать с ней.

(К Анджело.)

А вы домой зайдите,
Возьмите цепь — готова уж она,
Я думаю, — и приходите с ней
В дом “Дикобраза”, где сберемся мы;
Девчонка там живет. Хочу цепочку
(Моей супруге назло) подарить
Хозяйке пира. Но поторопитесь!
Когда мои мне двери закрывают,
Стучусь к другим, там, может, принимают.

Анджело

Вам обождать меня часок придется.

Антифол Эфесский

Недешево мне шутка обойдется!

Уходят.

Сцена 2

Там же.

Входят Люциана и Антифол Сиракузский.

Люциана

Как, Антифол, могли вы так забыть
Свой долг? Ужель назначено судьбиной
Росткам любви во дни весны загнить,
Дворцу любви так скоро пасть руиной?
Коль вас расчет толкнул на брак с сестрой,
Платите ей за деньги честно лаской;
И, если страсть теперь влечет к другой,
Таите грех; грешите, но с опаской.
Пусть не прочтет о нем у вас в глазах
Моя сестра: язык, как лжесвидетель,
Скрывать позор научится в словах;
Пусть ваш порок рядится в добродетель.
Вид чистоты учитесь сохранять,
Святым казаться даже в прегрешенье.
Зачем сестре измены ваши знать?
Какой же вор кричит о преступленье?
Двойное зло — женой пренебрегать
И ей кричать об этом каждым взглядом.
Ведь грех и славу может породить,
Коль нет злых слов с дурным поступком рядом.
Бедняжки мы! Хоть тень любви нам дав,
Утешьте нас! Ведь верим так легко мы!

Отнявши руку, дайте хоть рукав;
В орбите вашей мы, вослед влекомы.
Мой милый брат, вернитесь же туда,
Сестру утешьте, с ней побудьте вместе;

Древнегреческий орнамент

И ложь нам во спасение, когда
Окончить ссору может голос лести!

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Прекрасная! Как вас зовут, не знаю;
Не ведаю столкнувших нас чудес;
Вы сами чудо: прелесть неземная

Велит вас счесть посланницей небес.
О дивная! Я б счастлив был, когда бы
Помочь земному грубому уму
Решились вы; растерянный и слабый,
Я скрытый смысл слов ваших не пойму.
Зачем душе доверчивой велите
В пространствах неизвестности блуждать?
Богиня вы? Пересоздать хотите?
Покорен я, готов другим я стать!
Но все ж пока собою остаюсь я.
Та женщина в слезах — мне не жена;
Совсем не к ней, не к ней душой стремлюсь я:
Вам, а не ей над сердцем власть дана.
О, не влеки меня, морская дева,
В пучину слез, излитую сестрой:
Мани к себе всей прелестью напева
И златом кос, раскинутых волной
На ложе вод серебряных. Плененный,
Я лягу сам, чтоб сном любви уснуть;
Умру, блаженством смерти упоенный,
Когда Любовь способна потонуть.

Л ю ц и а н а

Безумны вы, что говорите так.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Я ослеплен, и сам не знаю как.

Л ю ц и а н а

Так пусть порок вам не слепит очей.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Я ослеплен игрой твоих лучей,
Мой дивный свет!

Л ю ц и а н а

Спешите же к жене!

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Любовь моя! Во мраке слепнуть мне?

Л ю ц и а н а

В сестре моей для вас любовь и свет.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

В сестре сестры.

Л ю ц и а н а

В моей сестре.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

О нет!

В тебе одной, душа души моей!
Ты сердце сердца, свет моих очей,

Дороже мне, нужней богатств и хлеба,
Мой рай земной, моей надежды небо!

Л ю ц и а н а

Но вы должны мою сестру так звать.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

О, согласись сестрой своею стать!
Тебя люблю, тебе я жизнь отдам!
Свободна ты, и я свободен сам;
Отдай мне руку...

Л ю ц и а н а

Полно, замолчите;
Придет сестра, вы это с ней решите.

(Уходит.)

Входит Дромио Сиракузский.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. В чем дело, Дромио,
почему ты бежишь?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Узнаете вы меня, су-
дарь? Я — Дромио? Ваш слуга? Это — я сам?

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. Ты Дромио, ты мой
слуга, и ты — ты сам.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Нет, я — осел, я — муж
какой-то женщины и я — не я.

Антифол Сиракузский. Муж какой-то женщины? И как это ты — не ты?

Дромियो Сиракузский. Ну, конечно, сударь, не я; я — собственность какой-то женщины; она требует меня, пристаёт и хочет владеть мною.

Антифол Сиракузский. Какие же она предъявляет права?

Дромियो Сиракузский. Да такие самые, господин, по каким вы владеете своей лошадыю. Она хочет владеть мной, как скотиной, и не потому, чтобы я был скотом, а потому, что сама на скотину похожа.

Антифол Сиракузский. Кто же она?

Дромियो Сиракузский. Да просто туша таких почтенных размеров, что прямо мое почтение! Невеста, что и говорить, — жирный кусок, да только я при ней совсем отощаю.

Антифол Сиракузский. Что же это за жирный кусок?

Дромियो Сиракузский. Она, сударь, кухарка и вся заплыла жиром; не знаю, на что она годится, разве только сделать из нее лампу и бежать от нее при ее собственном свете. И в лохмотьях ее столько сала, что его хватит на всю длинную польскую зиму; а если она доживет до Страшного суда, то будет гореть недель дольше, чем все остальные люди.

Антифол Сиракузский. А какова лицом?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Черная, как мои башмаки, только рожа ее гораздо грязнее: она так потеет, что любой мужчина наберет полные башмаки, пройдя по такой грязи.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. Ну, этот недостаток можно устранить водой.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Нет, сударь, это уж врожденное: тут и Ноев потоп не помог бы.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. А зовут ее как?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Зовут Нелль; и в нее, как в бочку, можно наливать эль: три четверти не заполнят ее от бедра до бедра.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. Так она широка?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. От головы до пяток не больше, чем от бедра до бедра; поперек себя толще: совсем шар, глобус; все страны можно отыскать на ней.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. На какой ее части находится Ирландия?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Конечно, сударь, на задней: сразу видно по грязи.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. А Шотландия?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Где голо и шероховато: на ладонях.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. А Франция?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. На лбу, вооружившемся и поднявшемся войною против собственных волос.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. А Англия?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Искал я меловых утесов, да не нашел ничего белого; полагаю, однако, что Англия находится на подбородке, судя по соленой влаге, протекающей между ним и Францией.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. А Испания?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Этого, я, право, не знаю, но она чувствуется в ее горячем дыхании.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. А Америка и обе Индии?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. О, сударь, на ее носу: он весь усыпан рубинами, карбункулами, сапфирами; все эти богатства рассыпались перед горячим дыханием Испании, высылающей целые армады галер нагружаться под ее носом.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. А где находятся Бельгия и Нидерландские низменности?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Сударь, так низко я не стал смотреть. И вот эта грязнуха, эта ведьма предъявила свои права на меня! Она называла меня Дромио; клялась, что обручен с ней, описала мои приметы: пятно на плече, родинку на шее, большую бородавку на левой руке... Я в страхе бежал от нее, как от колдуньи.

Не будь твердыней веры грудь из стали закаленной,
Крутил бы вертел ведьме я, в собаку превращенный.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Беги сейчас, взгляни, откуда дует
Сегодня ветер. Если с берегов,

То не хочу здесь оставаться на ночь.
Найди корабль, к отплытию готовый,
И приходи: я буду ждать на рынке.
Все знают нас, а нам никто не ведом;
Пора бежать; все приготовь — и едем.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й
Да, господин! Как от медведя, я бы
Удрать был рад от этой скверной бабы!
(Уходит.)

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й
И подлинно здесь колдуны живут;
Пора, давно пора бежать отсюда!
Та, что зовет меня супругом, мне
Не по душе; зато ее сестра
Так привлекательна, кротка, мила,
Так обольстительна лицом и речью,
Что я себе почти что изменил.
Но, чтоб избежать гибели и плена,
Заткну я уши — пусть поет сирена!

Входит А н д ж е л о.

А н д ж е л о

Вот Антифол!

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й
Да, так меня зовут.

А н д ж е л о

Я знаю, сударь; вот и ваша цепь.
Мне вас застать хотелось в “Дикобразе”,
Но ждать пришлось, чтоб кончили ее.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Чего ж хотите вы? Что с ней мне делать?

А н д ж е л о

Что вам угодно: ваша ведь она.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Она — моя? Я вам давал заказ?

А н д ж е л о

Не раз, не два, а двадцать раз велели
Ее принести. Идите же домой
Обрадовать жену; а за деньгами
К вам на дом сам я вечером зайду.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Берите деньги сразу: ведь остаться
вы можете без цепи и без них.

А н д ж е л о

О сударь, вы шутник! До скорой встречи.

(Уходит.)

Антифол Сиракузский

Что думать мне? Что значат эти речи?
Но, право, глупо было бы не брать
Того, что вам хотят любезно дать.
Ну, город! В нем могли бы жить без трат:
Здесь золото на улицах дарят.
А все ж пойду... Что Дромио нейдет?
Коль есть корабль, пусть тотчас нас везет.
(Уходит.)

АКТ IV

Сцена 1

Площадь.

Входят второй купец, Анджело и пристав.

Второй купец

Вы знаете, что с Троицы должны мне,
И я не слишком беспокоил вас;
Не стал бы и теперь теснить, но еду
Я в Персию, и деньги нужны мне.
А потому со мною расплатитесь,
Иль в руки власти вас я передам.

А н д ж е л о

Как раз ту сумму, что я должен вам,
Мне Антифол обязан уплатить.
Сейчас, пред тем, как встретились мы с вами,
Я цепь ему вручил, а в шесть часов
Я должен получить с него и деньги.

Угодно вам пройти со мной к нему?
Я долг верну признательно и честно.

Из дома куртизанки выходят Антифол Эфесский и
Дромио Эфесский.

П р и с т а в

Не надо и ходить: вот он и сам.

Антифол Эфесский
(К Дромио)

Схожу я к ювелиру, ты ж купи
Конец веревки мне; хочу жену
И слуг ее попотчевать подарком
За то, что двери заперли мои. —
А, ювелир пришел!.. — Ты все ж поди
И жди меня с веревкой у ворот.

Дромио Эфесский
Куплю с такой охотою, как если б
Две тысячи дохода покупал!

(Уходит.)

Антифол Эфесский
Как можно вам довериться — я вижу!
Я обещал, что цепь она получит, —
И до сих пор ни вас нет, ни подарка!

Иль вы боялись цепью спутать нас
Уж слишком крепко? Что за осторожность!

А н д ж е л о

Все шутки! Перейдем, однако, к делу.
Вот счет; в каратах здесь указан вес,
И проба цепи, и цена работы;
На два иль три дуката выше сумма
Той, что я должен этому купцу.
Я вас прошу отдать мой долг ему
Теперь же; он совсем готов в дорогу
И ждет лишь денег, чтоб пуститься в путь.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Сейчас при мне такой нет суммы. Сам я
Спешу по делу в город; так пройти
Вы потрудитесь вместе с господином
В мой дом и захватите эту цепь.
Жена сейчас вам за нее заплатит;
А может быть, вернусь уже и я.

А н д ж е л о

Супруге цепь вы сами отдадите?

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Снесите вы: я запоздать могу.

А н д ж е л о

Охотно, сударь, ведь она при вас?

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Как так — при мне? При вас она должна быть.
За что ж иначе деньги вам платить?

А н д ж е л о

Ну, полно, сударь! Дайте же мне цепь.
Теперь прилив, попутный ветер: время
Как раз отплыть; я задержал его.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Вы не хотите ль этой странной шуткой
Предупредить заслуженный упрек
За то, что не явились к “Дикобразу”?
Затеяв спор, по-бабьи скрыть вину?

В т о р о й к у п е ц

Кончайте же; теряю время я.

А н д ж е л о

Вы слышите, торопит он; так цепь...

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Отдав жене, свои возьмите деньги.

А н д ж е л о

Ну, будет! Вы ее недавно взяли...
Давайте цепь иль ваш приказ жене.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Фу! В шутке вы уж перешли границы.
Где эта цепь? Показывайте! Ну!

В т о р о й к у п е ц

Мои дела не терпят проволочки.
Ответьте же мне, сударь: да иль нет?
Коль нет, я взять его велю под стражу.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Ответить? Вам? О чем вам дать ответ?

А н д ж е л о

О тех деньгах, что мне за цепь должны вы.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Я буду должен, получив ее.

А н д ж е л о

Я дал вам цепь лишь полчасу назад!

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Вы не давали! Это уж обида.

А н д ж е л о

Обидно то, что говорите вы,
И подрывает мой кредит торговый.

В т о р о й к у п е ц

Ну, пристав, арестуйте же его.

П р и с т а в

Сейчас. — Во имя герцога, за мною!

А н д ж е л о

Ведь репутацию теряю я!
Платите деньги, или передам,
Иск предъявив, и я вас в руки власти.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Платить за то, чего не получал?
Что ж, арестуйте, коль сошли с ума.

А н д ж е л о

Возьмите плату, пристав: арестуйте. —
Родному брату не простил бы я,
Когда б он стал так нагло издеваться!

П р и с т а в

Вы слышали? Я арестую вас.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Покуда вам залога не представлю,
Закону должен я повиноваться.
Но эта шутка обойдется вам
Дороже золота всей вашей лавки.

А н д ж е л о

О сударь! Что в Эфесе есть законы,
Вы убедитесь, к вашему стыду.

Входит Дромио Сиракузский.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Есть, сударь, есть корабль из Эпидамна;
Совсем готов и ожидает только
Хозяина, чтоб паруса поднять.
Я, сударь, уж отнес пожитки наши
На борт; купил бальзама, масла, водки.
Корабль готов, попутный ветер дует
От берегов; хозяина и вас
Ждут моряки, чтобы пуститься в море.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Оно и видно, что купил ты водки!
Какой корабль? Зачем он ждет меня?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Да вы меня искать корабль послали.

Антифол Эфесский

Я за веревкой посылал тебя,
Ты, пьяница! Зачем она — ты знаешь.

Дромио Сиракузский

Для петли? Нам не время в петлю лезть.
Найти корабль меня вы посылали.

Антифол Эфесский

С тобой я потолкую на свободе
И дам урок внимания ушам.
Беги, бездельник, прямо к Адриане,
Дай этот ключ, скажи, что в сундуке
Том, что покрыт ковром турецким, спрятан
С дукатами мешок; так пусть придет.
Скажи, что я внезапно арестован
И должен дать залог. Ну, раб, беги! —
А мы пока к тюрьме пойдемте, пристав.

Второй купец, Анджело, пристав
и Антифол Эфесский уходят.

Дромио Сиракузский

Какая Адриана? Ах, в том доме,
Где был обед и лезла в жены мне
Грязнуха, трехобхватная кухарка!

Я не пошел бы волею туда,
Да ведь не мы решаем — господа.

(Уходит.)

Сцена 2

Дом Антифола Эфесского.
Входят Адриана и Люциана.

Адриана

Так соблазнял тебя он, Люциана?
Но что могла заметить ты в глазах:
Серьезность ли иль признаки обмана?
Румянец был иль бледность на щеках?
Как отражали лик его и взоры
Души волненье, сердца метеоры?

Люциана

Он отрицал твои права над ним.

Адриана

Из них он не считался ни с одним.

Люциана

Поклялся, что он чужестранец, путник.

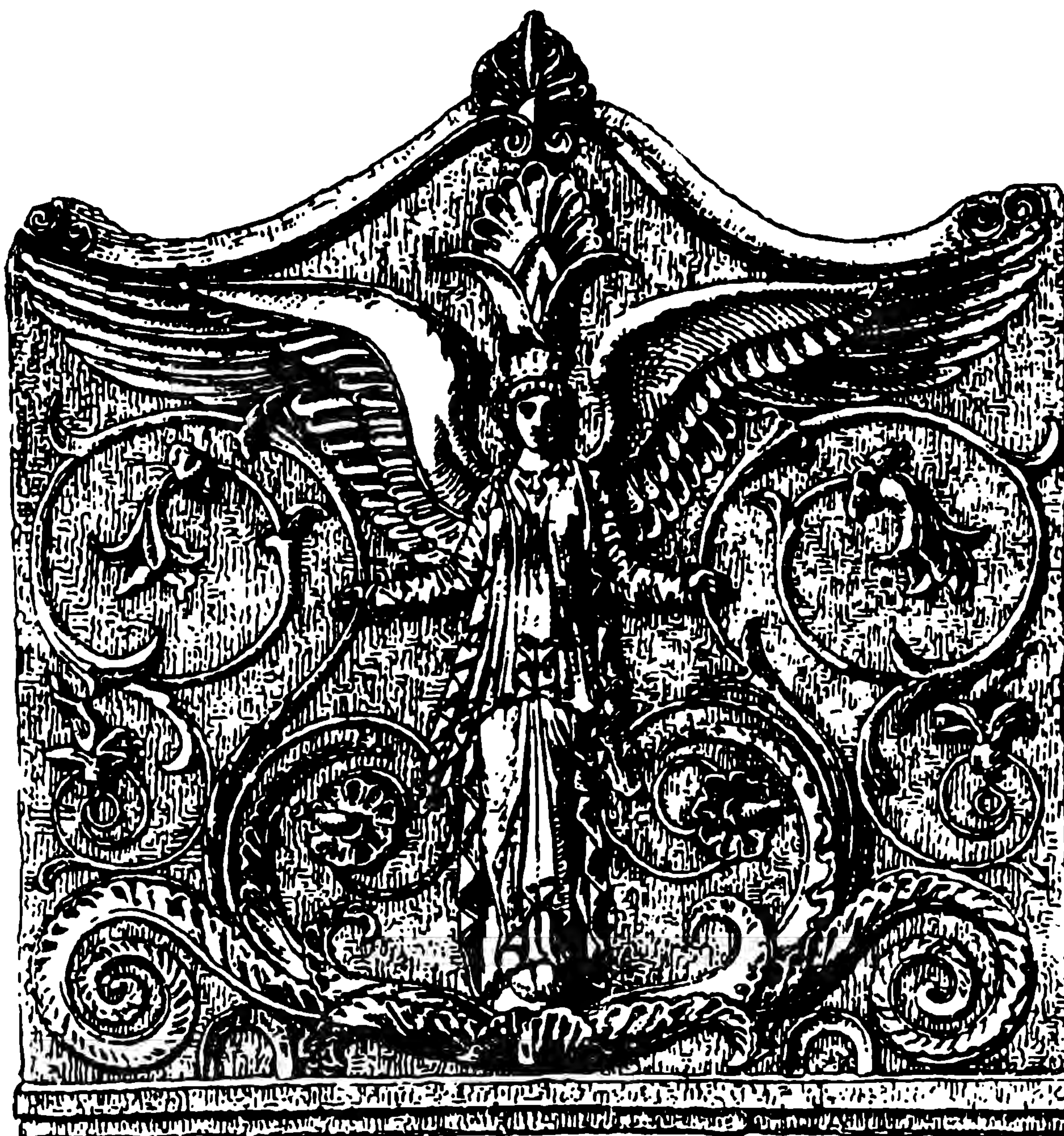
Адриана

Да, так; он не во всем клятвопреступник.

Люциана
Тебя любить просила я.

Адриана
Что ж? Нет?

Древнегреческий орнамент

Л ю ц и а н а

Но как такого можно ревновать?
С его уходом нечего терять.

А д р и а н а

Ах! Для меня он будет мил всегда,
Но станет пусть дурным в чужих глазах:
Так птички крик отводит от гнезда;
Его люблю, хоть брань в моих устах.

Входит Д р о м и о С и р а к у з с к и й.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Скорей сундук... мешок... он ключ вам дал...

Л ю ц и а н а

Да отдышись!

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Я весь в поту... бежал...

А д р и а н а

Где господин твой, Дромио, что надо?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Попал он в Тартар... это хуже ада!
Был сцапан дьяволом в прочнейшей куртке,

Как, у кого он может быть в долгу.
Он связан обязательством прямым?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й
Не связан, а скорей окован он
Какой-то цепью... Слышите вы звон?

А д р и а н а
Звон цепи?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й
Да нет, часов! Скорей, прошу я вас:
Я шел, так было два; а вот уж бьет и час.

А д р и а н а
Часы бегут назад? О, что ты говоришь!

Д р о м и о С и р а к у з с к и й
От пристава назад невольно побежишь!

А д р и а н а
Но время не должник: зачем ему бежать?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й
Оно банкрот: не может долга мгновению отдать.
Оно и вор к тому же: случилось вам слышать,
Как говорят, что время подкралось, словно тать?

Если так и если пристав попадетсЯ на пути,
Как же тут не постараться хоть на час назад уйти?

Входит Л ю ц и а н а.

А д р и а н а

Вот деньги, Дромио: беги, спеши
И приведи скорей его обратно. —
Пойдем, сестра. В смятении души
О нем мне думать больно и приятно.

Уходит.

Сцена 3

Там же.

Входит А н т и ф о л С и р а к у з с к и й.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Кого ни встречу — все со мной знакомы,
Приветствуют, как давние друзья,
И правильно по имени зовут;
Готовы денег дать и приглашают
К себе, за что-нибудь благодарЯ.
Один мне предложил набрать товару,
А вот сейчас портной меня зазвал,
Чтоб показать атлас, что им был куплен
На платье мне, и кстати мерку снять.

Заехал я в страну воображенья?
Иль город здесь лапландских колдунов?

Входит Д р о м и о С и р а к у з с к и й.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Вот вам, сударь, деньги, которые вы велели принести. А где же образ древнего Адама, вырядившегося по-новому?

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. Какие деньги? И какой такой Адам?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Не тот Адам, что когда-то стерег рай, а тот, что ныне сторожит тюрьму, одетый в кожу жирного тельца, заколотого для блудного сына; тот, что шел за вами, как злой дух, и хотел отнять у вас свободу.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. Я не понимаю тебя.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Нет? Да ведь это так ясно. Ну, тот контрабас в кожаном футляре; тот, что сажает в свой карман усталых путников, чтобы они отдохнули; жалеет разорившихся людей и доставляет им даровые квартиры, а сам свой досуг употребляет на то, чтобы дубинкой творить более великие чудеса, чем мавр своим копьем?..

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. Как! Ты говоришь о приставе?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Ну да, о начальнике стражи, чей долг — тянуть к ответу тех, кто не платит долгов; о том, кто заключил, что всем людям хочется спать, и потому готов дать любому постель в местах заключения.

Антифол Сиракузский. Ну, ладно, заключи этим свою болтовню. Уходит какой-нибудь корабль ночью? Можем мы уехать?

Дромियो Сиракузский. Как же, сударь! Час назад я докладывал вам, что судно “Поспешность” отплывает ночью; но вас задержал пристав на пароме “Отсрочка”, и вот в мешке ангелочки, посланные освободить вас.

Антифол Сиракузский

Ну, малый с толку сбился, как и я!
Мы оба здесь во власти заблуждений.
Спасите нас, святые силы неба!

Входит куртизанка.

Куртизанка

Как рада, Антифол, я встретить вас.
Вы отыскали, вижу, ювелира:
Ведь вот та цепь, что обещали мне?

Антифол Сиракузский

Не искушай! Отыди, сатана!

Дромियो Сиракузский. Сударь, неужели это гос-
пожа Сатана?

Антифол Сиракузский. Это сам господин черт.

Дромियो Сиракузский. Нет, хуже; это чертова
бабушка, явившаяся сюда в образе женщины легкого пове-

дения. От этого и происходит, что когда женщина говорит: “Прокляни меня, господи!”, то это все равно, как если бы она сказала: “Сделай из меня, господи, женщину легкого поведения!” Ведь в писании сказано, что дьяволы являлись людям в образе легких и светлых ангелов; свет происходил от огня, а огонь жжет; следовательно, потаскушка также может обжечь: не подходите к ней!

К у р т и з а н к а

Шутник вы, сударь, как и ваш слуга.
Пойдем ко мне? Дополним наш обед?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Господин мой, если будет жидкое кушанье, так приготовьте длинную ложку.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й. Почему, Дромио?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Да потому, что кто ест с дьяволом, у того должна быть длинная ложка.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Отыди, бес! Какой с тобою ужин?
Ты чародейка, как и все твои.
Аминь, аминь, рассыпся, уходи!

К у р т и з а н к а

Верните перстень, взятый за обедом,
Иль дайте цепь, обещанную мне, —
Тогда уйду и вас смущать не буду.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Другим чертям обрезок ногтя нужен,
Булавка, капля крови, волосок,
Орешек, косточка от вишни; этой —
Дай дорогую цепь!
Побойтесь, господин мой! Не давайте,
А то нас дьявол в цепи закует!

К у р т и з а н к а

Прошу, отдайте мне кольцо иль цепь;
Надеюсь, обмануть вы постыдитесь.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Исчезни, ведьма! — Дромио, идем!

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

“Не чваньтесь, дама”, — говорил павлин.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й и Д р о м и о С и р а к у з с к и й
уходят.

К у р т и з а н к а

Ну, Антифол с ума совсем сошел,
Иначе б так себя он не унизил.
Он взял кольцо, ценой дукатов в сорок,
И обещал дорожке цепь взамен;
Теперь же дать не хочет ничего.

Чем объяснить, как не безумьем явным,
И это, и его внезапный гнев,
И за обедом тот рассказ безумный,
Что дома дверь замкнули перед ним?
Жена болезнь его, конечно, знает,
А потому и не впустила в дом.
Мне надо к ней отправиться сейчас же
И рассказать, что, вдруг сойдя с ума,
Ко мне ворвался он и силой взял
Мое кольцо; да, надо так сказать.
Дукатов сорок! Их нельзя терять.

(Уходит.)

Сцена 4

Улица.

Входят Антифол Эфесский и пристав.

Антифол Эфесский

Не бойся за меня: не убегу;
Уйду тогда, когда внесу сполна
Тебе всю сумму должного залога.
Моя жена расстроена сегодня
И не поверит так легко слуге,
Что мог быть арестован я в Эфесе.
Да это, правда, трудно и понять.

Входит Дромио Эфесский с веревкой.

Вот мой слуга: принес, должно быть, деньги. —
Ну, как дела? Что я велел, принес?

Д р о м и о Э ф е с с к и й
А вот; уж этого на всех вам хватит.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й
А деньги где?

Д р о м и о Э ф е с с к и й
Я, сударь, их истратил на канат.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й
Пятьсот дукатов — на канат, бездельник?

Д р о м и о Э ф е с с к и й
Что? О, за столько я пятьсот куплю.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й
Да на какой конец ты послан мной?

Д р о м и о Э ф е с с к и й
Купить конец веревки; вот он, нате.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й
На, получи, вот этим же концом.

(Бьет его.)

П р и с т а в. О, сударь, будьте терпеливей!

Д р о м и о Э ф е с с к и й. Терпенья надо пожелать мне: ведь невзгоду терплю я.

П р и с т а в. Ну, ты, сдержи язык.

Д р о м и о Э ф е с с к и й. Если он сдержит свои руки.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й. Сын потаскухи, бесчувственный негодяй!

Д р о м и о Э ф е с с к и й. Я хотел бы быть бесчувственным, чтоб не чувствовать ваших ударов.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й. Ты только удары и чувствуешь, как осел.

Д р о м и о Э ф е с с к и й. Я и в самом деле осел; можете убедиться в этом по моим длинным ушам. — Я служу ему с того часа, как родился, и до сих пор ничего не получил за службу из его рук, кроме побоев. Если мне холодно, он согревает меня ударами; если жарко, прохлаждает ими; меня будят пинками, если я заснул; поднимают ими, если сижу, провожают ими, когда ухожу из дому, и встречают когда возвращаюсь. Я постоянно ношу их на спине, как нищая — своего ребенка; и, когда он искалечит меня, я так и буду с ними ходить за милостыней из дома в дом.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й. Идем, идем: вот и моя жена.

Входит Адриана, Люциана, куртизанка и Пинч.

Д р о м и о Э ф е с с к и й. Сударыня! Как говорится, *respice finem* — помните о конце, а еще лучше пророчество попугая: “Берегись конца веревки!”

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Да замолчишь ли ты?

(Бьет его.)

К у р т и з а н к а

Вот видите? Иль не безумен он?

А д р и а н а

Да, эта грубость выдает его. —

Мой добрый доктор Пинч, вы заклинатель:

Верните же бедняге здравый смысл.

Я заплачу вам, сколько захотите.

Л ю ц и а н а

Как взор его пронзителен и горд!

К у р т и з а н к а

Заметьте же, как он дрожит в припадке.

П и н ч

Позвольте руку мне — пощупать пульс.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Пощупайте и выслушайте ухом!

(Бьет его.)

П и н ч

Прочь, сатана, вселившийся в него!
Беги, сокройся пред святой молитвой
И в царство тьмы вернись прямым путем!
Тебя святыми неба заклинаю!

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Пошел, колдун! Я вовсе не безумен.

А д р и а н а

О, если б так, смятенная душа!

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

У вас, милашка, завелся приятель?
Не этот ли, с шафранной рожей, друг
Вас утешал сегодня за обедом?
Вы потому велели запереть
И заградить хозяину все двери?

А д р и а н а

Клянусь я богом, ты обедал дома;
И если б там остался до сих пор,
Ты избежал бы этого позора!

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

“Обедал дома!” Дромио, что скажешь?

Д р о м и о Э ф е с с к и й
Скажу по чести: не было того.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й
И дверь они держали на замке?

Д р о м и о Э ф е с с к и й
Perdieu¹, клянусь, ее держали на замке.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й
Жена меня ругала через двери?

Д р о м и о Э ф е с с к и й
Sans fable², сама ругалась через двери.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й
И судомойка-девка — вместе с нею?

Д р о м и о Э ф е с с к и й
Certes³, и судомойка — вместе с нею.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й
И в бешенстве я должен был уйти?

1 Ей-богу. (Франц.)

2 Без лжи. (Франц.)

3 Безусловно. (Франц.)

С картины художника Ф.Уитли

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Да, в бешенстве; мои то знают кости:
Им ощутить пришлось ваш ярый гнев.

А д р и а н а

Полезно ль так больному потакать?

П и н ч

Худого нет: нащупал малый пунтик —
И усмирит, поддакивая, гнев.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Арестовать меня ты подучила.

А д р и а н а

Напротив! Тотчас деньги на залог
Послала с Дромио, чуть прибежал он.

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Со мною? Деньги? Может быть, хотели
То сделать вы, но я их не видал.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Ты к ней ходил, чтоб взять мешок дукатов?

А д р и а н а

Он прибежал, и я их отдала.

Л ю ц и а н а

Да, отдала; свидетель я тому.

Д р о м и о Э ф е с с к и й

А мой свидетель — бог и тот канатчик,
К которому послали вы меня!

П и н ч

Сударыня, они безумны оба —
Слуга и господин; теперь я вижу:
Связать их нужно и держать в потемках.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Скажи, зачем ты не впускала в дом? —
Зачем ты врешь, что не видал червонцев?

А д р и а н а

Я, милый муж, дверей не запирала.

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Я, господин мой, их не получал;
А двери, точно, заперли пред нами.

А д р и а н а

Лгун! Негодяй! Ты лжешь теперь вдвойне.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Сама ты лжешь, распутница, во всем.
Ты сговорилась с этой шайкой сделать
Меня предметом общего презренья.
Но не увидишь ты мой стыд и срам:
Я лживые глаза ногтями вырву!

А д р и а н а

Связать его! Ко мне не подпускайте!

Входят несколько слуг и вяжут Антифола Эфесского.

П и н ч

Сюда! На помощь! Как в нем бес силен!

Л ю ц и а н а

О бедный! Как он бледен, как глядит!

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Убить меня хотите? — Эй, тюремщик!
Ведь я твой пленник: как же терпишь ты,
Чтоб увели меня?

П р и с т а в

Оставьте!

Под стражей он: его я не отдам.

П и н ч

(показывая на Дромио Эфесского)

Вяжите и его: и он — безумный.

Слуги связывают Дромио.

А д р и а н а

Ты допускаешь это, глупый пристав?
Иль любо видеть, как больной, несчастный
Наносит вред себе же самому?

П р и с т а в

Он арестован; если отпущу,
То долг его потребуют с меня.

А д р и а н а

Сейчас сниму обязанность твою;
Веди меня немедля к кредитору,
И этот долг сама я уплачу. —
А вы, почтенный доктор, позаботьтесь
Их увести. — О злой, несчастный день!

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

О злая потаскуха!

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Меня связали тоже из-за вас.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Пошел ты прочь! Не зли меня, бездельник!

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Себя связать и сделать сумасшедшим
Дадите вы? Я черта б призывал!

Л ю ц и а н а

Спаси их бог! Как дики все их речи!

А д р и а н а

Ведите их! — Пойдем со мной, сестра.

П и н ч и слуги уходят, уводя Антифола Эфесского
и Дромио Эфесского.

Ну, говори, кто требовал ареста?

П р и с т а в

Анжело, ювелир, известен вам?

А д р и а н а

Да, знаю. А какая сумма долга?

П р и с т а в

Он о двухстах дукатах говорил.

А д р и а н а

А долг за что?

П р и с т а в

За цепь, что взял ваш муж.

А д р и а н а

Он заказал, но я не получала.

К у р т и з а н к а

После того, как ваш супруг ворвался
Ко мне сегодня днем и взял кольцо, —
Оно сверкает у него на пальце, —
Я встретила на улице его:
Он шел один, и цепь была на шее.

А д р и а н а

Все ж я сама не видела ее.
Веди меня, тюремщик к ювелиру;
Хочу узнать я истину вполне.

Входят Антифол Сиракузский с обнаженным мечем
и Дромио Сиракузский.

Л ю ц и а н а

О боже мой! Они опять на воле!

А д р и а н а

Он вынул меч! Скорей людей зови,
Чтоб их связать!

П р и с т а в

Бежим, а то убьет!

Пристав, Адриана и Люциана уходят.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

О, ведьмы испугались лезвия!

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Звалась женой, а как бежать пустилась!

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Иди к “Кентавру”, вещи собери.

Скорей бы нам убраться по-здорову!

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Право, если бы мы остались на ночь, они не причинили бы нам вреда. Вы сами видели: разговаривают они с нами любезно, дают деньги. Народ, кажется, добрый. Если бы не эта гора взбесившегося

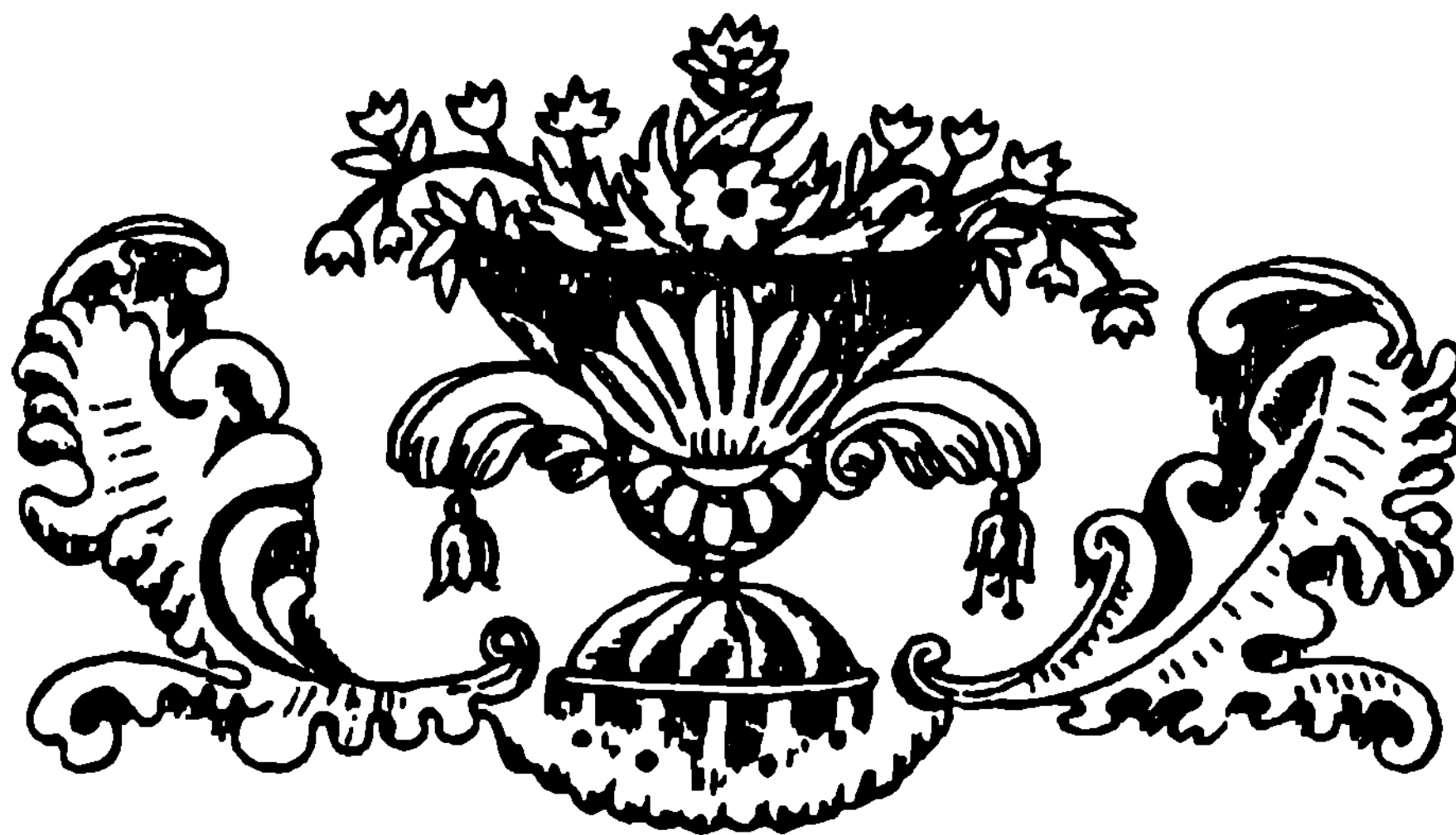
мяса, что хочет получить меня в мужья, я бы не прочь остаться здесь и сам обратиться в колдуна.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Я не хочу, хоть дай мне весь их город.
Иди, собирай скорее пожитки наши.

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Улица перед аббатством.

Входят второй купец и Анджело.

А н д ж е л о

Мне, сударь, жаль, что задержал я вас,
Но, уверяю, цепь он получил,
Хоть отрицает нагло и бесчестно.

В т о р о й к у п е ц

И уваженьем пользуется он
У вас в Эфесе?

А н д ж е л о

Лучшей славой, сударь,
Доверьем безграничным и любовью,
Каких никто из граждан не имел.
Я сам ему всегда на слово верил.

Второй купец

Не говорите громко, вот и он.

Входят Антифол Сиракузский и Дромио
Сиракузский.

Анджело

Да, он; и даже цепь висит на шее —
Та самая, что будто он не брал.
Пойдемте, сударь, я скажу ему. —
Я очень удивлен, синьор, что вы
Мне причинить и стыд и затрудненья
Решились вдруг, себе же на позор,
Поклявшись, что не получали цепи,
Какой теперь украсили себя.
Меня вы чуть не ввергнули в тюрьму
И друга моего ввели в убыток.
Не подними мы этот спор и ссору,
Сегодня он взошел бы на корабль.
Что ж, эту цепь не от меня вы взяли?

Антифол Сиракузский

От вас; когда ж я это отрицал?

Второй купец

Вы отрицали, даже с клятвой ложной.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Кто слышать мог, что лживо клялся я?

В т о р о й к у п е ц

Я слышал, я, вот этими ушами.

Мошенник ты! Тебе не место быть

Среди людей порядочных и честных!

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Лишь негодяй мне это мог сказать!

Но честь свою и честность докажу я

Мечом, коль в бой посмеешь ты вступить.

В т о р о й к у п е ц

Посмею? Сам тебя я вызываю!

Они обнажают мечи.

Входят А д р и а н а, Л ю ц и а н а, к у р т и з а н к а и д р у г и е.

А д р и а н а

Постойте, ради бога! Он безумен!

Бросайтесь разом, отнимите меч;

И господина и слугу свяжите!

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Бежимте, сударь! Я аббатство вижу:

Скорей туда, иль мы пропали оба!

Антифол Сиракузский и Дромио Сиракузский
уходят в аббатство.

Входит аббатиса.

Аббатиса

Покой и мир! Зачем вы здесь толпитесь?

Адриана

Мой бедный муж безумный скрылся здесь.
Впустите нас; его мы крепко свяжем
И уведем, чтоб дома полечить.

Анджело

Я сам подумал: не в своем уме он.

Второй купец

Мне жаль, что на него я так напал.

Аббатиса

Давно ли им безумье овладело?

Адриана

Уже с неделю он угрюм и скупен
И на себя был вовсе не похож;
Но лишь сегодня в полдень овладел им
Безумия припадок в первый раз.

А б б а т и с а

Не разорен он кораблекрушением?
Не схоронил ли друга? Может быть,
Он увлечен любовью недостойной?
Ведь этот грех так свойствен молодежи,
Лишь стоит волю дать своим глазам, —
Какой из этих бед он поражен?

А д р и а н а

Из всех из них, быть может, лишь последней:
Его все что-то из дому влекло.

А б б а т и с а

И вы его за это упрекали?

А д р и а н а

Да, упрекала.

А б б а т и с а

Как? Сурово? Резко?

А д р и а н а

Насколько скромность позволяла мне.

А б б а т и с а

Наедине?

**Английская актриса XVIII в. Ингбальд в роли аббатисы.
Рис. Ромберга с гравюры Шервина**

А д р и а н а

Случалось, и на людях.

А б б а т и с а

Наверно, слишком мало!

А д р и а н а

Ему об этом только и твердила:
Ночами даже не давала спать,
И за обедом часто упрекала, —
В гостях на это намекала вечно, —
Всегда к тому сводила разговор.
Нет-нет, греху не потакала я.

А б б а т и с а

Вот почему твой муж сошел с ума.
Вредней, чем псов взбесившихся укусы,
Ревнивых жен немолкнувший упрек!
Ты сон его своей смущала бранью, —
Вот почему стал слаб он головой;
Ему упреком пищу приправляла, —
Ее не мог усвоить он, волнуясь:
Вот почему жар лихорадки в нем!
Огонь в крови и есть огонь безумья.
Ты говоришь, его лишила ты
Утех и отдыха; то порождало

В нем меланхолию, она ж — сестра
Отчаянья угрюмого и злого;
И вслед за ней идет болезней рать...
Что может быть вредней ее для жизни?
Нет развлечений, и обед, и сон,
Что жизнь хранят, упреками смущен.
Взбесился б скот! Так мужа ты сама
Свела своей ревнивостью с ума.

Л ю ц и а н а

Она всегда так мягко упрекала,
А муж был груб; не он — она страдала. —
Зачем, сестра, не возразишь ты ей?

А д р и а н а

Во мне самой та речь смутила совесть. —
Ну, люди добрые, пойдем за ним.

А б б а т и с а

Нет! Пусть никто в обитель не вступает.

А д р и а н а

Так ваши слуги приведут его?

А б б а т и с а

О нет! Ваш муж избрал приют священный:
Он защитит его от ваших рук.

Его не выдам я; быть может, разум
Ему еще сумею возвратить.

А д р и а н а

Но я сама, сама хочу быть с мужем:
Его беречь, смотреть за ним — мой долг;
Мне в этом заместителей не нужно!
Пустите, я возьму его сейчас!

А б б а т и с а

Потише! Я не дам его тревожить,
Пока не испытаю лучших средств —
Лекарств, молитв; ему, возможно, снова
Я образ человека возвращу.
То — исполнение моего обета,
То — орденом предписанный мне долг.
Идите же, у нас оставив мужа.

А д р и а н а

Я не уйду, его я не покину!
Едва ли вашей святости прилично
Желать жену и мужа разлучить.

А б б а т и с а

Иди, смирись; я не отдам его.

(Уходит.)

Л ю ц и а н а

Проси у герцога себе защиты.

А д р и а н а

Да-да, идем. К его ногам я брошусь
И буду плакать и молить, пока
Не согласится сам сюда прийти он
И не прикажет возвратить мне мужа.

В т о р о й к у п е ц

Уж циферблат показывает пять.
Должно быть, герцог сам пройдет сейчас
Здесь мимо нас к обители печали,
К долине смерти, где вершится казнь;
Ведь это здесь, как раз за рвом аббатства.

А н д ж е л о

А для чего сюда прибудет герцог?

В т о р о й к у п е ц

Присутствовать при казни старика,
Купца из Сиракуз: он прибыл в гавань
И тем нарушил строгий наш закон,
За что и будет скоро обезглавлен.

А н д ж е л о

Они идут; мы будем видеть казнь.

Л ю ц и а н а

Стань на колени на его пути.

Входят герцог со свитой, Эгеон с обнаженной головой,
палач и полицейские.

Г е р ц о г

Еще раз объявите: если деньги
Хоть кто-нибудь внесет за старика,
Он не умрет; он милости достоин.

А д р и а н а

Прошу защиты, благородный герцог,
От аббатисы!

Г е р ц о г

Но она особа
Почтенная и добрая: никак
Она тебя обидеть не могла.

А д р и а н а

Ах, ваша светлость! Муж мой Антифол —
Кому себя и все свое вручила
Я по приказу вашему — сегодня
Охвачен был безумья силой злой.
На улицу он выбежал из дома
С одним слугой, безумным, как и он,

И, устрашая мирных граждан, начал
Врываться в их дома и уносить
Алмазы, кольца, все, что привлекало
Безумный взор. Едва нам удалось
Его, связав, домой отправить, тотчас
Пошла я, чтоб убытки возместить
Всем пострадавшим. В это время он,
Не знаю как, вновь вырвался на волю,
И с ним — слуга; тут, обнажив мечи,
Пылая гневом, в ярости безумной
Они, нас встретив, бросились вперед,
Чтоб заколоть; сбежались, к счастью, люди
И вновь связали б их, но удалось
Обоим скрыться в этом вот аббатстве;
И аббатиса запереть ворота
Велела слугам, вход нам воспретив
И отказавши в выдаче безумных.
О, разреши мне, милостливый герцог,
Несчастных взять и оказать им помощь!

Г е р ц о г

Твой муж служил мне прежде на войне;
В тот день, как ты с ним ложе разделила,
Тебе я сам дал княжеское слово
Его взыскать всей милостью моей. —
Эй, кто-нибудь! В ворота постучите;

Просите аббатису выйти к нам.
Я не уйду, не разрешив их спора.

Входит слуга.

С л у г а

Сударыня, спасайтесь поскорей!
Мой господин и раб его на воле;
Избив служанок, доктора они
Связали, стали бороду палить,
И каждый раз, как вспыхивал огонь,
Они его помоями тушили.
Мой господин его терпенью учит,
Слуга ж стрижет макушку, как безумцу;
И если вы на помощь не придете,
То заклинателя они, наверно,
Убьют!

А д р и а н а

Что врешь, дурак? Они — здесь оба.
Все это ложь, что ты сейчас сказал.

С л у г а

Нет, госпожа, я правду говорю.
Я не вздохнул с тех пор, как видел их.
Они грозят добратся и до вас,
Вам опалить лицо, обезобразить.

Крики за сценой.

Чу! Слышно их! Бегите же скорей!

Г е р ц о г

Стань близ меня, не бойся. —

(Страже.)

Обнажите

Свои мечи!

А д р и а н а

О горе! Это муж мой!

Он носится каким-то невидимкой.

Ведь только что вбежал в аббатство он,

И вот — уж здесь! Непостижимо это!

Входят Антифол Эфесский и Дромио Эфесский.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Молю о правосудье, добрый герцог!

Хотя б за то, что я тебе служил,

Что я собой прикрыл тебя в сражение,

Спас жизнь твою ценою ран своих, —

Ту вспомни кровь и окажи защиту!

Э г е о н

Когда страх смерти не темнит мне взора,

То Дромио и сын мой Антифол!

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Спаси меня от женщины, мой герцог,
Которую ты сам дал в жены мне!
Она меня унизила, покрыла
Бесчестьем злым, позором без границ!
И рассказать нельзя все зло, что ныне
Она бесстыдно причинила мне!

Г е р ц о г

Открой мне все; я буду справедлив.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Меня сегодня не впустила в дом,
Пируя в нем с любовником развратным.

Г е р ц о г

Тяжелый грех!

(Адриане.)

Скажи мне: так все было?

А д р и а н а

Нет, государь: сестра, и я, и он
Обедали все вместе: да погибнет
Моя душа, коль не клеветает он!

Л ю ц и а н а

Да не увижу больше дня и ночью
Не знаю сна, коль солгала она!

А н д ж е л о

Бесстыдные! Клялись вы обе ложно;
Безумец правду чистую сказал.

Древнегреческий орнамент

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Мой государь, я говорю, что знаю.
Мой ум не отуманило вино;
Не помрачен он яростью безумной,
Хоть здесь свели б с ума и мудреца.
Та женщина мне точно дверь замкнула;
Вот ювелир, — коль он не в стачке с ней,
То подтвердит: он был тогда со мною.
Ушли мы вместе; он зашел за цепью,

Чтоб к “Дикобразу” мне ее принести,
Где я обедал вместе с Бальтазаром.
Но не принес. Я, кончивши обед,
Пошел искать его и скоро встретил.
Он был вдвоем вот с этим господином
И начал вдруг бесчестно уверять,
Что эту цепь уж мне сегодня отдал,
Хоть, видит бог, ее не видел я.
Он приставу отдал меня под стражу.
Я подчинился и послал раба
За кошельком домой; он не принес,
Но пристава я сам уговорил
Пройти со мною к дому; по дороге
Мы встретили жену
С ее сестрой и целою толпою
Сообщников презренных; был среди них
И некий Пинч, с голодной мордой
И на скелет похожий шарлатан,
Паяц оборванный, гадатель голый,
С глазами впалыми, живой мертвец.
И этот гнусный раб был ею нанят
Как заклинатель, чтоб сгубить меня.
Смотря в глаза и щупая мне пульс,
Он, не стыдясь, с нахальством беспримерным,
Вдруг закричал: “Он бесом одержим!”
Тогда меня связали, повели
Домой и там в сырой и темный погреб

Толкнули нас: меня и вот его.
Но я зубами перегрыз веревку,
Вернул себе свободу и тотчас
К вам побежал — молить,
 чтоб ваша светлость
Дала защиту мне и право мстить
За ряд обид и тяжких оскорблений.

А н д ж е л о

Я, государь, могу вам подтвердить,
Что точно в дом при мне он впущен не был.

Г е р ц о г

А эту цепь — он получил ее?

А н д ж е л о

Да, получил; все видели: в аббатство
Сейчас вбежал он с цепью той на шее.

В т о р о й к у п е ц

И я клянусь, что здесь я слышал сам,
Как вы признались в том, что получили,
Хотя сначала отрицали это.
И потому я шпагу обнажил
Но вы укрылись в этом вот аббатстве;
Потом каким-то чудом вышли вновь.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Я не был никогда в стенах аббатства;
Ты на меня не обнажал меча;
Не видел цепи я, клянусь в том небом,
Все это ложь, все это клевета!

Г е р ц о г

Как это все запутанно и странно!
Не опоила ли уж вас Цирцея?
В аббатстве он — и здесь передо мною:
Безумен он — и здраво говорит. —

(Адриане.)

Ты поклялась, что он обедал дома, —

(к Анджело)

А ты — что нет! —

(К Дромио Эфесскому.)

Ну, что ты скажешь, плут?

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Он с ней обедал нынче в “Дикобразе”.

К у р т и з а н к а

Обедал, да; и с пальца снял кольцо.

Антифол Эфесский

То правда, государь; вот этот перстень.

Герцог

Ты видела, в аббатство он входил?

Куртизанка

Так ясно, государь, как вашу светлость.

Герцог

Как странно все! Зовите аббатису.
Тут сговор, иль вы все сошли с ума!

Один из свиты уходит.

Эгеон

Великий герцог! Разреши мне слово.
Я вижу друга: он спасет мне жизнь,
Внеся в казну положенную сумму.

Герцог

Я слушаю. Что скажешь, сиракузец?

Эгеон

(Антифолу Эфесскому)

Вас, сударь, называют Антифолом?
То Дромио, привязанный ваш раб?

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Лишь час назад я точно был привязан,
Да господин веревку перегрыз.
Я Дромио и раб, но уж не связан.

Э г е о н

Наверно, оба помните меня!

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Глядя на вас, себя я вспоминаю.
Ведь час назад я так же скручен был.
Не из числа ль вы пациентов Пинча?

Э г е о н

Зачем так странно на меня смотрите
Вы оба? Ведь вы знаете меня.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Я никогда вас в жизни не встречал.

Э г е о н

Меня, конечно, изменило горе,
Часы забот; и времени рука
Немало черт в лице мне исказила.
Но разве голос мой для вас чужой?

Антифол Эфесский

Не знаю.

Эгеон

Ну, Дромио, а ты?

Дромио Эфесский

Нет, сударь, нет.

Эгеон

А я уверен, что меня узнал ты!

Дромио Эфесский. В самом деле, сударь? А я уверен, что нет; и, если человек отрицает что-нибудь, вы обязаны верить ему.

Эгеон

Не узнают и голоса! О время
Суровое! Ужель в семь кратких лет
Ты так могло разбить мой бедный голос,
Что сын родной его не узнает!
Но пусть мое землистое лицо
Снег старости сединами усыпал;
Пусть холод лет оледенил мне кровь, —
Я в годы мрака память не утратил:
Огни очей льют, догорая, свет;
Слабеет слух, но звуки различает;

И эти все свидетели твердят,
Что ты — мой сын, что ты — мой Антифол.

Антифол Эфесский

Я никогда отца не знал, не видел.

Эгеон

Мой мальчик, лишь семь лет тому назад
С тобою в Сиракузах мы расстались.
Меня стыдишься ты признать в нужде?

Антифол Эфесский

Сам герцог, все, кто знал меня и знает,
Все подтвердят, что не было того:
Я в Сиракузах не жил никогда.

Герцог

Да, знаю я, что двадцать лет живет
Он здесь, в Эфесе, под моей защитой;
Ни разу он не ездил в Сиракузы.
Твой взор боязнью смерти омрачен.

Входят аббатисса с Антифолом Сиракузским
и Дромио Сиракузским.

Аббатиса

Вот, государь, обиженный жестоко.

Все окружают вошедших.

А д р и а н а

Два мужа предо мной! Не грежу ль я?

Г е р ц о г

Один из них — двойник

иль дух другого.

А эти два? Кто человек из них,
Кто призрак? Как сказать мы это можем?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Я — Дромио; его гоните вон.

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Я, сударь, Дромио; меня оставьте!

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Ты Эгеон? Или ты дух его?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

О, старый господин мой! Кто связал вас?

А б б а т и с а

Кто б ни связал, я разрешу все узы
И, дав свободу, мужа обрету. —

Скажи мне, Эгеон, ты был тем мужем,
Что прежде звал Эмилию женой?
Она тебе двух сыновей родила!
О, если ты тот самый Эгеон,
Скажи о том Эмилии той самой!

Э г е о н

Коль я не сплю, Эмилию я вижу!
Но, если ты — она, скажи, что случилось
С тем сыном, что на мачте был с тобой?

А б б а т и с а

Корабль из Эпидамна спас меня,
Его и Дромио. Но тех двоих
Отняли силой рыбаки Коринфа
Почти тотчас; осталась я одна
На корабле людей из Эпидамна.
Судьбу детей я не могла узнать,
А что со мной произошло — ты видишь.

Г е р ц о г

Ну, вот уже начало разъяснения:
Два Антифола на одно лицо,
Два Дромио, как капли две похожих;
Вот подтверждение их потери в море.
Конечно, здесь родители с детьми

Сошлись опять, и кончен срок разлуки. —
Ты, Антифол, ведь прибыл из Коринфа?

Антифол Сиракузский
Нет, государь: я сам из Сиракуз.

Герцог
Отдельно станьте: вас не разберешь.

Антифол Эфесский
Я, государь, приехал из Коринфа.

Дромио Эфесский
А с ним и я.

Антифол Эфесский
И нас привез тот воин знаменитый,
Ваш славный дядя, герцог Менафон.

Адриана
Но кто из вас со мной обедал дома?

Антифол Сиракузский
То я, сударыня.

Адриана
(Антифолу Сиракузскому)
Вы мне — не муж?

Антифол Эфесский

Нет, нет, ручаюсь.

Антифол Сиракузский

И я, хотя меня вы звали так;
Прекрасной дамой же, сестрою вашей,
Я братом назван был.

(Люциане.)

Все, что я ей

Сказал тогда, осуществить готов я,
Конечно, если это все не сон.

Анджело

А эту цепь из рук моих вы взяли?

Антифол Сиракузский

Да, сударь, так: не буду отрицать.

Антифол Эфесский

Вы ж за нее меня арестовали?

Анджело

Да, сударь, так: не буду отрицать.

Адриана

Я деньги вам послала для залога

(показывая на Дромио Эфесского)
Вот с Дромио; он, верно, не принес?

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Нет, не со мной!

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Я получил мешок дукатов ваших:
Мой Дромио его ко мне принес.
Я вижу, постоянно мы встречались
С чужим слугой: с моим — он, я — с его;
Они ж нас принимали за господ.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Дукаты эти за отца внесу я.

Г е р ц о г

Не надо: я помилюю его.

К у р т и з а н к а

А мой брильянт вы мне вернете, сударь?

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Возьми его; спасибо за обед.

А б б а т и с а

Прошу, благоволите, славный герцог,
Пожаловать ко мне в аббатство: там
Я расскажу о наших приключениях.—
Прошу и вас, собравшихся сюда
И также пострадавших от ошибок,
Случившихся в один лишь этот день,
Зайти ко мне: останетесь довольны. —
О дети, тридцать три тяжелых года
Без вас томилась я; и час один
Освободил от тяжелой ноши сердце, —
Вас, герцог, мой супруг и сыновья,
И вас, календари моих детей,
Зову на праздник дружеской беседы.
Какая радость после скорбных лет!

Г е р ц о г

Всем сердцем принимаю приглашение.

Уходят все, кроме обоих Антифолов и обоих Дромио.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Забрать мне, сударь, вещи с корабля?

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Какие вещи вздумал погружать ты?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Пожитки ваши, что в “Кентавре” были.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

То мои. Я, Дромио, твой господин.

Не торопись!

Мы вместе все решим.

Ты радуйся и обнимайся с братом.

**А н т и ф о л С и р а к у з с к и й и А н т и ф о л
Э ф е с с к и й** уходят.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

А та толстуха, что у вас на кухне

Меня кормила нынче, не женой,

А лишь сестрой-невесткой мне придется!

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Да ты не брат, а зеркало мое.

В нем вижу я, что недурен собою.

Ну что ж, пойдем на общую пирушку?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Ладно; только ты иди вперед: ты ведь — старший.

Д р о м и о Э ф е с с к и й. Это еще вопрос. Как его решить?

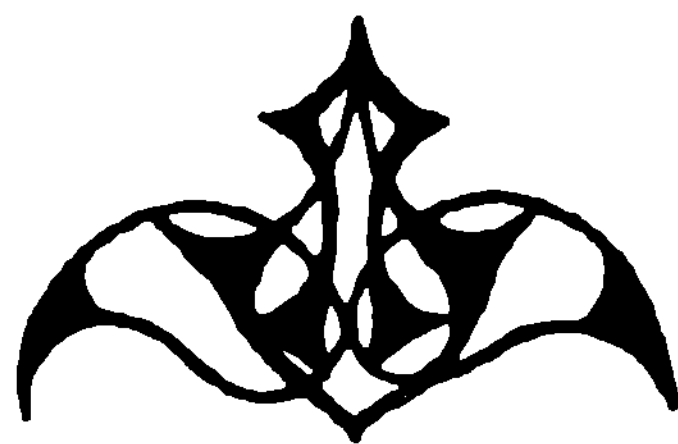
Д р о м и о С и р а к у з с к и й. Давай, бросим жребий; а покамест ты ступай вперед.

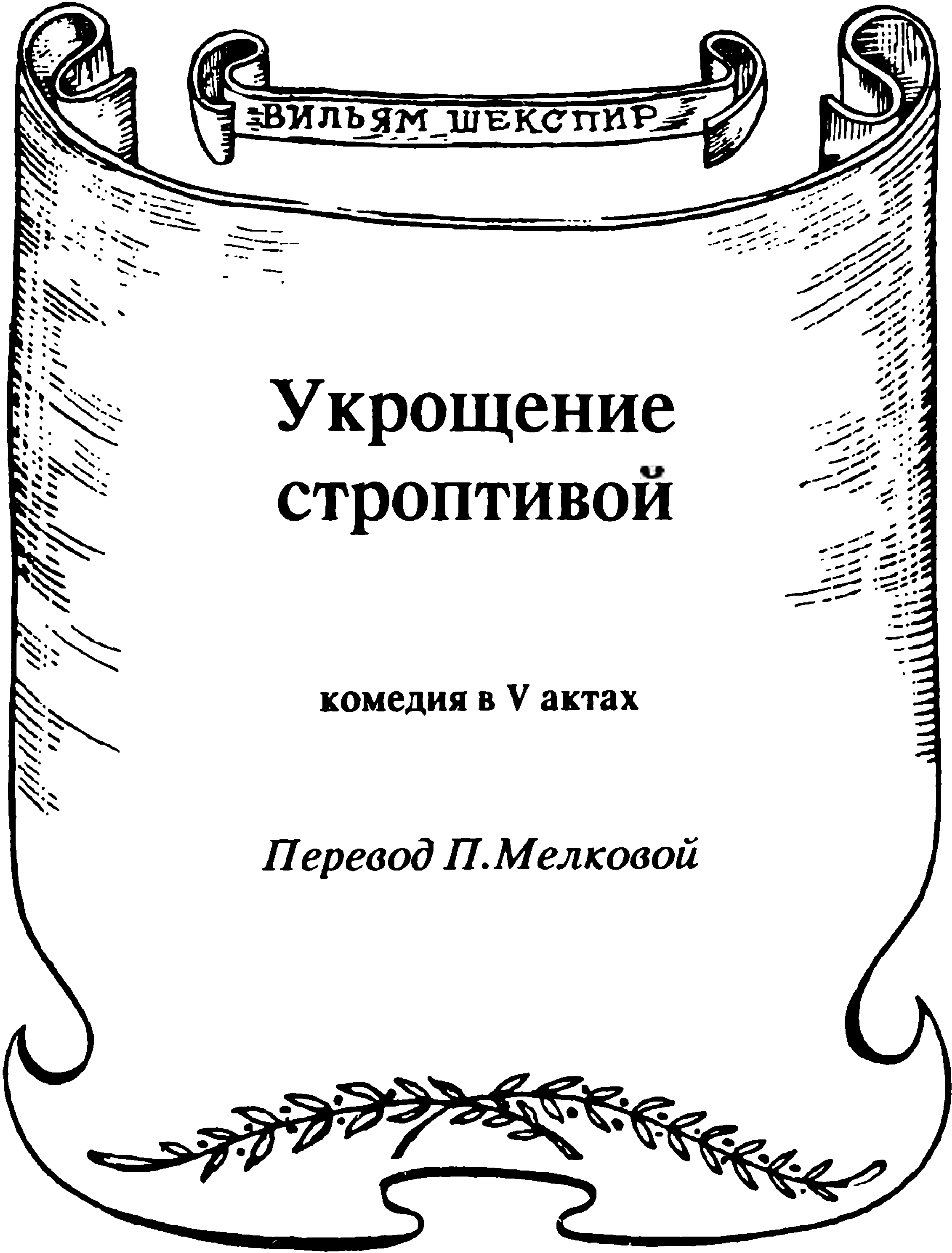

Д р о м и о Э ф е с с к и й. Нет, вот что:

**Раз вместе мы, как две руки, явились в мир вдвоем,
Так и теперь мы станем в ряд и об руку пойдем.**

Уходят.

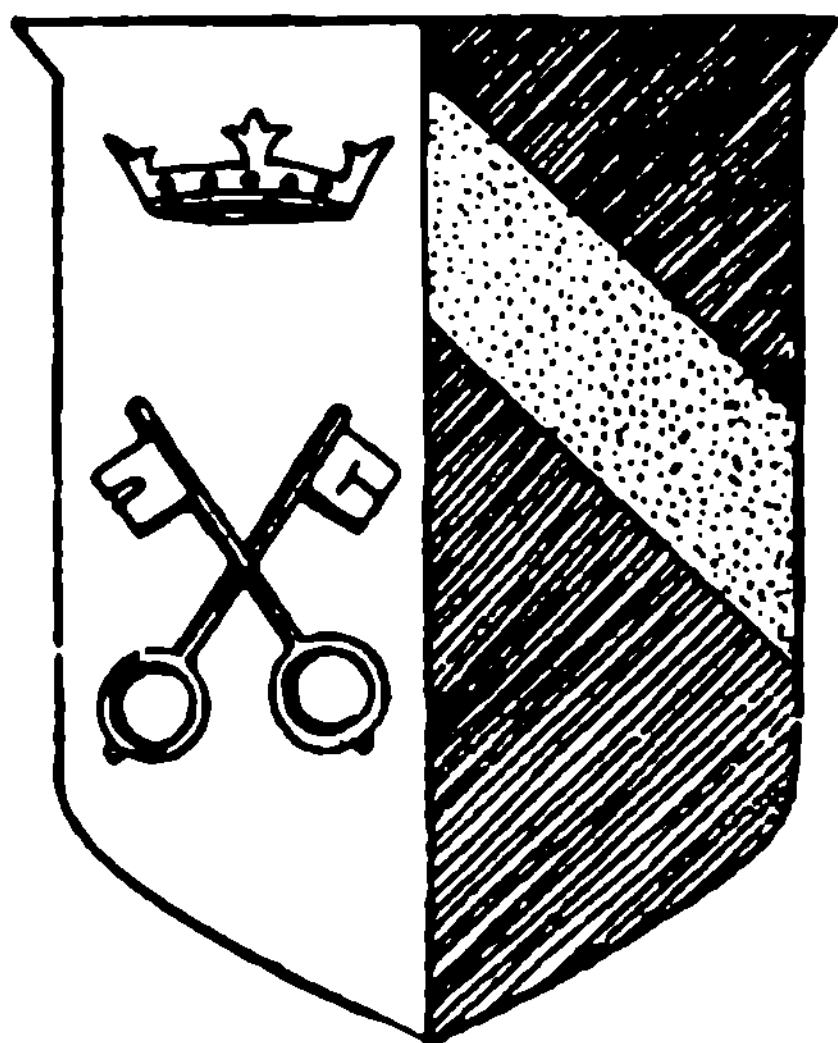

Вильям Шекспир

Укрощение строптивой

комедия в V актах

Перевод П. Мелковой

Действующие лица

Лорд		
Кристофер Слай, медник		
Трактирщица		лица из
Паж		интродукции.
Актеры		
Егеря и слуги		
Баптиста, богатый дворянин из Падуи.		
Винченцио, старый дворянин из Пизы.		
Люченцио, сын Винченцио, влюбленный в Бьянку.		
Петруччо, дворянин из Вероны, жених Катарины.		
Гремио		женихи
Гортензио		Бьянки.
Транио		слуги
Бьонделло		Люченцио.
Грумио		слуги
Кертис		Петруччо.
Учитель.		
Катарина		дочери
Бьянка		Баптисты.
Вдова.		

Портной, галантерейщик,
слуги Баптисты и Петруччо.

Место действия — Падуя и загородный дом Петруччо.

ИНТРОДУКЦИЯ

Сцена 1

Перед трактиром в пустынной местности.

Входят трактирщица и Слай.

С л а й. Вот ей-богу, я тебя отколочу.

Т р а к т и р щ и ц а. Пару бы колодок тебе, мазурику!

С л а й. Ты нахалка! Слаи не мазурики. Загляни-ка в хроники. Мы пришли вместе с Ричардом Завоевателем. А посему, *paucas palabris*¹, пусть все идет своим чередом. *Sessa!*²

Т р а к т и р щ и ц а. Так ты не заплатишь мне за разбитые стаканы?

С л а й. Ни гроша. Проходи, Иеронимо, ложись в свою холодную постель, погрейся.

Т р а к т и р щ и ц а. Я знаю, что мне делать; пойду приведу стражу из третьего округа. (*Уходит.*)

1 Коротко говоря. (Искаженное *испанск.*)

2 Заткнись! (Искаженное *франц.*)

С л а й. Хоть из третьего, хоть из четвертого, хоть из пятого я им всем отвечу по закону. Я, голубушка, с места не двинусь. Пускай себе приходят на здоровье. *(Ложится на землю и засыпает.)*

Рога. Возвращается с охоты лорд с егерями и слугами.

Л о р д
(егерю)

О гончих позаботься хорошенько,
Спусти Весельчака,— он еле дышит;
А Резвого сосвори вон с тем басистым.
Видал, как стойку сделал Серебро
В углу загона, хоть уж след простыл?
За двадцать фунтов я бы пса не продал!

П е р в ы й е г е р ь

А ведь Звонарь не хуже, ваша светлость;
Чуть след утерян, он уж лает сразу
И дважды след сегодня находил.
Из ваших псов он лучший — верьте мне.

Л о р д

Дурак! Да если б Эхо был резвее,
Я б за него дал дюжину таких.
Ну, накорми собак, следи за ними,
Охоту будем завтра продолжать.

Первый егерь

Все сделаю, милорд.

Л о р д
(Заметив Слая)

А это кто?
Мертвец? Иль пьяный? Дышит ли, взгляните.

Второй егерь

Он дышит. Если б не согрелся элем,
На холоде не спал бы мертвым сном.

Английские охотники времен Шекспира. Со старинной гравюры

Л о р д

О подлый скот! Разлегся, как свинья!
Смерть злая! Как твое подобье гнусно!
Что если шутку с пьяницей сыграть?
Снести его в роскошную постель,
Надев белье тончайшее и перстни;
Поставить рядом стол с едою вкусной
И слуг кругом, чтоб ждали пробужденья.
Узнает разве нищий сам себя?

П е р в ы й е г е р ь

Сейчас он ничего не понимает.

В т о р о й е г е р ь

Вот будет удивлен, когда проснется!

Л о р д

Сочтет все волшебством иль сном чудесным.
Берите же его. Сыграем шутку!
Несите в лучшую из комнат в доме,
Развесьте сладострастные картины,
Башку ему вонючую промойте
Надушенной теплою водою,
Зажгите ароматные куренья;
Пусть музыка, едва лишь он проснется,
Мелодией небесной зазвучит.
Заговорит он — будьте наготове,

Почтительный поклон ему отвесьте;
Скажите: “Что прикажет ваша светлость?”
Подайте таз серебряный ему
С душистою водою и спросите,
Кувшин и полотенце поднеся:
“Милорд, вам не угодно ль вымыть руки?”
Один пусть держит дорогие платья,
Осведомляясь, что милорд наденет;
Другой о гончих и коне расскажет
И о жене, которая вконец
Удручена его болезнью странной.
Уверьте, что безумье им владело;
А назовет себя, скажите — бредит,
Что он на самом деле — знатный лорд.
Как следует сыграйте, молодцы,
И славная получится потеха,
Лишь удалось бы меру соблюсти.

П е р в ы й е г е р ь

Милорд, поверьте, мы сыграем ловко,
И по усердью нашему сочтет
Себя он тем, кем мы его представим.

Л о р д

В постель его снесите осторожно,
А лишь проснется — сразу все за дело!

С л а я уносят. Звучит труба.

Эй ты, поди узнай, кто там трубит.

С л у г а уходит.

Быть может, дворянин какой-нибудь,
В пути устав, нуждается в ночлеге.

Возвращается с л у г а.

Ну что? Кто там?

С л у г а

Актеры, ваша светлость.
Хотят вам предложить свои услуги.

Л о р д

Пускай войдут.

Входят а к т е р ы.

Друзья, я рад вас видеть.

А к т е р ы

Мы, ваша милость, вас благодарим.

Л о р д

Хотите у меня остановиться?

А к т е р

И услужить вам, если разрешите.

Л о р д

От всей души. А этого актера
Я в роли сына фермера запомнил:
Так мило он за леди увивался!
Как звали там тебя, я позабыл,
Но роль тебе на редкость удалась.

А к т е р

Играл я, верно, Сото, ваша милость.

Л о р д

Да-да; и ты сыграл великолепно.
Ну что ж, вы вовремя ко мне явились:
Задумал шутку я одну, и может
Искусство ваше пригодиться мне.
Посмотрит нынче пьесу некий лорд.
Но выдержкой вам надо запастись;
Боюсь, чтоб странные его манеры
(Он в первый раз увидит представление)
Не вызвали бы хохота у вас, —
Не то обидится, предупреждаю;
Разгневаться он может за улыбку.

А к т е р

Мы сдержимся, милорд, не беспокойтесь,
Будь он забавнейший чудак на свете.

Л о р д
(слуге)

Ступай, сведи в буфетную актеров,
Прими радушно, вкусно угости,
Все предоставь им, чем богат мой дом.

С л у г а и а к т е р ы у х о д я т.

Сходи-ка за пажом Бартоломью;

Английские охотники времен Шекспира. Со старинной гравюры

Скажи, чтоб женское надел он платье.
И в спальню к пьянице его сведи.
Зови “мадам” и кланяйся. И если
Он хочет заслужить мою любовь,
Пусть держится с достоинством таким,
Какое видел он у знатных леди
По отношению к их мужьям вельможным;
Так и вести себя с пьянчужкой должен,
И нежно говорить с поклоном низким:
“Что приказать угодно вам, милорд,
Чтобы могла покорная жена
Свой долг исполнить и явить любовь?”
В объятьи нежном, с поцелуем страстным
Пусть голову на грудь ему опустит
И слезы льет как будто бы от счастья,
Что видит в добром здравии супруга,
Который все последние семь лет
Считал себя несчастным, грязным нищим.
А если мальчик не владеет даром
По-женски слезы лить, как на заказ, —
Ему сослужит луковица службу:
В платок припрятать, поднести к глазам —
И слезы будут капать против воли.
Исполни все как можно поскорей
И жди моих дальнейших приказаний.

С л у г а уходит.

Способен этот мальчик перенять
Манеры, грацию и голос женский.
Я жажду услышать, как назовет он
Пьянчужку дорогим своим супругом,
Как со смеху давиться будут слуги,
Ухаживая за бродягой этим.
Пойду взгляну. Присутствие мое
Умерит их излишнее веселье,
Не то оно границы перейдет.

(Уходит.)

Сцена 2

Спальня в доме лорда.

Входит С л а й в сопровождении с л у г; одни несут платья,
другие таз, кувшин и прочие принадлежности. С ними л о р д.

С л а й

Ох, ради бога, дайте кружку эля!

П е р в ы й с л у г а

А не угодно ль хересу, милорд?

В т о р о й с л у г а

Цукатов не хотите ль, ваша светлость?

Т р е т и й с л у г а

Какое платье ваша честь наденет?

С л а й. Я — Кристофер Слай; не зовите меня ни “вашей милостью”, ни “вашей честью”; хересу я отродясь не пил, а уж если хотите угостить меня цукатами, так угощайте цукатами из говядины. Незачем вам спрашивать, какое я платье надену, потому что у меня не больше камзолов, чем спин, не больше чулок, чем ног, не больше башмаков, чем ступней, а иногда ступней даже больше, чем башмаков, или такие башмаки, что из них пальцы наружу торчат.

Л о р д

Спаси вас бог от такого бреда!
Подумать, что могущественным лордом,
Богатым, знатным и высокочтимым
Так овладели низменные мысли!

С л а й. Вы что же, хотите меня с ума свести? Разве я не Кристофер Слай, сын старого Слая из Бертонской пустоши, разносчик по происхождению, чесальщик по образованию, медвежатник по превратностям судьбы, а по теперешнему ремеслу — медник? Да спросите вы Мериан Хеккет, толстую трактирщицу из Уинкота, знает ли она меня. Если она вам скажет, что я не задолжал по счету четырнадцать пенсов за светлый эль, считайте меня самым лживым мерзавцем во всем христианском мире. Что! Не одурел же я окончательно! Вот...

Т р е т и й с л у г а

Вот почему скорбит супруга ваша!

В т о р о й с л у г а

Вот почему грустят и ваши слуги!

Л о р д

Вот почему родня вас избегает!
Безумье ваше гонит их отсюда.
О благородный лорд, подумай, кто ты,
Свое происхождение припомни;
Былой свой разум снова возврати,
Очнись от недостойных сновидений.
Смотри, как за тобою ходят слуги
И угодить готовы — лишь кивни.
Ждешь музыки? Чу! Аполлон играет,

Музыка.

И в клетках соловьи залились трелью.
Захочешь спать? Положим на постель
Нежнее, и роскошнее, и мягче
Семирамиды сладостного ложа.
Гулять пойдешь? Усыплем путь цветами.
Кататься хочешь? Оседлаем коней,
Заблещут жемчуг, золото на сбруе.
Ты любишь соколиную охоту?
Взлетит твой сокол жаворонка выше.

Пойдешь на зверя? Лай твоих собак
Заставит отозваться свод небесный
И эхом прозвучит из недр земли.

П е р в ы й с л у г а

Травить захочешь? Полетят борзые
Быстрее оленя и резвее лани.

В т о р о й с л у г а

Картины любишь? Их мы принесем.
Изображен Адонис у ручья
И Цитерея, скрытая в осоке,
Колеблемой ее дыханьем легким,
Как нежным дуновеньем ветерка.

Л о р д

Тебе покажем мы, как деву Ио
Сумел Юпитер захватить врасплох.
Все точно нарисовано, как было.

Т р е т и й с л у г а

Иль Дафну, что бредет в тернистой чаще,
Изранив ноги нежные до крови;
В слезах глядит на это Аполлон.
И кажется, что все воочью видишь,
Так верно переданы кровь и слезы.

Л о р д

Ты — лорд, пойми; не кто иной, как лорд!
Красавица жена твоя прекрасней
Любой из женщин нашего столетья.

П е р в ы й с л у г а

Пока она не портила лицо
Ручьями слез, из-за тебя пролитых,
Она была всех женщин в мире краше;
Да не уступит и теперь любой.

С л а й

Я — лорд? И у меня жена — красотка?
Я, может, сплю? Иль спал я до сих пор?
Не сплю! Я говорю, я вижу, слышу,
Тут сладко пахнет, мягкие все вещи.
Ей-богу, кажется, я вправду лорд,
Не медник вовсе, не Кристофер Слай.
А ну, ведите-ка сюда жену
И дайте, повторяю, кружку эля.

В т о р о й с л у г а

Угодно ль вымыть руки, ваша светлость?
Мы счастливы, что к вам вернулся разум,
Что вспомнили, кто вы такой, милорд.

С л а й. Ну, возблагодарим же тебя, господи боже, за то,
что я исцелился!

В с е. Аминь.

С л а й

Спасибо; но и ты не прогадаешь.

Входит п а ж, переодетый дамой, за ним с л у г а.

П а ж

Как чувствует себя милорд сегодня?

С л а й

Отлично чувствую. Еды здесь вдоволь.
А где моя жена?

П а ж

Я здесь, милорд. Что приказать угодно?

С л а й

Жена моя? Что ж не зовете мужем?
Для слуг я лорд, а вам я муженек.

П а ж

Вы муж мой и милорд. Милорд и муж,
А я жена, и вам во всем послушна.

С л а й

Ну ясно! — Как мне звать ее?

Л о р д

Мадам.

С л а й

Мадама Элс или мадама Джен?

Л о р д

Мадам — и все. Так жен зовут вельможи.

С л а й

Мадам жена! Мне рассказывают, спал я;
Проспал пятнадцать лет, а то и больше.

П а ж

А мне казалось — три десятка лет
Я лишена супружеского ложа.

С л а й

Долгонько! — Слуги, убирайтесь вон. —
Мадам, разденьтесь живо, и в постель!

П а ж

О трижды благородный лорд, молю вас
Ко мне не прикасаться ночь, иль две,
Или хотя бы до захода солнца;
Врачи мне настоятельно велели,
Боясь, чтоб к вам недуг не возвратился,
Супружеского ложа избегать —
И в этом оправдание мое.

С л а й. Да ведь дело так обстоит, что долго ждать мне
невтерпеж. Но и заболеть этими снами мне опять же не
хочется. Придется, видно, подождать, невзирая на плоть и
кровь.

Входит с л у г а.

С л у г а

Актеры вашей светлости, узнав,
Что вам полегче, разыграть хотят
Комедию веселую пред вами.
По мнению врачей, полезно это,
Печаль вам чересчур сгустила кровь,
А меланхолия родит безумье.
Вам представленье нужно посмотреть,
Настроившись на радость и веселье;
Они ведь изгоняют тьму недугов
И помогают людям жизнь продлить.

С л а й. Ладно уж; пусть себе играют. А это что будет — святочная потеха или акробаты?

П а ж. Нет, это презабавная вещица.

С л а й. Из домашних вещиц, что ли?

П а ж. Нет, что-то вроде хроники.

С л а й. Ну что ж, посмотрим. Давай-ка, мадама жена, садись со мной рядком, и будь что будет. Один раз молоды бываем.

Заставка художника Жана Лемана

АКТ I

Сцена 1

Падуя. Площадь.

Входят Люченцио и Транио.

Люченцио

Сбылось мое заветное желанье
Увидеть Падую, наук питомник,
И наконец в Ломбардию я прибыл —
Волшебный сад Италии великой.
Благодаря отцу, его заботам
И доброму ко мне расположенью,
Я заручился обществом твоим,
Испытанный слуга мой, верный Транио.
Здесь заживем и в добрый час приступим
К познанию наук и изысканьям.
Родился в Пизе я. Был город этот
Давно прославлен именами граждан
Достойнейших; среди них и мой отец

Винченцио из рода Бентиволио;
Торговлю с целым миром он ведет.
А я был во Флоренции воспитан
И должен оправдать его надежды,
Украшив добродетелью богатство.
Вот почему я, Транио, займусь
Той областью науки философской,
Которая трактует нам, что можно
Лишь добродетелью достигнуть счастья.
Что скажешь ты? Ведь, оставляя Пизу,
Я в Падую спешил как человек,
Которого влечет из мелководья
Скорее погрузиться в глубину
И утолить в ней жажду до отказа.

Т р а н и о

Mi pardonate ¹, добрый мой хозяин!
Я рад, что твердо вы решили сласть
Сладчайшей философии вкусить.
Но только, мой хозяин, преклоняясь
Пред этой добродетельной наукой,
Нам превращаться вовсе нет нужды
Ни в стойков, синьор мой, ни в чурбаны;
И, Аристотелевы чтя запреты,
Овидием нельзя пренебрегать.

1 Простите меня. (Итал.)

Поупражняйтесь в логике с друзьями,
Риторикой займитесь в разговорах,
Поэзией и музыкой утешьтесь,
А математики, скажу я прямо,
И метафизики примите дозу
Не больше, чем позволит вам желудок.
В чем нет улады, в том и пользы нет;
Что вам по нраву, то и изучайте.

Л ю ч е н ц и о

Спасибо, Транио! Совет хорош.
Вот если бы здесь был уже Бьонделло,
Устроиться бы сразу мы могли
И дом нанять удобный для приема
Друзей, которых в Падуе найдем.
Постой! А кто это идет сюда?

Т р а н и о

Торжественно встречают нас, наверно.

Входят Баптиста, Катарина, Бьянка, Грессио и
Гортензио. Люченцио и Транио отходят в сторону.

Б а п т и с т а

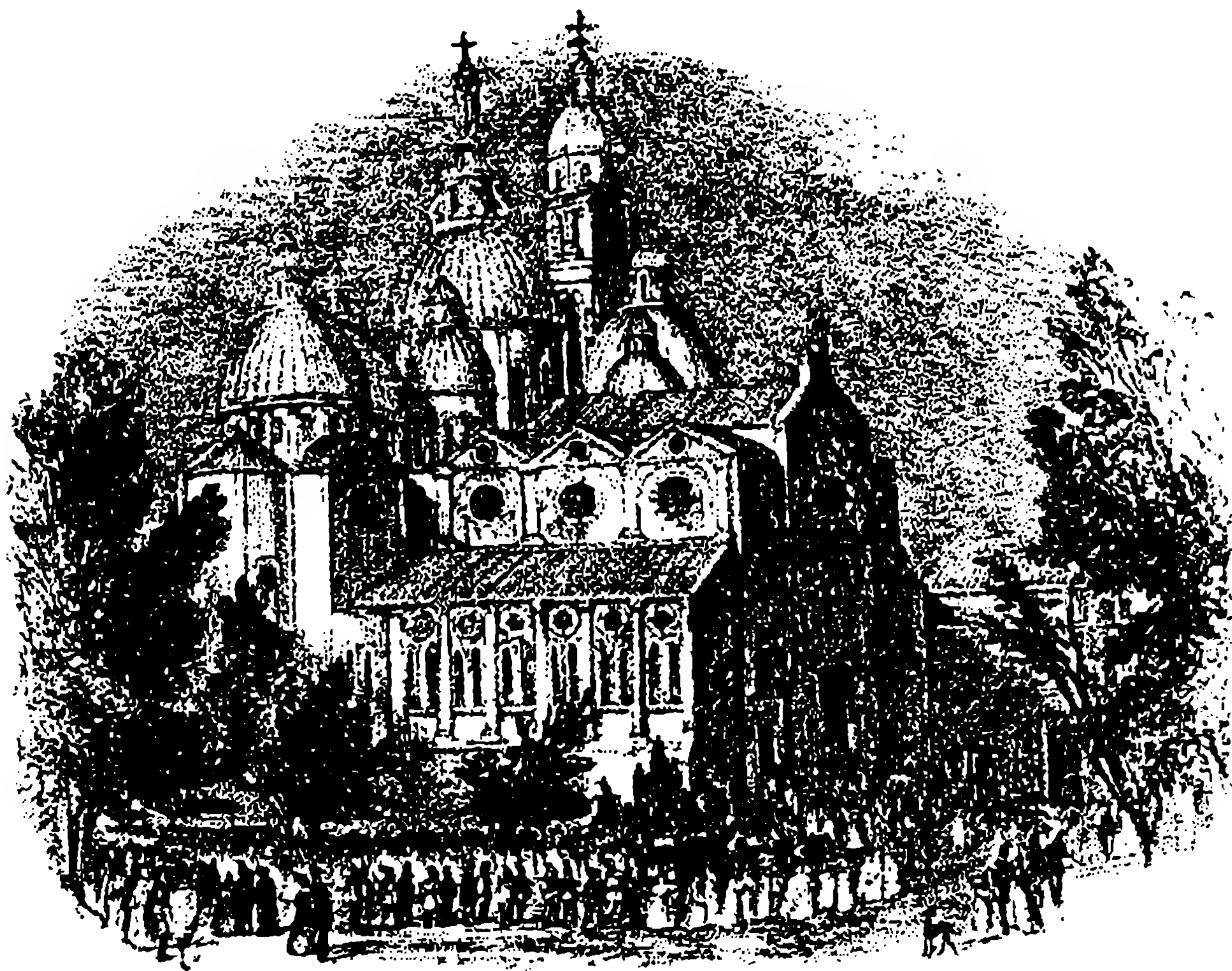
Прошу, не докучайте мне, синьоры,
Вы знаете — я тверд в своем решении
И замуж дочку младшую не выдам,
Пока для старшей не найдутся муж.
Другое дело, если кто из вас

Отдал бы предпочтенье Катарине;
Тогда, обоих зная и любя,
Не стал бы вам препятствий я чинить,
И сладили б мы дело любовно.

Г р е м и о
(в сторону)

Сам черт не сладит с нею, так зловредна. —
Гортензио, ее возьмете в жены?

Соборная церковь Santa Giustina в Падуе

К а т а р и н а

К чему, отец, вам превращать меня
В посмешище для пары дураков?

Г о р т е н з и о

Для пары? Вот как? Мы-то вам не пара,
Пока не поутихнете немного.

К а т а р и н а

Уж вам бояться нечего, синьор:
Таким путем сердец не побеждают.
А не отстанете, так причешу
Я вам башку трехногим табуретом
И, как шута, измажу вас при этом.

Г о р т е н з и о

Спаси нас бог от такого черта!

Г р е м и о

Да и меня спаси.

Т р а н и о

Синьор, глядите-ка! Ну и дела!
Она взбесилась иль как ведьма зла.

Л ю ч е н ц и о

Зато в молчанье той, в ее обличье
Я вижу тихий, скромный нрав девичий.
Тсс, Транио, молчи.

Т р а н и о

Молчу, синьор. Но вы глядите в оба.

Б а п т и с т а

А чтоб свое решение подтвердить,
Тебе велю я, Бьянка, удалиться.
Ступай домой. Не огорчайся, дочка, —
Тебя я никогда не разлюблю.

К а т а р и н а

Любимица, уж что и говорить!
Глаза ее всегда на мокром месте.

Б ь я н к а

Что ж, радуйся, сестра, моей беде. —
Отец, я покоряюсь вашей воле.
Пусть музыка и книги мне заменят
Друзей в уединении моем.

Л ю ч е н ц и о

Ты слышишь, Транио? То речь Минервы.

Г о р т е н з и о

Ужель вы так поступите, синьор?
Как жаль, что Бьянке принесли мы горе
Своей любовью.

Г р е м и о

Вы ее запрете,
Синьор Баптиста, из-за ведьмы этой?
Страдать должна за злой язык сестры?

Б а п т и с т а

Синьоры, хватит. Это решено. —
Иди же, Бьянка.

Б ь я н к а уходит.

А так как знаю я, что очень любит
Поэзию и музыку она,
Я для нее найму учителей;
Пусть наставляют юность. — Если вы,
Синьоры, знаете таких, прошу
Прислать их в дом ко мне. Ученым людям
Я буду рад; не пожалею денег.
Прощайте же. — Остаься, Катарина,
Еще поговорить мне надо с Бьянкой.

(Уходит.)

Грумио. Рис. Дж. Джильберта

К а т а р и н а

А мне нельзя уйти отсюда, что ли?
Указывают! Будто я сама
Не знаю, что мне надо, что не надо.

(Уходит).

Г р е м и о. Можешь отправляться к чертовой бабушке. Ты так прелестна, что никто не станет тебя удерживать. — Видно, Гортензио, отец и старшая дочка не очень-то между собой ладят, а нам с вами придется слюнки пускать, покуда прирог наш не подрумянится. Прощайте. Но в знак любви, которую я питаю к дорогой моей Бьянке, если мне удастся подыскать ей подходящего учителя, я его порекомендую синьору Баптисте. Пусть обучает ее тому, что ей нравится.

Г о р т е н з и о. Так же поступлю и я, синьор Гремио. Однако разрешите сказать вам словечко. Хотя характер нашей ссоры и не давал нам возможности поговорить откровенно, знайте — все, что я сейчас скажу, касается нас обоих. Мы можем снова получить доступ к нашей прекрасной повелительнице и снова стать счастливыми соперниками в любви к Бьянке — только после того как потрудимся и наладим одно дело.

Г р е м и о. Прошу сказать, какое.

Г о р т е н з и о. Ясное дело, сударь: раздобудем мужа для ее сестры.

Г р е м и о. Мужа? Черта ей нужно, а не мужа.

Г о р т е н з и о. Я говорю — мужа.

Г р е м и о. А я говорю — черта. Неужели вы думаете, Гортензио, что при всем богатстве ее отца кто-нибудь согласится жениться на ведьме из пекла?

Г о р т е н з и о. Полно, Гремио! Хоть у нас с вами и не хватит терпения выносить ее вопли, на свете есть молодцы, которые возьмут ее со всеми недостатками, было бы лишь денег вволю. Надо только напасть на такого.

Г р е м и о. Сомневаюсь. Я бы скорее согласился взять ее приданое с условием, что меня каждый день будут бить кнутом у позорного столба.

Г о р т е н з и о. Да, между гнилыми яблоками выбирать не приходится. Но, так как эта помеха сделала нас друзьями, нам следует сохранять дружбу до тех пор, пока мы не выдадим замуж старшую дочь Баптисты и не освободим младшую. А там снова начнем соперничать. Дивная Бьянка! Счастлива участь того, кому она достанется! Кто окажется проворнее, тот и получит приз. Что скажете, синьор Гремио?

Г р е м и о. Я согласен. Я подарил бы лучшего скакуна в Падуе тому, кто согласился бы ухаживать за ней, посвататься к ней, жениться на ней, разделить с нею ложе и избавить от нее отцовский дом. Идемте!

Гремио и Гортензио уходят.

Т р а н и о

Возможно ли, синьор мой, чтоб любовь
Вдруг овладела вами так внезапно?

Л ю ч е н ц и о

Не убедись я только что на деле,
Я сам бы не поверил в это, Транио.
Пока стоял я праздно и смотрел,
Родилась вдруг из праздности любовь.
И я тебе признаюсь откровенно, —
Ведь для меня ты так же дорог, Транио,
Как Анна для царицы Карфагенской, —
Горю я, изнываю и погибну,
Коль скромницы прелестной не добыюсь.
Дай, Транио, совет; ведь знаю — можешь,
О Транио, спаси; ведь знаю — хочешь.

Т р а н и о

Вас побранил бы, сударь, да не время.
Любовь из сердца не прогонишь бранью.
Уж раз влюбились, так одно осталось —
*Redime te captum quam queas minimo*¹.

Л ю ч е н ц и о

Спасибо, друг мой, продолжай. Ты прав.
Утешь меня; твои советы мудры.

1 Выкупи себя из плена как можно дешевле. (Лат.)

Т р а н и о

Так страстно вы на девушку глядели,
Что углядеть суть дела не смогли.

Л ю ч е н ц и о

О да, я видел красоту ее:
Такой лишь Агенора дочь блистала,
Когда ей руку целовал Юпитер
На Критском берегу, склонив колена.

Т р а н и о

И это все? Так, значит, проглядели
Скандал, затеянный ее сестрицей?
Был шум такой — хоть уши затыкай!

Л ю ч е н ц и о

Движение губ коралловых я видел;
Струило аромат ее дыханье;
Все в ней святым казалось и прекрасным.

Т р а н и о

Ну, надо в чувство привести его! —
Опомнитесь, синьор! Уж раз влюбились,
Так потрудитесь шевелить мозгами,
Чтоб девушку добыть. Вот дело в чем:
Сестра у ней сварлива, точно ведьма;
Пока отец не сплавит замуж старшей,

Сидеть в девицах вашей милой, сударь.
Он для того на ключ ее и запер,
Чтоб ей не докучали женихи.

Л ю ч е н ц и о

Ах, друг мой, как жесток ее отец!
А ты слышал, что он нанять желает
Наставников для обучения дочки?

Т р а н и о

Еще бы, сударь! И кой-что придумал.

Л ю ч е н ц и о

И я придумал тоже.

Т р а н и о

Ну, хозяин,
Ручаюсь, наши планы совпадут.

Л ю ч е н ц и о

Скажи мне прежде свой.

Т р а н и о

Хотите вы
Учителем явиться в дом к Баптисте
И девушку наукам обучать —
Вот план ваш!

Л ю ч е н ц и о

Верно. Выполним его!

Т р а н и о

Немыслимо! А кто здесь будет жить
Как сын Винченцио, скажите, сударь?
Учиться будет кто, и дом вести,
Пирь давать и приглашать друзей?

Л ю ч е н ц и о

Да перестань! Я все уже обдумал.
Мы не знакомы в Падуе ни с кем,
А ведь по лицам нашим не узнать,
Кто господин, а кто слуга; так вот,
Отныне господином станешь ты!
Ты дом веи и управляй прислугой,
А я прикинусь неаполитанцем
Иль бедняком каким-нибудь из Пизы.
Так, значит, решено! Разденься, Транио,
Возьми-ка плащ мой и цветную шляпу,
Придет Бьонделло — пусть тебе он служит,
А я велю помалкивать ему.

Т р а н и о

Да, это никогда не помешает. —

Они обмениваются платьями.

Ну что ж, синьор, раз вам по вкусу это,
Во всем обязан я повиноваться.
Отец ваш мне сказал перед отъездом:
“Старайся сыну услужить во всем”, —
Хоть, правда, он имел в виду другое...
Но я охотно превращусь в Люченцио
Из-за того, что я люблю Люченцио.

Л ю ч е н ц и о

И потому, что сам Люченцио любит.
О, дай мне стать рабом, чтоб той добиться,
Чей образ взор мой раненый пленил! —
А, вот он, плут!

Входит Б ь о н д е л л о.

Ты где же пропадал?

Б ь о н д е л л о. Где я пропадал? Нет, как это вам нравится? Вы-то сами куда пропали? Хозяин, это мой друг Транио украл у вас платье? Или вы у него украли? А может быть, вы обокрали друг друга? Ради бога, скажите, что случилось?

Л ю ч е н ц и о

Бездельник, подойди, шутить не время.
Веди себя с делами сообразно.
Меня спасая, Транио решил
Принять мой вид, надев мою одежду
А мне отдал свою. Вот дело в чем:

Сойдя на берег и ввязавшись в драку,
Убил я человека и теперь
Боюсь, как бы меня не опознали.
Теперь служить, как мне, ты должен Транио,
Я ж должен скрыться, чтобы жизнь спасти.
Ты понял?

Бьонделло

Я? Нет, ни черта не понял.

Люченцио

Ты имя Транио забудь отныне.
Нет Транио! Он стал теперь Люченцио.

Бьонделло

Тем лучше для него. Вот мне бы так!

Транио

Пойми, ведь я не для себя стараюсь;
Забочусь только, чтобы мой хозяин
Заполучил меньшую дочь Баптисты,
Поэтому советую тебе —
Не для меня, а только для синьора —
Держать язык покрепче за зубами.
Когда одни мы — для тебя я Транио,
А при других — Люченцио, твой хозяин.

Л ю ч е н ц и о

Ну, Транио, пойдем.
Теперь осталось выполнить одно:
Тебе в число влюбленных записаться,
А если спросишь, для чего, — отвечу:
Есть веские причины у меня.

Уходят.

П е р в ы й с л у г а

Милорд заснул; совсем не смотрит пьесу.

С л а й. Нет, клянусь святой Анной, смотрю. Хорошая штучка, ей-богу! А что, много еще осталось?

П а ж

Начало лишь, милорд.

С л а й. Замечательная история, мадама жена; поскорей бы только кончилась!

Сцена 2

Падуя. Перед домом Гортензио.

Входят П е т р у ч ч о и Г р у м и о.

П е т р у ч ч о

Оставил я Верону ненадолго,
Чтоб в Падуе с друзьями повидаться,

Особенно с моим любимым другом
Гортензио. Не это ль дом его?
Эй, Грумио, ну, стукни-ка разок.

Г р у м и о. Стукнуть, синьор? Кого стукнуть? Разве кто-
нибудь обидел вашу милость?

П е т р у ч ч о. Говорю тебе, плут, валяй на мою голову,
стукни покрепче!

Г р у м и о. Стукнуть покрепче, синьор? Что вы, синьор,
да кто я такой, синьор, чтобы стукнуть вас покрепче?

П е т р у ч ч о

Стучи в ворота, негодяй, в ворота,
Не то башку сверну тебе в два счета.

Г р у м и о
(в сторону)

Ведь вот пристал!

(громко)

А стукни первый я,
От вас потом мне не было б житья.

П е т р у ч ч о

Так ты не стукнешь, нет?
Сейчас задам тебе я звону, плут,
И посмотрю, как запоешь ты тут.

(Треплет Грумио за уши.)

Г р у м и о. На помощь! На помощь! Мой хозяин спятил!
П е т р у ч ч о. Стучи, когда велят, мошенник!

Входит Г о р т е н з и о.

Г о р т е н з и о. Что тут случилось? Как! Старина Грумио! Мой добрый друг Петруччо! Как вы там живете, в Вероне?

П е т р у ч ч о

Явились драку вы разнять, приятель?
Con tutto il cuore ben trovato — ¹

Г о р т е н з и о. Alla nosta casa ben venuto, molto honorato signor mio Petrucio.²

Встань, Грумио. Сейчас мы разберемся.

Г р у м и о. Нет, синьор, тут латынью не отговоришься. Неужто уж и это не законный повод для меня отказаться от службы? Сами рассудите, синьор: он велел мне валять его, да еще стукнуть покрепче. Ну подобает ли слуге обходиться так со своим господином? Да ведь ему уже чуть не за тридцать два перевалило!

Когда бы стукнул я его сначала,
Так не моя бы голова трещала.

1 От души могу сказать: это очень кстати. (*Итал.*)

2 Добро пожаловать в наш дом, почтеннейший мой синьор Петруччо. (*Итал.*)

П е т р у ч ч о

Ну и болван! — Любезный мой Гортензио,
Велел я олуху стучать в ворота,
Так ведь его и силой не заставишь!

Г р у м и о. Стучать в ворота! О господи! Да разве вы мне не говорили вот эти самые простые слова: “Эй ты, стукни, стукни покрепче, валяй на мою голову, стукни”? А теперь вдруг появились “ворота”.

П е т р у ч ч о

Прочь, негодяй, иль замолчи сейчас же!

Г о р т е н з и о

Ну, полно. Я за Грумио ручаюсь;
Он старый, славный, преданный слуга.
Вы просто с ним не поняли друг друга.
Но, милый мой, какой счастливый ветер
К нам в Падую занес вас из Вероны?

П е т р у ч ч о

Тот ветер, друг, что гонит молодежь
Искать свою судьбу вдали от дома
И опыт приобрести. Сказать короче,
Гортензио, — вот как идут дела:
Синьор Антонио, родитель мой, скончался,
Я ж устремился в этот лабиринт,

Чтоб преуспеть и выгодно жениться.
Есть деньги в кошельке, добро есть дома, —
И я решил постранствовать по свету.

Г о р т е н з и о

А что, Петруччо, если я тебе
Посватаю без долгих разговоров
Строптивую и злую невесту?
Спасибо вряд ли скажешь за услугу;
Но поручусь я, что она богата,
Весьма богата. Впрочем, ты мне друг,
И убеждать тебя я не хочу.

П е т р у ч ч о

Таким друзьям, как мы с тобой, Гортензио
Не нужно лишних слов. И если знаешь
Богатую невесту мне под пару, —
А для меня основа в браке — деньги, —
То будь она дурней жены Флорентия,
Дряхлей Сивиллы, злее и строптивей
Сократовой Ксантиппы, даже хуже, —
Намеренный моих не изменить ей,
Хотя б она и стала бушевать,
Как шторм на Адриатике свирепой.
Хочу я выгодно жениться в Падуе,
И будет брак мой в Падуе удачлив.

Г. Силуз. Иллюстрация к пьесе В.Шекспира
“Укрощение строптивой”

Г р у м и о. Ну вот видите, синьор, он так прямо и выложил все, что думает. Дайте ему только золота — и он вам женится хоть на кукле, хоть на деревяшке, хоть на старой карге, у которой ни одного зуба во рту нет, а болезней больше, чем у пятидесяти двух кляч. Ему все нипочем, были бы деньги.

Г о р т е н з и о
(к Петруччо)

Ну, раз уж мы так далеко зашли,
Продолжу то, о чем сказал я в шутку.
Могу тебе невесту предложить.
Она богата, молода, красива,
Воспитанна, как знатная синьора,
Один порок имеет, но немалый:
Она сварлива просто нестерпимо,
Строптивая и груба сверх всякой меры.
Приди мои дела в упадок полный,
За горы золота ее не взял бы.

П е т р у ч ч о

Молчи! Ты силы золота не знаешь!
Скажи мне, кто ее отец, — и все.
Ее я завоюю, — пусть грохочет
Она как гром в ненастную погоду.

Г о р т е н з и о

Отца зовут Баптиста Минола,
Он добрый и учтивейший синьор
А дочка — Катарина Минола,
И всем известен злой ее язык.

П е т р у ч ч о

О ней не знал, но об отце наслышан;
С ним был знаком родитель мой покойный.
Пока с ней не увижусь, не усну, —
И потому прости, но я тебя
Покину в первую минуту встречи,
Коль сам туда меня ты не проводишь.

Г р у м и о. Прошу вас, синьор, пусть себе идет, пока есть охота. Помяните мое слово, если бы она его так хорошо знала, как я, то поняла бы, что руганью его не проймешь. Да обзови она его двадцать раз негодяем, он и глазом не моргнет. А если уж сам начнет браниться, так не уймется, пока все свое красноречие не израсходует. Вот что я вам скажу, синьор: пусть только она ему одно словечко наперекор скажет, — он ей такую фигуру отмочит, что от ее фигуры ничего не останется и будет она на свет глядеть, вроде слепого котенка. Вы его не знаете, синьор.

Г о р т е н з и о

Постой, Петруччо! Я пойду с тобою.
Баптиста держит в доме, как в темнице,

Свою меньшую дочь, красотку Бьянку,
А мне она дороже всех сокровищ.
Ее укрыл он от меня и прочих
Поклонников — соперников в любви.
Считая, что пороки Катарины,
Известные тебе, помехой будут
Ее замужеству, — старик решил
Упрятать Бьянку под замок, покуда
Не сбudet с рук чертовку Катарину.

Г р у м и о

“Чертовку Катарину”! Слышал брань я,
Но хуже нет для девушки прозванья.

Г о р т е н з и о

Петруччо, милый, сделай одолжение,
Представь меня в переодетом виде
Баптисте и скажи, что я учитель,
Весьма искусный в музыке и пенье,
Проделка эта даст возможность мне
Наедине ухаживать за Бьянкой,
Ни в ком не возбуждая подозрений.

Г р у м и о. Ну и плутовство! Смотри-ка только, как молодежь сговаривается между собой, чтобы одурачивать стариков!

Входят Г р е м и о и переодетый Л ю ч е н ц и о
с кипой книг под мышкой.

Г о р т е н з и о

Тсс, Грумио! Вот это — мой соперник. —
Петруччо, отойдем.

Г р у м и о

Хорош! Ну, прямо создан для любви.

Они отходят в сторону.

Г р е м и о

Прекрасно! Прочитал я список книг
И их велю переплести получше.
Пусть будут книги только о любви, —
Иных вы ей не вздумайте читать.
Вы поняли меня? А сверх того,
Что вам заплатит сам синьор Баптиста,
Прибавлю щедро я. Тетради эти
Как следует велите надушить.
Ведь та, кому назначены они,
Сама благоуханнее духов.
А что вы ей намерены читать?

Л ю ч е н ц и о

Что ни прочту, все будет вам на пользу,
Мой покровитель, можете поверить, —

Как будто с ней вы сами объяснялись
И даже поуспешней, если вы
Не из ученых сами, мой синьор.

Г р е м и о

Ученость! О, великое то дело!

Г р у м и о
(в сторону)

Тетеря! О, великий ты осел!

П е т р у ч ч о

Бездельник, замолчи!

Г о р т е н з и о

Тсс, Грумио!

(Выходит вперед.)

Привет мой вам, синьор!

Г р е м и о

Синьор Гортензио, я рад вас видеть!
Сказать, куда иду я? В дом к Баптисте.
Я справиться ему пообещал
Насчет учителя для дивной Бьянки,
Мне посчастливилось найти такого:
Учен и молод, скромн поведеньем,
В поэзии начитан и умен;
Он подойдет ей, уверяю вас.

Г о р т е н з и о

Прекрасно. Повстречал и я синьора,
Который обещал мне музыканта,
Чтоб заниматься с нашей госпожой:
Так, значит, не отстал от вас и я
В служенье Бьянке, столь любимой мной.

Г р е м и о

Нет, мной любимой! Докажу на деле.

Г р у м и о
(в сторону)

Докажет денежный его мешок.

Г о р т е н з и о

Сейчас не время спорить о любви.
Угодно выслушать меня, синьоры?
Скажу вам новость, важную для всех.
Вот дворянин, — мы встретились случайно, —
И он готов охотно ради нас
Посвататься к сварливой Катерине
И, о приданом сговорясь, жениться.

Г р е м и о

Что сказано, то сделано. Прекрасно!
А он о всех ее пороках знает?

П е т р у ч ч о

Она, слышать, изрядная крикунья.
Коль это все, невелика беда.

Г р е м и о

Вот как, дружок! А вы откуда родом?

П е т р у ч ч о

Я родился в Вероне, сын Антонио.
Отец мой умер, но богатство живо;
А я лет сто хочу прожить счастливо.

Г р е м и о

С такой женой — поверить очень трудно!
Но, если это вам под силу, — с богом,
Я помогу! Нет, вправду вы решили,
Синьор, венчаться с этой дикой кошкой?

П е т р у ч ч о

Да, так же твердо, как я жить решил.

Г р у м и о

Решит ли он венчаться? Ну, еще бы!

П е т р у ч ч о

Не для того ли я сюда приехал?
Да разве слух мой к шуму не привык?

Да разве не слыхал я львов рычання?
Не слышал, как бушующее море
Бесилось, словно разъяренный вепрь?
На бранном поле пушек не слыхал я,
Или с небесным громом не знаком?
В пылу сраженья я не слышал, что ли,
Сигналов боевых и ржанья коней? —
А мне твердят о женском языке!
Да он и вполовину не трещит,
Как на огне у фермера каштаны.
Пугайте им детей!

Г р у м и о

Уж он не струсит!

Г р е м и о

Послушайте, Гортензио!
Мне кажется, синьор явился кстати —
На счастье нам и самому себе.

Г о р т е н з и о

Я обещал, что мы участие примем,
Расходы оплатив по сватовству.

Г р е м и о

Да, безусловно, только б он женился.

Г р у м и о
(в сторону)

Хотел бы так в обеде быть уверен.

Входят Т р а н и о, богато одетый, и Б ь о н д е л л о.

Т р а н и о

Храни вас бог, синьоры! Смею ль я
Спросить у вас, как лучше мне пройти
К любезному Баптисте Минола?

Б ь о н д е л л о. Вы имеете в виду того, у кого две красивые дочери?

Т р а н и о

Да, именно его.

Г р е м и о

А не ее ль хотите видеть там?

Т р а н и о

Его, ее — какое дело вам?

П е т р у ч ч о

Вас не строптивая пленить сумела?

Т р а н и о

Строптивых не люблю. — Идем, Бьонделло.

Л ю ч е н ц и о
(в сторону)

Прекрасно, Транио.

Г о р т е н з и о

Синьор, минутку!
Вы свататься решили не на шутку?

Т р а н и о

А если да, кто будет оскорблен?

Г р е м и о

Никто, коль тотчас уберетесь вон!

Т р а н и о

Но для меня, синьор, как и для вас,
Свободны улицы.

Г р е м и о

Не в этот раз!

Т р а н и о

А по какой причине, объясните?

Г р е м и о

По той причине, если знать хотите,
Что Бьянка выбрана синьором Гремио.

Г о р т е н з и о

И что ее избрал синьор Гортензио.

Т р а н и о

Спокойней, господа, ведь вы дворяне;
Благоволите выслушать меня.
Баптиста — благороднейший синьор,
И мой отец ему небезызвестен;
Была бы дочь его еще прекрасней,
Пленяя вдвое больше женихов, —
Я был бы все равно одним из них.
Дочь Леды тьму вздыхателей имела —
Так их у Бьянки может быть и больше
На одного. Вот я и стану им,
Будь хоть Парис соперником моим.

Г р е м и о

Ну, этот, кажется, нас всех обскачет.

Л ю ч е н ц и о

Окажется он клячей. Не волнуйтесь.

П е т р у ч ч о

К чему слова вы тратите, Гортензио?

Г р е м и о

Осмелюсь я спросить у вас, синьор,
Вы дочь Баптисты видели хоть раз?

Т р а н и о

Нет, мой синьор, но знаю, что их две.
Злым языком одна из них известна,
И славится вторая кротким нравом.

П е т р у ч ч о

Стоп, стоп! Не трогать первую — моя!

Г р е м и о

Оставьте этот подвиг Геркулесу;
Он потруднее дюжины других.

П е т р у ч ч о

Синьор, могу сказать вам в утешенье:
Дочь младшую, к которой вы стремитесь,
Отец упрятал и не пустит к ней
Ни одного поклонника, пока
Он старшей дочке мужа не найдет, —
Тогда меньшей он волю даст, не раньше.

Т р а н и о

Так, значит, вы тот самый человек,
Что всем, а в том числе и мне, поможет!
Ну, если лед сумеете разбить

И, подвиг совершив, добьетесь старшей,
Освободивши младшую для нас, —
Тогда счастливый обладатель Бьянки
Пред вами не останется в долгу.

Г о р т е н з и о

Прекрасно рассудили вы и здраво,
Но так как вы и сами влюблены,
То вам придется с нами наравне
Вознаградить синьора за услугу.

Т р а н и о

О да, я не замедлю, в знак чего
Прошу под вечер всех ко мне собраться
И выпить за здоровье нашей милой.
Давайте поступать как адвокаты —
В делах браниться, пить же сообща.

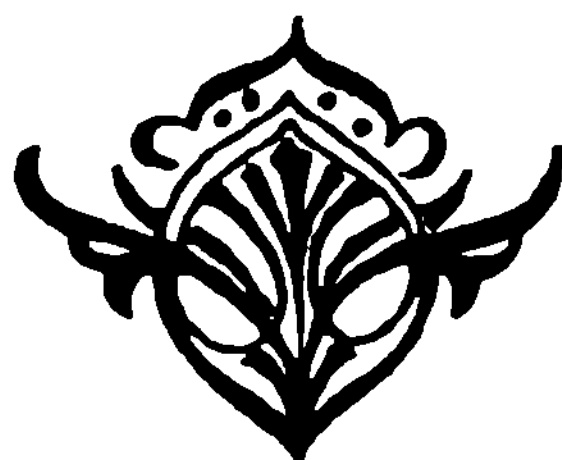
Г р у м и о и Б ъ о н д е л л о

Вот это предложенье! Ну, идем.

Г о р т е н з и о

Да, я не знаю предложенья лучше.
Ну что ж, добро пожаловать, Петруччо!

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Падуя. Комната в доме Баптисты.

Входят К а т а р и н а и Б ь я н к а.

Б ь я н к а

Не издевайся надо мной, сестрица:
Ведь и сама себя ты унижаешь,
Меня в рабу пытаюсь превратить.
Обидно мне! Я все наряды эти
Отдам тебе, лишь развяжи мне руки;
Да, все мои одежды, вплоть до юбки.
И все исполню, что ты ни прикажешь;
Мой долг святой — повиноваться старшим.

К а т а р и н а

Скажи сейчас же, кто из женихов
Тебе милей. Смотри, не притворяйся!

Б ь я н к а

Поверь, сестрица, среди всех мужчин
Мне ни один доныне не встречался,
Кому б я оказала предпочтенье.

К а т а р и н а

Лжешь, душечка! А это не Гортензио?

Б ь я н к а

Тебе он нравился? Так я сама
Похлопочу, чтоб он тебе достался.

К а т а р и н а

А, значит, ты предпочитаешь деньги
И Гремियो хотела бы в мужья?

Б ь я н к а

Как! Ревновать ко мне ты можешь Гремियो?
Нет, шутишь ты - теперь я понимаю,
И ты шутила надо мной все время.
Сестрица Кет, ну развяжи мне руки.

К а т а р и н а

Шутила я? Тогда и это шутка?

(Бьет ее.)

Входит Б а п т и с т а.

Б а п т и с т а

Да что ж это такое? Ну и наглость! -
Ты Бьянка, отойди. Бедняжка! Плачет!
Сядь вышивать, не связывайся с ней.

(Катарине.)

Стыдилась бы! Вот дьявольский характер!
Обидела сестру. А ведь она
Тебя не задевает: хоть словечко
Ты от нее наперекор слыхала?

К а т а р и н а

Она меня своим молчаньем бесит!
Я этого не в силах перенести!

(Бросается к Бьянке.)

Б а п т и с т а

В моем присутствии! — Ступай-ка, Бьянка.

Б ь я н к а уходит.

К а т а р и н а

Вы не выносите меня, я знаю,
Все — для нее. Она получит мужа,
А мне остаться старой девой, что ли,
И из-за вас в аду мартышек нянчить?
Молчите! Сяду вот и буду плакать,
Пока мне не удастся отомстить.

(Уходит.)

Б а п т и с т а

Ну есть ли кто несчастнее меня! —
Сюда идут...

Входят Г р е м и о, Л ю ч е н ц и о, бедно одетый,
П е т р у ч ч о, Г о р т е н з и о под видом музыканта, Т р а н и о
и Б ъ о н д е л л о с лютней и книгами.

Г р е м и о. День добрый, сосед Баптиста.

Б а п т и с т а. Здравствуйте, сосед Гремио. Бог в помощь
вам, синьоры.

П е т р у ч ч о

И вам, синьор. Скажите, вы отец
Прекрасной и любезной Катарины?

Б а п т и с т а

Есть Катарина-дочка у меня.

Г р е м и о

Вы слишком прямо; надо постепенно.

П е т р у ч ч о

Оставьте, не мешайте мне, синьор.

(Баптисте.)

Я дворянин, приехал из Вероны.

Узнав, что Катарина, ваша дочь,

Умна, скромна, приветлива, красива

И славится любезным обхождением,
Решился я прийти, не званный вами,
Чтобы воочью убедиться в том,
Насколько справедливы эти слухи.
Для первого знакомства разрешите
Представить моего слугу, синьор.

(Представляет Гортензио.)

Искусный музыкант и математик,
Он вашу дочь обучит в совершенстве
Наукам этим, для нее не чуждым.
Его не взяв, обидите меня.
Из Мантуи он родом; имя — Личио.

Б а п т и с т а

Я рад вас видеть, и его приму.
А что до Катарины, как ни грустно,
Я знаю — вам она не подойдет.

П е т р у ч ч о

Вы, верно, не хотите с ней расстаться?
Иль общество мое противно вам?

Б а п т и с т а

Нет-нет. Я только то сказал, что думал.
Вы кто, синьор, и прибыли откуда?

П е т р у ч ч о

Меня зовут Петруччо, сын Антонио;
Повсюду он в Италии известен.

Б а п т и с т а

Отца я знал и сыну очень рад.

Г р е м и о

Остановитесь же на миг, Петруччо,
И хоть словечко дайте вставить нам.
Черт побери! Торопитесь вы слишком!

П е т р у ч ч о

Хочу покончить дело я скорей.

Г р е м и о

Вы проклянете этот брак, ей-ей!

Сосед, я уверен, что дар этот вам очень приятен. Не хочу оказаться менее любезным, ибо я обязан вам более, чем все остальные, и посему смело рекомендую этого молодого ученого (*представляет Люченцио*), который долго обучался в Реймсе. Он так же хорошо знает греческий, латынь и другие языки, как тот музыку и математику; зовут его Камбио; я вас прошу принять его услуги.

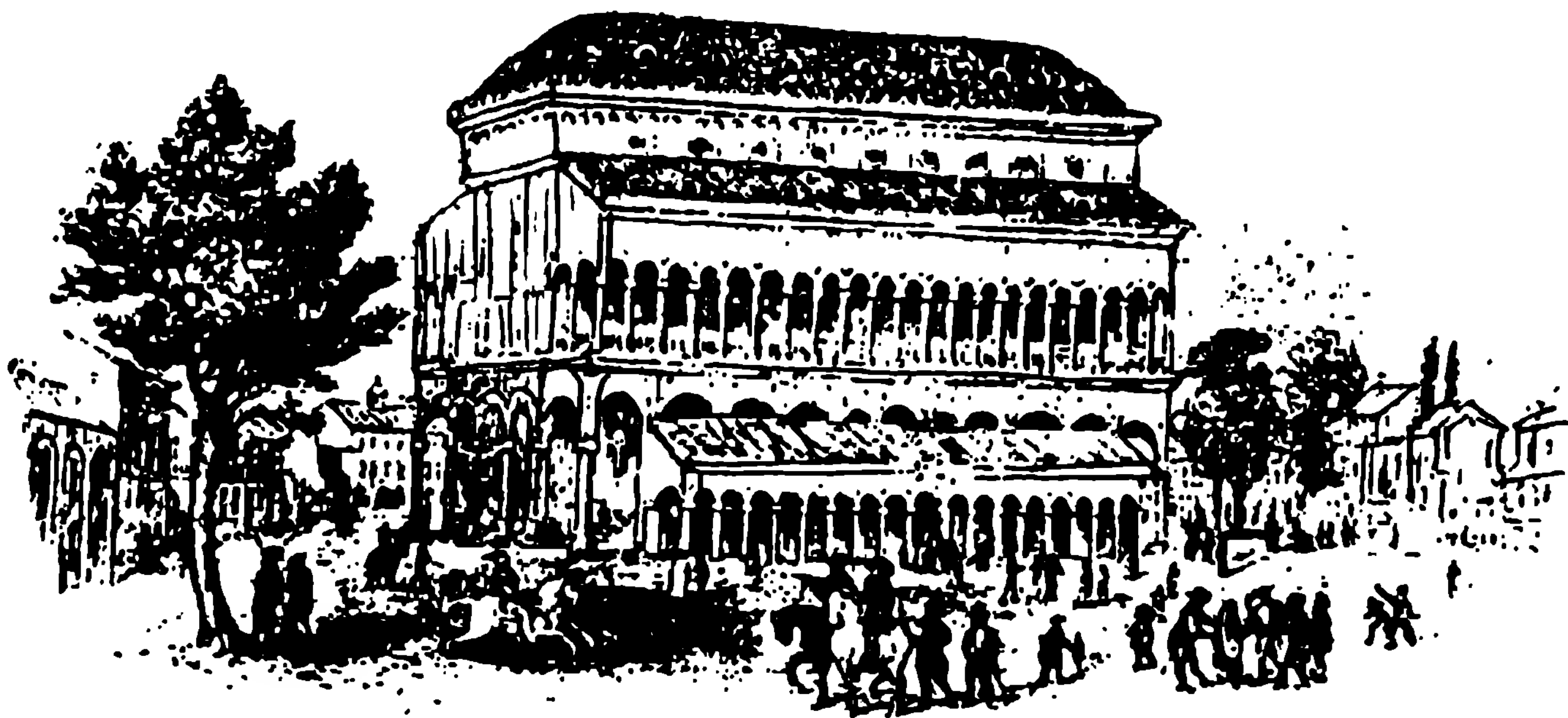
Б а п т и с т а. Приношу вам тысячу благодарностей, сеньор Гремियो. — Добро пожаловать, милый Камбио. (*К Тра-*

нио.) Однако, любезнейший синьор, вы, кажется, человек не здешний, осмелюсь спросить о причине вашего прибытия?

Т р а н и о

Прошу, синьор, мою простите смелость,
Что сразу по приезде в этот город

Падуа. Со старинной гравюры

Решил посвататься я к вашей дочке —
Прекрасной, добродетельнейшей Бьянке.
Небезызвестно мне решение ваше —
Для старшей мужа подыскать сначала,
Но я просил бы только об одном —
Чтоб вы, узнав мое происхождение,
Мне женихом позволили считаться
И благосклонны были, как к другим.

А вашим дочерям, для их занятий,
Я скромный инструмент принес, а также
Латинские и греческие книги.
И, если согласитесь их принять,
Они тем самым ценность обретут.

Б а п т и с т а

Люченцио зовут вас? Вы откуда?

Т р а н и о

Я сын Винченцио, синьор, из Пизы.

Б а п т и с т а

Он важный в Пизе человек; я знаю
Его по слухам. Очень рад вас видеть. —

(К Гортензио.)

Возьмите лютню. —

(К Люченцио.)

Вы возьмите книги
И тотчас же пройдите к ученицам. —
Эй, кто-нибудь!

Входит слуга.

Синьоров проводи
Немедля к дочерям; скажи, что я
Велел учителей принять любезно. —
Пройдемте в сад, потом обедать будем.

Синьоры, верьте, я вам очень рад,
Вы можете не сомневаться в этом.

П е т р у ч ч о

Синьор Баптиста, медлить не могу я
И каждый день со сватовством являться,
А по отцу должны вы знать меня,
Наследника богатства и имений,
Я их не промотал, а приумножил.
Так если я добьюсь согласия дочки,
Приданое какое вы дадите?

Б а п т и с т а

По смерти — половину всех владений,
А к свадьбе дам я двадцать тысяч крон.

П е т р у ч ч о

А я намерен закрепить за ней,
На случай, если бы вдовой осталась,
Имения мои и все аренды.
Напишем обязательства сейчас же,
И пусть они послужат нам контрактом.

Б а п т и с т а

Напишем после. Главное, добейтесь
Ее любви, — все дело только в этом.

П е т р у ч ч о

Вот пустяки! Я вам скажу, отец:
Она строптива — но и я упрям.
Когда же пламя с пламенем столкнутся,
Они пожрут все то, что их питало.
Хоть слабый ветер раздувает искру,
Но вихрь способен пламя погасить.
Таков и я. Она мне покорится;
Я не юнец безусый, а мужчина.

Б а п т и с т а

Ну, сватайтесь, и дай вам бог удачи,
Но ругани наслушаетесь вдоволь.

П е т р у ч ч о

Не испугаюсь. Ведь стоят же горы
Неколебимо под напором ветра.

Входит Г о р т е н з и о с разбитой головой.

Б а п т и с т а

Что с вами? Отчего так бледны, друг мой?

Г о р т е н з и о

От страха бледен, смею вас уверить!

Б а п т и с т а

Ну как, из дочки музыкантша выйдет?

Г о р т е н з и о

Скорее выйдет из нее солдат.
Оружие ей нужно, а не лютня.

Б а п т и с т а

Ее презренья к лютне не сломили?

Г о р т е н з и о

Она сломила лютню об меня.
Сказал я только, что в ладах ошиблась,
Согнул ей руку, чтоб поставить пальцы,
Как в раздраженье дьявольском она
“Лады? — вскричала. — Ладьте
с ними сами!”

И инструментом так меняхватила,
Что сразу голова прошла сквозь деку,
И я, как у позорного столба,
Стоял, оторопев, торча из лютни.
Она ж меня тем временем честила
Негодным струнодером, и болваном,
И всякими поносными словами,
Как будто их нарочно заучила,
Чтобы обидней обругать меня.

П е т р у ч ч о

Клянусь душой, веселая девчонка!
Желаннее мне стала в десять раз.
Ах, перекинуться бы с ней словечком!

Б а п т и с т а
(к Гортензио)

Со мной идemте и не огорчайтесь,
Займитесь с младшей дочерью; она
Понятлива и будет благодарна. —
Синьор Петруччо, вы пройдете с нами,
Иль выслать Катарину к вам сюда?

П е т р у ч ч о

Пришлите лучше. Здесь я подожду.

Б а п т и с т а, Г р е м и о, Т р а н и о и Г о р т е н з и о уходят.

Придет она — ухаживать примусь;
Начнет беситься — стану говорить,
Что слаще соловья выводит трели;
Нахмурится — скажу, что смотрит ясно,
Как роза, окропленная росой;
А замолчит, надувшись, — похвалю
За разговорчивость и удивлюсь,
Что можно быть такой красноречивой;
Погонит — в благодарностях рассыплюсь,
Как будто просит погостить с недельку;

Откажет мне — потребую назначить
День оглашения и день венчанья.
Она идет. Петруччо, начинай!

Входит К а т а р и н а.

День добрый, Кет! Так вас зовут, слышал я?

К а т а р и н а

Слыхали так? Расслышали вы плохо.
Меня все называют Катариной.

П е т р у ч ч о

Солгали вы; зовут вас просто Кет;
То милой Кет, а то строптивой Кет,
Но Кет, прелестнейшей на свете Кет.
Кет — кошечка, Кет — лакомый кусочек,
Узнай, моя сверхлакомая Кет,
Моя любовь, отрада, утешенье,
Что, услышав, как превозносят люди
Твою любезность, красоту и кротость, —
Хоть большего ты стоишь, несмоненно, —
Я двинулся сюда тебя посватать.

К а т а р и н а

Он двинулся! Кто двинул вас сюда,
Пусть выдвинет отсюда. Вижу я,
Передвигать вас можно.

П е т р у ч ч о

То есть как?

К а т а р и н а

Как этот стул.

П е т р у ч ч о

Садись же на меня.

К а т а р и н а

Ослам таким, как ты, привычна тяжесть.

П е т р у ч ч о

Вас, женщин, тяжесть тоже не страшит.

К а т а р и н а

Ты про меня? — Ищи другую клячу.

П е т р у ч ч о

О, я тебе не буду в тягость, Кет
Я знаю молода ты и легка.

К а т а р и н а

Я так легка, что не тебе поймать,
А все же вешу столько, сколько надо.

П е т р у ч ч о

Жужжишь, пчела!

К а т а р и н а

Ты на сыча похож!

П е т р у ч ч о

Так горлинка достанется сычу!

К а т а р и н а

Побьет, пожалуй, горлинка сыча.

П е т р у ч ч о

Ну, ну, оса; ты слишком зла, ей-богу.

К а т а р и н а

Оса? Так бойся жала моего.

П е т р у ч ч о

Возьму да вырву жало — вот и все.

К а т а р и н а

Сначала ты найди его, дурак.

П е т р у ч ч о

**Известно, где оса скрывает жало:
В хвосте.**

К а т а р и н а
Нет, в языке.

П е т р у ч ч о
А в чьем, скажи?

К а т а р и н а
В твоём, раз о хвосте сболтнул. Прощай.

П е т р у ч ч о
Как! Мой язык в твоём хвосте! Ну нет!
Я дворянин!

К а т а р и н а
А вот сейчас проверим.
(*Бьет его.*)

П е т р у ч ч о
Ударь еще — я сдачи дам, клянусь.

Катарина
Тогда с гербом простись.
Меня прибьешь — так ты не дворянин,
А раз не дворянин — герба и нет.

П е т р у ч ч о
Ах, ты геральдик? Запиши мой герб.

К а т а р и н а

А что на шлеме — петушиный гребень?

П е т р у ч ч о

Пусть я петух — будь курочкой моей.

К а т а р и н а

Ну и петух! Боится кукарекать.

П е т р у ч ч о

Довольно, Кет! Ну, не смотри так кисло.

К а т а р и н а

Я кисну от кислятины всегда.

П е т р у ч ч о

Здесь нет кислятины, — так и не кисни.

К а т а р и н а

Нет, есть; нет, есть.

П е т р у ч ч о

Где, покажи?

К а т а р и н а

Нет зеркала с собой.

П е т р у ч ч о

Так это я?

К а т а р и н а

Хоть молод, а догадлив.

П е т р у ч ч о

Да, молод для тебя.

К а т а р и н а

В морщинах весь.

П е т р у ч ч о

Все от забот.

К а т а р и н а

А мне заботы нет!

П е т р у ч ч о

Ну, Кет, послушай, так ты не уйдешь.

К а т а р и н а

Останусь — только рассержу. Пустите.

П е т р у ч ч о

Ничуть. Я нахожу тебя премилой.

Мне говорили — ты строптива, зла,

Но вижу я — все эти слухи ложны.
Ты ласкова, приветлива на редкость,
Тиха, но сладостна, как цвет весенний;
Не хмуришься, не смотришь исподлобья
И губы не кусаешь, точно злючка;
Перечить в разговоре ты не любишь
И с кротостью встречаешь женихов
Любезной речью, мягким обхожденьем.
Кто говорил мне, будто Кет хромает?
Клеветники! Нет, Кет стройна, как прутик
Ореховый. Смугла же, как орешек,
Но много слаще ядрышка его.
Пройдись, а я взгляну. Ты не хромаешь?

К а т а р и н а

Ступай, болван, командуй над прислугой!

П е т р у ч ч о

Могла ли в роще выступать Диана
Так царственно, как в этом зале Кет?
Ты стань Дианой, а Диана — Кет;
Кет станет скромной, а Диана резвой.

К а т а р и н а

Да где таким речам вы научились?

П е т р у ч ч о

Экспромты — от природного ума.

К а т а р и н а

Природа-мать умна, да сын безмозглый.

П е т р у ч ч о

Я не умен?

К а т а р и н а

Пошли бы лучше спать.

П е т р у ч ч о

Я собираюсь спать в твоей постели.
Оставим эту болтовню. Короче:
Отец тебя мне в жены отдает;
В приданом мы сошлись, а потому
Поженимся, ты хочешь иль не хочешь.
Клянусь тем светом, что позволил мне
Узреть и полюбить твою красу, —
Ни за кого другого ты не выйдешь.
Рожден я, чтобы укротить тебя
И сделать кошечкой из дикой кошки,
Обычной милою, домашней киской.
Вот твой отец. Отказывать не вздумай!
Я должен мужем быть твоим — и буду!

Возвращаются Б а п т и с т а, Г р е м и о и Т р а н и о.

Б а п т и с т а

Ну как, синьор? Поладили вы с дочкой?
Во всем сошлись?

П е т р у ч ч о

Могло ли быть иначе?
Нам невозможно не поладить с ней.

Б а п т и с т а

Но, дочка, что же ты невесела?

К а т а р и н а

И вы меня еще зовете дочкой!
Так вот отцовская забота ваша —
Меня за полоумного просватать,
Разбойника, нахала, грубияна,
Что наглостью рассчитывает взять!

П е т р у ч ч о

Вот что, отец; и вы, и все другие,
Болтавшие о ней, болтали зря.
Она сварлива так, для виду только,
На деле же голубки незлобивей,
Не вспльчива совсем, ясна как утро,
Терпением Гризельду превзойдет,

А чистотой Лукреции подобна.
Ну, словом, так сумели мы сойтись,
Что свадьба состоится в воскресенье.

К а т а р и н а

Увижу раньше, как тебя повесят!

Г р е м и о

Ого, Петруччо! Раньше вас повесят!

Т р а н и о

Вот так сошлись! Ну, наше дело плохо!

П е т р у ч ч о

Я выбрал для себя ее, синьоры,
А раз довольны мы — что вам за дело?
Условились мы с ней, что при других
Она по-прежнему сварливой будет.
Поверить невозможно, говорю вам,
Как влюблена в меня! О Кет моя!
Она повисла у меня на шее
И щедро поцелуй за поцелуем,
За клятвой клятву расточала мне,
Пока любовь не разожгла мою.
Эх, суслики! Не знаете вы, видно,
Как может приручить наедине

Любой тихоня — злейшую чертовку. —
Дай ручку, Кет. В Венецию я еду,
Куплю уборы свадебные там. —
Отец, готовьте пир, гостей зовите,
Пусть будет Кет моя прекрасней всех.

Б а п т и с т а

Что вам сказать? Соедините руки.
Петруччо, будьте счастливы! Я рад.

Г р е м и о и Т р а н и о

Аминь. Свидетелями будем мы.

П е т р у ч ч о

Отец, жена, синьоры, до свиданья.
Я уезжаю. Воскресенье близко,
Куплю наряды, украшения, кольца.
Целуй же, Кет, меня без опасенья,
Сыграем свадьбу в это воскресенье!

П е т р у ч ч о и К а т а р и н а уходят в разные стороны.

Г р е м и о

Как быстро свадьбу сладили, однако!

Б а п т и с т а

Я роль купца играю, господа,
Что сбыл товар неведомо куда.

Т р а н и о

Товар ваш залежаться мог, синьор,
Теперь же прибыль даст иль в море сгинет.

Б а п т и с т а

Их счастье в браке — вот и прибыль мне.

Г р е м и о

О, будьте в том уверены вполне.
Теперь поговорим о младшей дочке.
Настал желанный день; я ваш сосед
И первым сватался к прелестной Бьянке.

Т р а н и о

Но Бьянку я люблю сильнее, чем можно
Сказать словами иль представить в мыслях.

Г р е м и о

Не можешь ты любить, как я, глупыш!

Т р а н и о

Застудишь ты любовь.

Г р е м и о

А ты спалишь!
Прочь, сосунок. Старик — жене опора.

Т р а н и о

Но к молодым стремятся женщин взоры.

Б а п т и с т а

Синьоры, стойте, я решу ваш спор.
Приз — по заслугам! Тот из вас, кто больше
Во вдовью часть моей назначит дочке,
Тот и получит Бьянку. —
Вы, Гремио, что можете ей дать?

Г р е м и о

Дом городской мой серебром заставлен,
И золотой посудой, и тазами
Для омовенья рук ее нежнейших.
Он весь увешан тирскими коврами;
Полны монет ларцы слоновой кости,
А в кипарисных сундуках — наряды,
Тончайшее белье и балдахины,
Турецкие подушки с жемчугами,
Венецианское шитье златое,
И утварь медная, и все, что нужно
В хозяйстве. У меня стоят на ферме
До ста коров с удоем по ведру,
Откормленных быков побольше сотни,
И всякой прочей живности в избытке.
Я сам уже в летах, признаться должен,

Умри я завтра — ей оставлю все,
Пусть только согласится стать моею.

Т р а н и о

Все дело в этом “только”. Я, синьор,
Единственный наследник у отца,
И, если дочь вы отдадите мне,
Достанется ей несколько домов
В богатой Пизе, — и любой из них
Нисколько не уступит дому Греммо.
А сверх того она получит в год
Две ты́сячи дукатов от имений.
Вот что составит вдовью часть ее.
Ну как, поддел я вас, синьор мой Греммо?

Г р е м м о

Две тысячи дохода ежегодно?
Мои именья все того не стоят.
Но я еще корабль могу добавить;
Он в гавани стоит сейчас, в Марселе.
Что, сударь, подавились кораблем?

Т р а н и о

Все знают, что у моего отца
Три корабля помимо двух галер
И дюжины гребных судов. Все — ей!
Что ни предложите, могу удвоить.

Г р е м и о

Все предложил! Нет больше ничего!
Не в силах дать я больше, чем имею.
Гожусь — меня со всем добром берите.

Т р а н и о

Ну, значит, девушка теперь моя.

(Баптисте.)

Вы обещали. Победил я Гремियो.

Б а п т и с т а

Признаюсь, ваше предложение лучше,
И если бы отец ваш поручился, —
Берите Бьянку. Если ж нет — простите!
Умри вы до него — что с Бьянкой будет?

Т р а н и о

Вот пустяки! Я молод, он старик.

Г р е м и о

А разве молодые-то не мрут?

Б а п т и с т а

Прошу, синьоры, выслушать меня.
Вот как решил я: в это воскресенье
Дочь Катарину замуж выдаю,

(к Транио)

И в то же воскресенье Бьянка станет
Невестой вашей, коль отец согласен;
А нет — ее за Гремियो я выдам.
Спасибо вас обоим. До свиданья.

Г р е м и о

Сосед, прощайте.

Б а п т и с т а уходит.

Ну, ты мне не страшен.
Балбес! Отец твой не такой дурак,
Чтоб, все отдав, идти на склоне лет
К тебе в нахлебники. Нет, милый, дудки!
Со старым лисом плохи будут шутки.

(Уходит.)

Т р а н и о

Ну, старый хрыч, тебе я отомщу!
Есть у меня еще в запасе козырь;
Я знаю, как хозяину помочь.
Не может разве мнимый сын — Люченцио
Добыть и мнимого отца — Винченцио?
Вот чудо! Ведь обычно создают
Отцы детей. Но я любви служу
И, если нужно, сам отца рожу!

(Уходит.)

АКТ III

Сцена 1

Падуя. Дом Баптисты.

Входят Люченцио, Гортензио и Бьянка.

Люченцио

Эй, музыкант, кончай! Ты обнаглел!
Забыл уже, какой тебе прием
Устроила синьора Катарина?

Гортензио

Педант крикливый! Но ведь здесь сама
Гармонии царица пред тобою.
Так уступи мне первенство без спора.
Часок займусь я музыкой, а там
Часок и ты для чтения получишь.

Люченцио

Тупой осел! Ты так необразован,
Что назначенья музыки не знаешь.

Она должна лишь освежать наш ум,
Уставший от занятий и трудов.
Займусь я философией и чтением,
А ты потом сыграй для развлечения.

Г о р т е н з и о

Твоих насмешек я теперь не стану.

Б ь я н к а

Вы обижаете меня, синьоры,
Своими пререканьями о том,
Что мне одной лишь следует решать.
Не школьница я, розги не боюсь, —
Прошу меня не связывать часами;
Когда хочу, тогда и занимаюсь.
Давайте кончим спор и сядем здесь.

(К Гортензио.)

Возьмите вашу лютню и настройте;
А мы тем временем займемся чтением.

Г о р т е н з и о

Когда настрою, бросите читать?

Л ю ч е н ц и о

Как бы не так! Настраивайте лютню.

Б ь я н к а

Где мы остановились в прошлый раз?

Л ю ч е н ц и о

Вот здесь, синьора.

“Hic ibat Simois; hic est Sigeia tellus
Hic steterat Priami regia celsa senis”¹

Б ь я н к а

Переведите мне.

Л ю ч е н ц и о. Hic ibat — как я уже говорил; Simois — я Люченцио; hic est — сын Винченцио из Пизы; Sigeia tellus — переоделся для того, чтобы завоевать вашу любовь; hic steterat — а Люченцио, что сватается к вам, Priami — мой слуга Транио; regia — переодетый в мое платье; celsa senis — для того, чтобы получше провести старого Панталоне.

Г о р т е н з и о

Синьора, я уже настроил лютню.

Б ь я н к а

Послушаем... Фи, как верхи фальшивят!

1 Здесь протекал Симоис; здесь Сигейская земля; здесь стоял высокий дворец старца Приама. (Лат.)

Л ю ч е н ц и о

Поплюйте и настраивайте снова.

Б ь я н к а

Смогу ли я перевести, посмотрим.

Hic ibat Simois — я вас не знаю; hic est Sigeia tellus — я вам не верю; hic steterat Priami — будьте осторожны, чтобы он нас не услышал; regia — не будьте самонадеянны; celsa senis — не отчаивайтесь.

Г о р т е н з и о

Ну вот, настроил я.

Л ю ч е н ц и о

Низы фальшивят.

Г о р т е н з и о

Низы верны; фальшивит низкий плут.

(В сторону.)

Учительшка дерзок и развязен;

Клянусь за ней приволокнуться хочет.

Pedascule!¹ Я выслежу тебя!

1 Учителишка! (Лат.)

Б ь я н к а

Когда-нибудь, быть может, и поверю.
Сейчас боюсь.

Л ю ч е н ц и о

Не бойтесь. Эакид
По деду был Аяксом наречен.

Б ь я н к а

Учителю обязана я верить,
А то бы волю я дала сомненьям.
Оставим это, Личио, прошу вас. —
Любезные наставники, простите,
Что с вами я обоими шутила.

Г о р т е н з и о
(к Люченцио)

Оставьте нас. Пойдите, прогуляйтесь.
В три голоса я петь не собираюсь.

Л ю ч е н ц и о

Вот строгости! Нет, я уж подожду.

(В сторону.)

И послежу. Бьюсь об заклад, что наш
Любезный музыкант в нее влюбился.

Г о р т е н з и о

Синьора, прежде чем коснуться струн
И до того, как вам поставить пальцы,
Азы искусства с вами мы пройдем.
Я объясню вам построенье гаммы
Понятнее, успешнее и лучше,
Чем всякие другие музыканты.
Вот гамма — я ее переписал.

Б ь я н к а

Но гамму я и так отлично знаю.

Г о р т е н з и о

Все ж ознакомьтесь с гаммою Гортензио.

Б ь я н к а
(читает)

“Я гамма, всех аккордов основанье.
А, ге — Гортензио пленен тобой,
В, ми — не отвергай его признаний!
С, фа — позволь тебя назвать женой.
До, сол, ге — ключ; две ноты в нем найдешь.
Е, ла, ми — сжался, иль меня убьешь”.
И это гамма ваша? Нет уж, я
Предпочитаю старую. Не стану
Ее менять на ваши измышленья.

Входит слуга.

Слуга

Синьора, вам отец велит оставить
Занятья ваши и помочь сестрице;
Ведь завтра под венец она идет.

Бьянка

Наставники любезные, прощайте!

Бьянка и слуга уходят.

Музыканты. Рис. Дж. Джильберта

Л ю ч е н ц и о

Тогда и мне нет смысла оставаться.

(Уходит.)

Г о р т е н з и о

А мне есть смысл за ним понаблюдать;
Он что-то на влюбленного походит.
Но если, Бьянка, помыслы твои
Так низки, что любому прощелыге
Ты строишь глазки, — так ступай к нему.
Но, убедившись в низости такой,
Гортензио расплатится с тобой.

(Уходит.)

Сцена 2

Падуя. Перед домом Баптисты.

Входят Баптиста, Гремियो, Транио, Катарина,
Бьянка, Люченцио и слуги.

Б а п т и с т а
(к Транио)

Синьор Люченцио, сегодня день
Венчанья Катарины и Петруччо,
А зятя и в помине даже нет.
Что скажут все? Как будут насмехаться!

Жених пропал, а в церкви ждет священник,
И все давно готово для венчанья.
Что скажете вы о позоре нашем?

К а т а р и н а

Позор лишь мне. Заставили насильно
И против воли сердца дать согласие
Заносчивому, грубому нахалу,
Шуту, который свататься спешил,
Да только не торопится жениться.
Я говорила вам, что он дурак
И прячет злость за наглостью своею.
А чтоб ему прослыть весельчаком,
Готов посватать тысячу невест,
Назначить свадьбу, пригласить друзей,
Не помышляя вовсе о женитьбе.
В лицо теперь мне пальцем будут тыкать:
Она, мол, стала бы женой Петруччо,
Когда б на ней изволил он жениться.

Т р а н и о

Баптиста, Катарина, успокойтесь!
Петруччо вас обманывать не станет.
Его случайность, видно, задержала.
Он хоть и груб немного, но умен;
Хоть весельчак, да честный человек.

К а т а р и н а

Ах, лучше б я его совсем не знала!

(Уходит плача; за нею Бьянка и другие.)

Б а п т и с т а

Ступай, дитя! Не упрекну за слезы.

Святая не снесет такой обиды,

Не то что ты, с твоим строптивым нравом.

Входит Бьонделло.

Б ь о н д е л л о. Хозяин! Хозяин! Новости, старые новости, такие новости, каких вы никогда не слыхали!

Б а п т и с т а. Что это за старые новости? Как это может быть?

Б ь о н д е л л о. А разве не новость — прибытие Петруччо?

Б а п т и с т а. Он прибыл?

Б ь о н д е л л о. Нет, синьор.

Б а п т и с т а. Так в чем же дело?

Б ь о н д е л л о. Он прибывает.

Б а п т и с т а. А когда он будет здесь?

Б ь о н д е л л о. Тогда, когда будет стоять на моем месте и глядеть на вас.

Т р а н и о. Но расскажи нам твои старые новости!

Б ь о н д е л л о. Ну как же! Петруччо едет в новой шляпе и старой куртке, в старых, трижды лицованных штанах; сапоги его служили свечными ящиками — один застегнут

пряжкой, другой подвязан шнурком; старый ржавый меч из городского арсенала с изломанной рукояткой, отбитым острием и без ножен. На лошади — изъеденное молью седло, и стремяна друг с другом в родстве не состояли. Вдобавок еще лошадь больна сапом, холка сбита, зубы шатаются, селезенка екает, кожа в болячках, суставы распухли; страдает желтухой и головокружением; ее грызут глисты, спина с изъязном, лопатки торчат, на передние ноги припадает, удила сломаны, а недоуздок из бараньей кожи, да его, видно, так часто натягивали, чтобы лошадь не свалилась, что он разорвался и теперь в нескольких местах связан узлами. Подпруга сшита из шести кусков, а подхвостник бархатный, с дамского седла; на нем две именные буквы, красиво выложенные гвоздиками, и связан он бечевкой.

Б а п т и с т а. А кто едет с ним?

Б ь о н д е л л о. Ах, синьор, его слуга, разукрашенный не хуже лошади. На одной ноге у него бумажный чулок, на другой шерстяная гетра, и подвязаны они синим и красным шнурками. Старая шляпа, а вместо пера воткнуто сорок пестрых лент. Чудовище, истинное чудовище по наряду, и не похож ни на христианского лакея, ни на человеческую слугу.

Т р а н и о

Не зря он едет к нам в столь диком виде.
Обычно он как принято одет.

Б а п т и с т а. Я рад, что он явился, в каком бы он виде ни прибыл.

Б ь о н д е л л о. Нет, синьор, он не прибыл.

Б а п т и с т а. Разве ты не сказал, что он прибыл?

Б ь о н д е л л о. Кто? Петруччо прибыл?

Б а п т и с т а. Ну да; Петруччо прибыл.

Б ь о н д е л л о. Нет, синьор; я сказал, что его лошадь прибыла, а он сидит на спине у нее.

Б а п т и с т а. Да ведь это одно и то же.

Б ь о н д е л л о

Где видано такое?

Тут дело не простое;

Ведь конь и господин,

Хоть больше, чем один,

А все-таки не двое.

Входят П е т р у ч ч о и Г р у м и о.

П е т р у ч ч о

Куда все подевались? Эй, кто дома?

Б а п т и с т а

Вы в добром здравии?

П е т р у ч ч о

Куда там в добром!..

Б а п т и с т а

Но не хромаете?

Т р а н и о

Одеты, правда,
Не так, как надо бы.

П е т р у ч ч о

И в лучшем платье я спешил бы так же. —
Где Кет? Где нежная моя невеста?
Как мой отец? Друзья, вы что ж надулись?
Что на меня вы пялите глаза?
Я статуя диковинная, что ли,
Комета иль невиданное чудо?

Б а п т и с т а

Синьор, но ведь сегодня ваша свадьба.
Грустили мы, что вас так долго нет;
Теперь грустим сильнее, таким вас видя.
Ведь ваш наряд — позор для жениха,
Долой его, он осквернит наш праздник.

Т р а н и о

Какие неотложные дела
С невестой разлучили вас, скажите?
И что это за вид необычайный?

П е т р у ч ч о

Рассказ не из коротких — скучно слушать;
Достаточно, что слово я сдержал,
Хоть и пришлось явиться с опозданием.
Я на досуге оправдаюсь так,
Что все останетесь довольны, верьте.
Но где же Кет? Мы долго не видались,
Проходит утро — время в церкви быть.

Т р а н и о

Нельзя идти к невесте в этих тряпках,
Зайдем ко мне, наденьте мой костюм.

П е т р у ч ч о

Нет, не надену; я явлюсь к ней в этом.

Б а п т и с т а

Но ведь венчаться так вы не пойдете?

П е т р у ч ч о

Нет, только так, а не иначе! Хватит!
Она со мной венчается, не с платьем.
Когда бы мог я собственную душу,
Которую она мне поистреплет,
Сменить так просто, как лохмотья эти,
Ей лучше было бы, а мне подавно.
Но что же я, дурак, стою, болтаю,
Когда мне следует спешить к невесте,

Ее приветствовать и закрепить
Свои права над нею поцелуем?

Петруччо и Грумио уходят.

Т р а н и о

Он с умыслом так нарядился странно.
Попробуем-ка убедить его
Венчаться в более приличном виде.

Б а п т и с т а

Пойду за ним, взгляну, что будет дальше.

Баптиста, Гремио и слуги уходят.

Т р а н и о
(к Люченцио)

К любви синьоры ведь добавить нужно
Еще согласие вашего отца.
Для этого, как я уж говорил,
Нам нужен подходящий человек.
Не важно, кто он, — мы его научим
И назовем Винченцио из Пизы.
Пускай он здесь поручится за вас
На суммы покрупней, чем я сулил;
Тогда плоды своих надежд пожнете,
И дочку вам отдаст синьор Баптиста.

Л ю ч е н ц и о

Когда бы жалкий этот музыкантик
Так не следил за каждым шагом Бьянки,
Я мог бы тайно обвенчаться с нею,
А там — пусть будет против целый свет, —
Я за свое сумею постоять.

Т р а н и о

Мы это подготовим постепенно
И дело в нашу пользу обернем.
Мы околпачим старикашку Гремио,
Ехидного папашу Минола
И влюбчивого музыканта Личио, —
Раз это нужно вам, хозяин мой.

Возвращается Г р е м и о.

Вы возвращаетесь из церкви, Гремио?

Г р е м и о

Я прежде так из школы убегал.

Т р а н и о

Муж молодой с женою тоже вышли?

Г р е м и о

Мужик он неотесанный — не муж;
Он грубиян и ей себя покажет.

Т р а н и о

Грубей ее? Нет, это невозможно.

Г р е м и о

Он дьявол, дьявол, настоящий черт.

Т р а н и о

Но и она чертовка, просто ведьма.

Г р е м и о

Она дитя, ягненок рядом с ним.
Послушайте! Когда спросил священник,
Готов ли взять он в жены Катарину,
Он громко завопил: “Да, черт возьми!” —
И начал так отчаянно божиться,
Что ужаснулись все, а сам священник
От перепугу требник уронил;
Когда ж нагнулся, чтоб поднять его,
Жених ему такого дал пинка,
Что поп свалился наземь вместе с книгой.
“Ну, а теперь, — загрохотал жених, —
Кому охота, подымайте их!”

Т р а н и о

Ну, а невеста что же говорила?

Г р е м и о

Она тряслась, а он ругался, топал,
Как будто поп его надуть хотел;
Когда же кончился обряд венчанья,
Потребовал вина и тост заздравный
Так гаркнул, точно он на корабле
С матросами пирует после бури.
Мускат весь выдул и плеснул опивки
В лицо пономарю из-за того лишь,
Что тот своею жидкой бороденкой
К нему тянулся, будто ждал подачки.
Потом невесту обхватил за шею
И так ее он звонко чмокнул в губы,
Что эхо в сводах церкви отдалось.
Я со стыда сбежал, увидя это,
А вслед за мной и остальные тоже.
Столь дикой свадьбы свет еще не видел!
Но слышите?

Музыка.

Уж музыка играет.

Возвращаются П е т р у ч ч о, К а т а р и н а, Б ь я н к а,
Б а п т и с т а, Г о р т е н з и о, Г р у м и о и гости.

П е т р у ч ч о

Благодарю за хлопоты, друзья.
Вы собирались сесть со мной за стол

И приготовили роскошный пир;
Но у меня по горло спешных дел,
И потому я должен вас покинуть.

Б а п т и с т а

Поехать вы хотите, на ночь глядя?

П е т р у ч ч о

Уеду я до наступленья ночи.
Не изумляйтесь. Если бы вы знали
Мои дела, — совет бы дали ехать.
Спасибо всей компании любезной.
Вы видели, как отдал я себя
Нежнейшей, добродетельной жене.
Останьтесь пировать с моим отцом.
Прошу вас выпить за мое здоровье.
Я ж должен ехать. Ну, прощайте все.

Т р а н и о

Мы просим вас остаться пообедать.

П е т р у ч ч о

Нет, не могу.

Г р е м и о

Я очень вас прошу.

П е т р у ч ч о

Нет, невозможно.

К а т а р и н а

Я прошу вас очень.

П е т р у ч ч о

Я рад.

К а т а р и н а

Остаться рады?

П е т р у ч ч о

Нет, я рад,

Что попросили вы меня остаться.

Но, как бы ни просили, не останусь.

К а т а р и н а

Ну, из любви останьтесь.

П е т р у ч ч о

Лошадей!

Г р у м и о. Готовы, синьор; овес уже всех лошадей съел.

К а т а р и н а

Ну, если так —

Что хочешь делай, я не двинусь с места.

Нет, нет, и не сегодня, и не завтра,

Пока сама не захочу поехать.
Открыты двери; скатертью дорога,
И топай, пока целы сапоги.
Что до меня, то я останусь здесь.
Вот, нечего сказать, хороший муж!
Себя вы сразу показать сумели.

П е т р у ч ч о

Да успокойся, киска, не сердись.

К а т а р и н а

Хочу сердиться! Вам-то что за дело? —
Отец, он будет с нами, я ручаюсь;
Пока не захочу, он не уедет.

Г р е м и о

Заварится сейчас такая каша!..

К а т а р и н а

Прошу к столу пожаловать, синьоры.
Из женщины не трудно сделать дуру,
Когда она боится дать отпор.

П е т р у ч ч о

Они пойдут к столу, как ты велела.
Прошу повиноваться новобрачной,
Идите пировать и веселиться

И пейте вдоволь за ее невинность,
Буяньте и кутите сколько влезет,
А не хотите — убирайтесь к черту!
Но милая жена со мной поедет;
Не топай, киска, не косись, не фыркай —
Я своему добру хозяин полный.
Теперь она имущество мое:
Мой дом, амбар, хозяйственная утварь,
Мой конь, осел, мой вол — все что угодно.
Вот здесь она стоит. Посмейте тронуть —
И тут же я разделаюсь с любимым,
Кто в Падуе меня задержит. Грумио,
К оружию! Хотят ограбить нас!
Спасай хозяйку, если ты мужчина.
Не бойся, Кет, тебя никто не тронет;
Я отобью, хоть будь их миллион.

Петруччо, Катарина, Грумио уходят.

Б а п т и с т а

Пусть их идут. Не пара — загляденье!

Г р е м и о

Еще чуть-чуть — и я б со смеху лопнул.

Т р а н и о

Безумней в мире не бывало брака.

Л ю ч е н ц и о

Что скажете, синьора, о сестре?

Б ь я н к а

Безумная она, и брак безумный.

Г р е м и о

Она окатаринила его.

Б а п т и с т а

Друзья, хоть новобрачных с нами нет
И за столом пустуют их места,
Зато в избытке яства пиру.
Пусть место жениха займет Люченцио;
Ты, Бьянка, сядь на место Катарины.

Т р а н и о

Чтоб к роли новобрачной приучаться?

Б а п т и с т а

Да, да, Люченцио. За стол, друзья!

Уходят.

АКТ IV

Сцена 1

Загородный дом Петруччо.

Входит Г р у м и о.

Г р у м и о. Тьфу, да пропади они пропадом, все дохлые ключи, все сумасбродные хозяева и все скверные дороги! Бывал ли когда человек так истрепан? Бывал ли когда человек так забрызган? Бывал ли когда человек так измучен? Меня послали вперед развести огонь, а они приедут следом греться. Не будь я мал да горяч, так у меня бы губы примерзли к зубам, язык к небу, сердце к желудку, прежде чем я бы успел развести огонь, чтобы оттаять. Но, раздувая огонь, я и сам согреюсь. Ведь по такой погоде человек и повыше меня схватит простуду. — Эй, эй, Кертис!

Входит К е р т и с.

К е р т и с. Кто это зовет меня таким застывшим голосом?

Г р у м и о. Кусок льда. Если сомневаешься, скатись вниз по моему плечу до пяток: разбега больше, чем от головы до шеи, не потребуется. Огня, славный Кертис!

К е р т и с. Мой хозяин и его жена едут, Грумио?

Г р у м и о. Едут, Кертис, едут, а потому огня, огня! Хватит воду лить.

К е р т и с. А она в самом деле так горяча и строптива, как говорят?

Г р у м и о. Была, добрый Кертис, до этого морозца. Но ты ведь знаешь, стужа смиряет и мужчину, и женщину, и скотину. Вот она и смирила моего старого хозяина и новую хозяйку, да и меня самого, друг мой Кертис.

К е р т и с. Убирайтесь ты, трехдюймовый болван! Я не скотина.

Г р у м и о. Неужто во мне только три дюйма? Да у тебя рога длиной в целый фут, а уж я по крайней мере не меньше их. Намерен ты разводить огонь, или мне нужно жаловаться хозяйке? А так как она сама под рукой, то от ее руки тебе сразу холодно станет за то, что медлишь со своим горячим делом.

К е р т и с. Прошу тебя, любезный Грумио, расскажи, что делается на свете?

Г р у м и о. Холодно на свете, Кертис, холодно во всех должностях, кроме твоей. А посему — давай огня. Займись своим делом, и получишь поделом, потому что хозяин с хозяйкой чуть не до смерти замерзли.

К е р т и с. Ну, вот и огонь готов. Выкладывай теперь новости, милый Грумио.

Грумио (напевает). “Эх, Джек! Ах, Джек!...” Новостей сколько тебе угодно.

К е р т и с. Ну и плут же ты отъявленный!

Г р у м и о. Давай же огня! Меня страх как продуло. Где повар? Готов ли ужин, прибран ли дом, посыпаны ли полы, сметена ли паутина? Надели слуги новые платья, белые чулки и свадебные украшения? Вымыты ли стаканы внутри, а чашки снаружи, постелен ли ковер и все ли в порядке?

К е р т и с. Все готово; поэтому прошу тебя, выкладывай новости.

Г р у м и о. Ну так вот: во-первых, моя лошадь устала, а мой хозяин с хозяйкой бултыхнулись.

К е р т и с. Как?

Г р у м и о. С седел прямо в грязь; вот тут и начинается история.

К е р т и с. Расскажи ее, добрый Грумио.

Г р у м и о. Давай ухо.

К е р т и с. Вот оно.

Г р у м и о (*бьет его*). Получай!

К е р т и с. Это значит почувствовать историю, а не выслушать.

Г р у м и о. Потому-то и говорят люди: чувствительная история. А в ухо я тебе заехал для того, чтобы постучаться и попросить внимания. Начинаю: во-первых, спускались мы с грязного пригорка, причем мой хозяин ехал позади хозяйки...

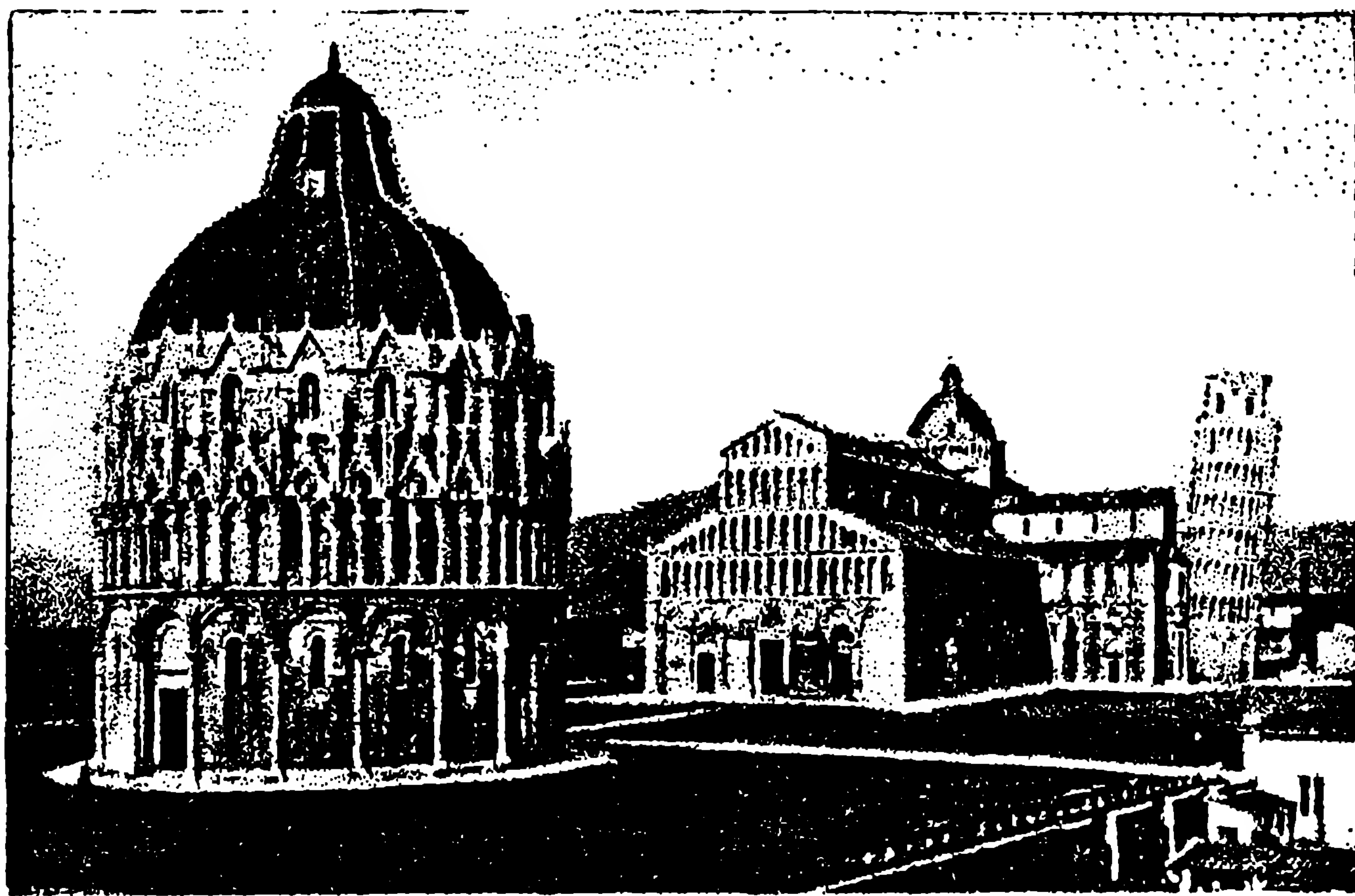
К е р т и с. Оба на одной лошади?

Г р у м и о. А тебе что?

К е р т и с. Не мне, а лошади...

Г р у м и о. Ну, так сам дальше и рассказывай. А если бы ты меня не перебил, ты бы услышал, как ее лошадь оступилась, а она свалилась под лошадь; ты бы услышал, что там была за грязь, как хозяйка вся выпачкалась, как он ее оставил лежать под лошадью, а сам принялся лупить меня за то,

Пиза. С гравюры неизвестного художника

что ее лошадь оступилась, как она шлепала по грязи, чтобы оттащить его от меня, как он ругался, как она умоляла — она, которой раньше и просить-то ни о чем не приходилось, — как я орал, как лошади разбежались, как ее уздечка лопнула, как я потерял подпругу, и еще много всяких инте-

реснейших вещей, которые теперь останутся в забвении, а ты сойдешь в могилу, так ничего и не узнав.

К е р т и с. По этому расчету выходит, что он еще строптивее ее!

Г р у м и о. Вот именно. И ты, и самый важный из вас это сразу почувствуете, как только он вернется домой. Да что я заболтался? Зови сюда Натаниэля, Джозефа, Никласа, Филиппа, Уолтера, Лакомку и всех остальных. Пусть гладко причешут волосы, вычистят свои синие куртки, как следует завяжут подвязки. Пусть встанут на левое колено и не посмеют дотронуться даже до волоска в хвосте лошади хозяина, пока не приложатся к ручке. Ну как там, все готовы?

К е р т и с. Готовы.

Г р у м и о. Зови их сюда.

К е р т и с. Эй, слышите? Вы должны встретить хозяина, чтобы не ударить лицом в грязь перед хозяйкой.

Г р у м и о. Да ведь она сама лицом в грязь ударила.

К е р т и с. Кто же этого не знает?

Г р у м и о. Ты не знаешь, раз собираешь людей, чтобы перед ней в грязь лицом не ударить.

К е р т и с. Я их зову, чтобы ее разодолжить.

Г р у м и о. А она вовсе не собирается одалживаться.

Входят несколько слуг.

Н а т а н и э л ь. Добро пожаловать, Грумио!

Ф и л и п п. Ну как дела, Грумио?

Д ж о з е ф. Эй, Грумио!

Н и к л а с. Дружище Грумио!

Н а т а н и э л ь. Как поживаешь, старина?

Г р у м и о. Добро пожаловать... Ну как дела... Эй, ты... Здорово, дружище... Ну и хватит для встречи. А теперь, друзья-щеголи, все ли готово, все ли в порядке?

Н а т а н и э л ь. Все готово. Что, наш хозяин близко?

Г р у м и о. Рукой подать, наверное уже спешился; поэтому не... Тихо, черт побери! Я слышу его голос!

Входят Петруччо и Катарина.

П е т р у ч ч о

Где эти олухи? Никто не встретит,
Коня не примут, стремя не поддержат!
Где Грегори, Филипп, Натаниэль?

С л у г и

Мы тут, синьор, мы тут, синьор, мы тут!

П е т р у ч ч о

“Мы тут, синьор, мы тут, синьор, мы тут!”
Мужланы неотесанные, плуты!
Ни рвенья, ни заботы, ни старанья!
Где тот болван, кого вперед я выслал?

Г р у м и о

Я здесь, синьор, и так же глуп, как прежде.

**Ах ты растяпа, сукин сын, прохвост!
Ведь я тебе велел встречать нас в парке
И этих всех мерзавцев привести.**

**У Натаниэля не готова куртка,
Разлезлись башмаки у Габриэля,
А Питер не успел покрасить
 шляпу,
И Уолтера кинжал еще в починке.
Лишь Ралф, Адам и Грегори одеты,
А остальные босы и в отрепьях,
Но даже в этом виде все явились.**

Ступайте, дурни! Подавайте ужин.—

Слуги уходят.

(Поет.)

**“Где ты, жизнь моя былая,
Где...” — Кет, добро пожаловать, садись.
Ух-ха-ха-ха!**

Входят слуги с ужином.

**Мой милый котик, будь повеселее.—
Тащите сапоги с меня, мерзавцы!**

(Поет.)

“Жил монах, молился богу,
Раз он вышел на дорогу...” —
Прочь, ротозей! Ты ногу оторвал мне.
Вот, получай!

(Бьет его.)

Не оторвешь другую! —
Развеселись же, Кет! — Эй, дайте воду! —
А где мой пес Троил? — Беги, болван,
Да позови кузена Фердинанда. —
Ты, Кет, должна поцеловаться с ним. —
Где туфли? Ну, дождусь ли я воды?

Входит слуга с кувшином и тазом.

Помойся, котик, сделай одолжение.

Слуга роняет кувшин.

Ах, сукин сын, еще ронять ты вздумал!

(Бьет его.)

К а т а р и н а

Ну, успокойтесь. Он ведь не нарочно.

П е т р у ч ч о

Пес, олух, вислоухая каналья! —
Садись же, Кет. Ты голодна, конечно.
Прочтешь молитву, или мне читать? —
Барашек это?

С л у г а

Да.

П е т р у ч ч о

Кто подал?

С л у г а

Я.

П е т р у ч ч о

Он подгорел. Все начисто сгорело.

Ну что за псы! А где мошенник-повар?

Как смели вы из кухни принести

И мне подать к столу такую мерзость?

Долой ножи, тарелки, — все убрать!

(Сбрасывает блюдо с мясом и посуду на пол.)

Лентяи! Бестолковые рабы!

Еще ворчать? Вот я вам покажу!

К а т а р и н а

Супруг мой, я прошу вас, не волнуйтесь.

Вам показалось, мясо не плохое.

П е т р у ч ч о

Кет, я сказал — жаркое подгорело.

Нельзя такое есть. От этих блюд

Желчь разливается, рождая злобу.

Уж лучше попоститься нам сегодня,

С картины художника Эдуарда Стейнли

Чем кушать пережаренное мясо.
Ведь желчи нам с тобой и так хватает.
Ну, потерпи! Мы утром все исправим,
А ночью попостимся за компанию.
Я в спальню провожу тебя, пойдем.

Петруччо и Катарина уходят.
Возвращаются несколько слуг.

Н а т а н и э л ь. Ну, Питер, видел ты что-нибудь подобное?

П и т е р. Он ее бьет ее же оружием.

Возвращается К е р т и с.

Г р у м и о. Где он?

К е р т и с. В спальне. Читает ей проповедь о воздержании.
Орет, буянит, а она не знает,
Куда деваться, что ему ответить;
Сидит, бедняжка, будто в полусне.
Уйдем скорее! Он идет сюда.

Уходят.

Входит П е т р у ч ч о.

П е т р у ч ч о

Свое правление я мудро начал.
Надеюсь, что и завершу успешно.
Мой сокол голоден и раздражен.
Пока не покорится — есть не дам,
А то глядеть не станет на добычу.

Еще есть путь дикарку приручить,
Чтобы на зов хозяина бежала:
Мешать ей спать, как ястребу, который
Не хочет слушаться, клюет и бьется.
Сегодня голодна и не поест;
Ночь не спала и нынче спать не будет.
И так же, как сумел придраться к мясу,
К постели придерусь: перину сброшу,
Подушки, одеяла расшвыряю,
Твердя при этом, что скандал я поднял
Единственно из-за вниманья к ней.
Всю ночь она, конечно, спать не сможет,
А чуть задремлет — я начну ругаться
И криком ей не дам уснуть совсем.
Вот способ укротить строптивый нрав.
Кто знает лучший, пусть расскажет смело —
И сделает для всех благое дело.

(Уходит.)

Сцена 2

Падуя. Перед домом Баптисты.
Входят Т р а н и о и Г о р т е н з и о.

Т р а н и о

Как, друг мой Личио, ужели Бьянка
Мечтает о другом, не о Люченцио?
Она меня предпочитала всем!

Гортензио

Хотите убедиться — встаньте здесь;
Проверьте-ка, чему ее он учит.

Входят Бьянка и Люченцио.

Люченцио

Как вы преуспеваете в ученье?

Бьянка

А вы чему же учите? Скажите.

Люченцио

Учу я одному — любви искусству.

Бьянка

Владеете искусством вы таким?

Люченцио

Да, милая, как сердцем вы моим.

Отходят в глубину сцены.

Гортензио

Блестящие успехи! А теперь
Вы поклялись бы, что синьора Бьянка
Лишь одному Люченцио верна?

Т р а н и о

О женское коварство! Вероломство!
Ах, Личио, я просто поражен.

Г о р т е н з и о

Синьор, не заблуждайтесь. Я не Личио,
Не музыкант, каким казался вам,
И маску больше не хочу носить
Во имя той, которая способна
Мне, дворянину, предпочесть мужлана,
Любовь свою бродяге подарив.
Узнайте же — меня зовут Гортензио.

Т р а н и о

Синьор Гортензио, мне доводилось
О ваших пылких чувствах к Бьянке слышать,
Но я теперь, воочью убедившись
В ее непостоянстве, предлагаю
Нам вместе от любви ее отречься.

Г о р т е н з и о

Видали, как целуются? Люченцио,
Вот вам рука моя. Клянусь, душою,
Не стоит Бьянка преданной любви,
Которую так нежно предлагал ей.

Т р а н и о

Клянусь и я ненарушимой клятвой,
Что не женюсь на ней, пусть даже просит!
Стыд и позор! Как льнет к нему, смотрите!

Г о р т е н з и о

Все отречемся — пусть идет к нему!
Что до меня, то, клятву соблюдая,
В три дня женюсь я на вдове богатой,
Которая меня не меньше любит,
Чем я любил кокетку эту, Бьянку.
Итак, синьор Люченцио, до свиданья.
Отныне в женщинах ценить начну
Не красоту, а преданное сердце.
Прощайте. Клятву я свою сдержу.

(Уходит.)

Т р а н и о
(подходя к Бьянке)

Ну, вы достигли счастья наконец,
Желанного для любящих сердец.
Случайно подсмотрел я ваши шашни,
И мы с Гортензио отреклись от вас.

Б ь я н к а

Вы оба отреклись? Ты шутишь, Транио!

Т р а н и о

Нет.

Л ю ч е н ц и о

Значит, Личио нам не опасен.

Т р а н и о

Он свататься решил к вдове веселой
И свадьбу справить с нею в тот же день.

Б ь я н к а

Пошли им счастья бог!

Т р а н и о

Ее он укротит.

Б ь я н к а

Ну, как сказать!

Т р а н и о

Ведь в школу укрощенья поступил он.

Б ь я н к а

Да разве есть такая школа, Транио?

Т р а н и о

А как же ! В ней учителем Петруччо.
Он знает двадцать способов различных,

Как жен строптивых прибирать к рукам
И воли не давать их языкам.

Входит Бьонделло.

Бьонделло

Синьор, синьор! Я сторожил так долго,
Что хуже пса устал. Но наконец
С холма спустился старикан почтенный;
Он подойдет, пожалуй, нам.

Транио

А кто он?

Бьонделло

Учительшка, верно, иль купец,—
Не знаю; но по виду и осанке
Сойдет вполне за вашего отца.

Люченцио

Ну, Транио, что скажешь ты об этом?

Транио

Что ж, если басне он моей поверит,
То будет рад изобразить Винченцио
И поручительство Баптисте дать,

Как будто он ваш подлинный отец.
Теперь, синьор, уйдите с вашей милой.

Люченцио и Бьянка уходят.

Входит странствующий учитель.

Учитель

Храни вас бог, синьор.

Транио

И вам того же.

Идете дальше или остаетесь?

Учитель

Неделю или две пробуду здесь
И двинусь дальше. Путь мой в Рим лежит
И в Триполи, коль бог пошлет мне силы.

Транио

Откуда вы, скажите?

Учитель

Я из Мантуи.

Транио

Из Мантуи, синьор! Спаси вас бог!
Вы в Падую пришли, рискуя жизнью!

У ч и т е л ь

Рискуя жизнью? Я не понимаю.

Т р а н и о

Здесь мантуанцам угрожает смерть.
Синьор, ваш флот в Венеции задержан,
И герцог ваш, поссорившийся с нашим,
Публично объявил об этом сам.
Прибудь сюда вы чуточку пораньше,
Все это вы слышали бы сами.

У ч и т е л ь

Ну, значит, мне конец пришел, синьор!
Ведь взял я во Флоренции векселя,
Которые здесь должен предъявить.

Т р а н и о

Хотел бы я вам оказать услугу...
Мы вот что сделаем: скажите мне,
Бывали в Пизе вы когда-нибудь?

У ч и т е л ь

Бывал, синьор. И знаю, что немало
В том городе достойнейших людей.

Т р а н и о

А вам знаком один из них — Винченцио?

У ч и т е л ь

Мы незнакомы, но о нем я слышал;
Он превосходит всех своим богатством.

Странствующий учитель. Рис. Дж. Джильберта

Т р а н и о

Синьор, он мой отец. Замечу кстати,
Что очень вы похожи друг на друга.

Б ь о н д е л л о
(в сторону)

Ни дать ни взять, как устрица на грушу.

Т р а н и о

Чтоб из беды вас выручить, готов я
Помочь вам ради моего отца.
А ваше поразительное сходство
С Винченцио — немалая удача.
Примите имя и кредит его
И как отец со мною поселитесь.
Смотрите, разыграйте роль получше.
Понятно вам? Живите у меня,
Пока закончите свои дела.
Угодно вам принять мою услугу?

У ч и т е л ь

Приму, синьор, и буду век считать,
Что жизнью и свободой вам обязан.

Т р а н и о

Пойдемте же, сейчас мы все уладим.
Да, между прочим, должен вам заметить,
Здесь ждут приезда моего отца,
Чтоб подтвердил он вдовью часть при браке
Меж мной и дочерью купца Баптисты.
Я объясню вам, как себя вести.
Пойдемте. Вам переодеться надо.

Уходят.

Сцена 3

Комната в доме Петруччо.

Входят К а т а р и н а и Г р у м и о.

Г р у м и о

Нет, нет, клянусь вам жизнью, я не смею.

К а т а р и н а

Чем хуже мне, тем бешенее он.
Женился, чтобы голодом морить?
Когда стучался нищий в наши двери,
И то он подаянье получал
Иль находил в других домах участие.
Но мне просить еще не доводилось,
И не было нужды просить, а ныне
Я голодна, смертельно спать хочу,
А спать мешают бранью, кормят криком,
И самое обидное — что он
Любовью это смеет объяснить,
Как будто, если б я спала и ела,
Болезнь могла грозить мне или смерть.
Достань какой-нибудь еды мне, Грумио;
Не важно что, лишь было бы съедобно.

Г р у м и о

Ну, а телячья ножка, например?

К а т а р и н а

Чудесно; принеси ее скорее!

Г р у м и о

Боюсь, она подействует на печень.
Что скажете о жирной требухе?

К а т а р и н а

Люблю ее; неси, мой милый Грумио.

Г р у м и о

Но, впрочем, вам и это будет вредно.
А может быть, говядина с горчицей?

К а т а р и н а

О, это блюдо я охотно съем.

Г р у м и о

Пожалуй, вас разгорячит горчица.

К а т а р и н а

Ну, принеси мне мясо без горчицы.

Г р у м и о

Нет, так не выйдет. Я подам горчицу,
Иначе вам говядины не будет.

К а т а р и н а

Неси все вместе иль одно — как хочешь.

Г р у м и о

Так, значит, принесу одну горчицу?

К а т а р и н а

Вон убирайся, плут, обманщик, раб!
Меня ты кормишь только списком блюд.
Будь проклят ты с твоею гнусной шайкой,
Что лишь смеется над моей бедой!
Пошел отсюда прочь!

Входят П е т р у ч ч о с блюдом и Г о р т е н з и о.

П е т р у ч ч о

Ну как ты, Кет? Что, душечка, печальна?

Г о р т е н з и о

Как вы живете?

К а т а р и н а

Хуже быть не может.

П е т р у ч ч о

Приободришь, взгляни повеселее.
Смотри-ка, ангел мой, как я заботлив:
Сам приготовил блюдо для тебя.

Уверен, ты внимание оценишь.

(Ставит блюдо на стол)

Как, ты молчишь? Не нравится тебе?
Так, значит, я трудился понапрасну?
Эй, все убрать!

К а т а р и н а

Нет, я прошу, оставьте.

П е т р у ч ч о

А где же благодарность за услугу?
Скажи спасибо перед тем, как есть.

К а т а р и н а

Спасибо вам, синьор.

Г о р т е н з и о

Синьор Петруччо! Как же вам не стыдно?
Прошу к столу, синьора. Сядем вместе.

П е т р у ч ч о

(тихо, к Гортензио)

Гортензио, будь другом. Съешь все сам.

(Громко.)

Ну, кушай на здоровье, дорогая,
Скорее ешь, и мы с тобой вернемся
К отцу и там повеселимся вдоволь.
Мы щегольнем, покажем все обновы,

Наряды, шляпки, бусы, и браслеты,
И кружева, и ленты, веера и рюшки,
И всякие другие безделушки.
Ты все уж съела? Там портной хлопочет:
Твой стан украсить дивным шелком хочет.

В х о д и т п о р т н о й .

А ну, портной, показывай нам платье,
Тащи скорей.

В х о д и т г а л а н т е р е й щ и к .

П е т р у ч ч о

А ты с какой новинкой?

Г а л а н т е р е й щ и к

Вы шапочку заказывали, сударь.

П е т р у ч ч о

Ты на горшке ее утюжил, что ли?
Какая гадость! Бархатная миска!
Фи, фи! Да это просто неприлично!
Ракушка или скорлупа ореха,
Игрушка, финтифлюшка, детский чепчик.
Прочь убери! И сделай-ка побольше.

К а т а р и н а

Не надо мне побольше. Эти в моде.
У всех хороших дам такие точно.

П е т р у ч ч о

Сначала стань хорошей, так получишь;
Не раньше!

Г о р т е н з и о
(в сторону)

Долго ей придется ждать.

К а т а р и н а

Я тоже говорить имею право
И все сейчас скажу; я не ребенок,
Получше люди слушали меня;
А не хотите, так заткните уши;
Уж лучше дать свободу языку
И высказать, что в сердце накопилось.

П е т р у ч ч о

Да, ты права! Негодная шапчонка,
Пирог из шелка, побрякушка, блюдце!—
Тебя люблю еще сильнее за то,
Что эта дрянь не нравится тебе.

К а т а р и н а

Люби иль не люби, а я надену!
Она по вкусу мне, другой не надо.

Галантерейщик уходит.

П е т р у ч ч о

Как наше платье? Покажи, портной.
Помилуй бог! Оно для маскарада?
А это что? Рукав? Да нет, мортира!
Изрезан весь, как яблочный пирог,—
Надрез, прореха, вырез и прорез!
Как будто бы курильница в цирюльне!
Черт побери! Да что ж это такое?

Готрензио
(в сторону)

Ей не видать ни шапочки, ни платья.

П о р т н о й

Вы приказали сшить его красиво
И в соответствии с последней модой.

П е т р у ч ч о

Да, приказал. Но вовсе не велел я
Его испортить по последней моде.
Ступай домой и прыгай через лужи,
Напрыгаешься без моих заказов.
Бери-ка платье! Делай с ним что хочешь.

К а т а р и н а

Но я прелестней не видала платья;
Изящно сшито, похвалы достойно!
Меня вы пугалом одеть хотите?

Петруччо

Вот, вот, он пугалом тебя оденет.

Портной

Не я, а вы, — синьора так сказала.

Петруччо

Ах, грубиян! Ты лжешь, наперсток, нитка!
Ты, ярд, три четверти, нет, четверть дюйма!
Ты, клоп, блоха, сверчок паршивый, вот кто!
Ты смеешь поносить меня, катушка,
Лоскут, тряпье, заплатка? Прочь отсюда,
Не то тебя я разутюжу так,
Что спорить ты отучишься навеки.
Я говорю — ты ей испортил платье!

Портной

Нет, сударь, вы ошиблись. Платье сшито,
Как моему хозяину велели;
Дал Грумио приказ, как надо шить.

Грумио

Материю я дал, а не приказ.

Портной

Но как вы наказали сшить его?

Г р у м и о

Черт побери! Иголкою и ниткой!

П о р т н о й

Но разве вы покрой не указали?

Итальянские женские костюмы XV в.

Г р у м и о. Много ты платьев украсил мишурой?

П о р т н о й. Порядочно.

Г р у м и о. Ну, а меня ты не обмишуришь. Много костюмов отделал? А от меня не отделаешься. И не обмишуришь

и не отделаешься. Вот что я тебе скажу: я велел твоему хозяину покроить платье, но не велел раскроить его на кусочки, — значит, ты врешь.

П о р т н о й. Да вот записка насчет фасона, она вам все докажет.

П е т р у ч ч о. Читай.

Г р у м и о. Записка врет, если там сказано, что я так сказал.

П о р т н о й (*читает*). “Во-первых, свободное платье”.

Г р у м и о. Хозяин, если я когда-нибудь говорил “свободное платье”, — зашейте меня в подол и лупите концом суровой нитки, пока я не протяну ноги.

П е т р у ч ч о. Продолжай.

П о р т н о й (*читает*). “С маленьким закругленным воротником”.

Г р у м и о. Воротничок — я признаю.

П о р т н о й (*читает*). “С пышным рукавом”.

Г р у м и о. Признаю даже два рукава...

П о р т н о й (*читает*). “Изящно вырезанным”.

П е т р у ч ч о. Вот это и пакостно.

Г р у м и о. Ошибка в записке, синьор; ошибка в записке. Я велел, чтобы рукава сначала были вырезаны, а затем опять вшиты. И я тебе это докажу, хоть твой мизинец и вооружен наперстком.

П о р т н о й. Все, что я сказал, правда. Попадись ты мне в другом месте, я бы тебе показал.

Г р у м и о. Я готов хоть сейчас. Бери себе записку, отдавай мне свой ярд и наступай, не щади меня.

Г о р т е н з и о. Помилуй бог, Грумио! Силы-то будут уж очень неравны.

П е т р у ч ч о

Скажу короче: платье не по мне.

Г р у м и о

Да, платье по хозяйке.

П е т р у ч ч о

Подними-ка,
И пользуется пусть хозяин твой.

Г р у м и о. Негодяй, если дорожишь жизнью, не смей поднимать платье моей хозяйки для твоего хозяина.

П е т р у ч ч о. Ты что этим хочешь сказать?

Г р у м и о. Ах, синьор, дело-то ведь посерьезнее, чем вам кажется. Поднять платье моей хозяйки для его хозяина! Фи, стыд, стыд, стыд!

П е т р у ч ч о
(тихо, к Гортензио)

Скажи портному — все ему уплатят. —

(Портному.)

Бери же платье. Вон, без рассуждений!

Г о р т е н з и о
(тихо, портному)

Портной, я завтра уплачу тебе;
Ступай, на брань не обращай вниманья,
Хозяину же передай поклон.

Портной уходит.

П е т р у ч ч о

Что делать, Кет, отправимся к отцу
Мы в этом скромном и обычном платье.
Хоть плох наряд — зато карман набит.
Не платье украшает человека.
Как из-за черных туч блистает солнце,
Так честь сверкает под одеждой бедной.
И разве сойка жаворонка лучше
Лишь потому, что ярче опереньем?
И предпочтем ли мы угрю гадюку
За то, что кожа у нее красивей?
Поверь мне, Кет, и ты не станешь хуже
Из-за простого, будничного платья.
А застыдишься — на меня свали.
Развеселись же. Мы немедля едем
На пир веселый к твоему отцу.
Зови-ка слуг, нам надобно спешить.
Пусть коней подадут к большой аллее;
Отправимся с тобою мы оттуда.

Теперь, наверное, около семи,
И мы как раз к обеду попадем.

К а т а р и н а

Не около семи, а ровно два —
Поспеть мы даже к ужину не сможем.

П е т р у ч ч о

Поеду в семь и ни минутой раньше.
Вот посмотри, ведь ты все время споришь,
Что б ни сказал, ни сделал, ни решил я.
Эй, распрягать! Сегодня не поеду,
А прежде чем я вздумаю поехать,
Часы покажут, сколько я сказал.

Г о р т е н з и о

Он скоро управлять захочет солнцем!

Уходят.

Сцена 4

Падуя. Перед домом Баптисты.

Входят Т р а н и о и учитель, одетый как Винченцио.

Т р а н и о

Вот этот дом; могу я постучать?

У ч и т е л ь

Конечно. Может быть, синьор Баптиста
Меня припомнит. Коль не ошибаюсь,
Мы в Генуе, в гостинице “Пегас”,
Тому лет двадцать вместе проживали.

Т р а н и о

Ну, очень хорошо. Но вы держитесь
С достоинством, как надлежит отцу.
Не беспокойтесь.

Входит Б ь о н д е л л о.

У ч и т е л ь

Вот и ваш слуга;
Его предупредить бы не мешало.

Т р а н и о

Не бойтесь за него. — Вот что, Бьонделло,
Советую тебе не сплеховать:
Запомни — пред тобой синьор Винченцио.

Б ь о н д е л л о

Да уж не сомневайтесь.

Т р а н и о

Ты передал мои слова Баптисте?

Бьонделло

Сказал ему, что ваш отец в Венеции,
Что в Падую его сегодня ждете.

Т р а н и о

Ты молодец; возьми-ка вот и выпей. —
Идет Баптиста! Ну, смелей, синьор!

Входят Баптиста и Люченцио.

Синьор Баптиста, — очень рад вас видеть.
Вот тот синьор, о ком я говорил.
Теперь прошу вас, будьте мне отцом
И вашу дочь в наследство мне отдайте.

У ч и т е л ь

Постой, мой милый сын.
Я прибыл в Падую, синьор Баптиста,
Взыскать долги, а тут мой сын Люченцио
Признался мне, что он и ваша дочь
Друг друга нежно любят. Так как я
Хорошего слыхал о вас немало,
А дети наши влюблены друг в друга,
То, не желая мучить долго сына,
Как любящий отец, я согласился
На этот брак. Когда и вы согласны,
То, без сомненья, мы договоримся,
И вы увидите, что я готов

Ее, как вам угодно, обеспечить.
Хитрить мне не к чему, синьор Баптиста,
Вы человек, достойный уваженья.

Б а п т и с т а

Синьор, простить прошу мои слова.
Мне ваша откровенность по душе.
Да, совершенно верно, ваш Люченцио
И дочь моя друг друга любят, если
Они не притворяются искусно.
Поэтому, коль вы, без лишних слов,
Поступите, как надлежит отцу,
И согласитесь закрепить за Бьянкой
Достаточную вдовью часть наследства,
То свадьбе быть, и дело решено, —
Ваш сын получит в жены дочь мою.

Т р а н и о

Благодарю, синьор. А где, скажите
Удобней будет заключить контракт
И обязательствами обменяться?

Б а п т и с т а

Не у меня. Вы знаете, Люченцио,
У стен есть уши, в доме много слуг,
И вечно Гремιο вокруг шныряет,
В любой момент нам могут помешать.

Т р а н и о

Тогда прошу пожаловать ко мне;
Отец живет со мной, и мы сегодня
Покончим дело тихо и спокойно.
Скорей пошлите Камбио за дочкой,
А я натарису приглашу.
Мне только жаль, что времени не хватит
Получше угощение приготовить.

Б а п т и с т а

Отлично! — Камбио, живей домой;
Пусть наготове будет дочь моя.
Ей можно рассказать, что здесь случилось, —
Приехал, мол, сюда отец Люченцио,
И брак ее с Люченцио решен.

Б ь о н д е л л о

Молю богов, чтоб так оно и вышло.

Т р а н и о

Брось думать о богах. Беги скорее! —

Б ь о н д е л л о уходит.

Прошу, синьор Баптиста. К сожаленью,
Могу вам предложить одно лишь блюдо;
Уж извините. В Пизе наворачаем.

Б а п т и с т а

Я следую за вами.

Т р а н и о, учитель и Баптиста уходят.

Возвращается Бьонделло.

Б ь о н д е л л о

Ну, Камбио?

Л ю ч е н ц и о

Что скажешь мне, Бьонделло?

Б ь о н д е л л о

Как Транио подмигивал, видали?

Л ю ч е н ц и о

Что ж из того, Бьонделло?

Б ь о н д е л л о. Ровно ничего; но он оставил меня здесь, чтобы объяснить вам смысл его кивков и подмигиваний.

Л ю ч е н ц и о. Прошу тебя, объясни.

Б ь о н д е л л о. Дело обстоит так. Баптиста не опасен, он сейчас разговаривает с поддельным отцом поддельного сына.

Л ю ч е н ц и о. Ну и что же?

Б ь о н д е л л о. Вы должны привести его дочь к ужину.

Л ю ч е н ц и о. А потом?

Б ь о н д е л л о. Старый священник из церкви святого Луки в любой час готов к вашим услугам.

Л ю ч е н ц и о. Что же из этого?

Б ъ о н д е л л о. Не знаю. Только, пока они там возятся с подложным обеспечением, обеспечьте ее за собой cum privilegio ad imprimendum solum¹ Спешите в церковь, да захватите с собой священника, причетника и нескольких честных свидетелей.

А если вы не к этому стремитесь, —
Молчу тогда. Но Бьянки вы лишитесь.

Л ю ч е н ц и о. Но послушай, Бьонделло...

Б ъ о н д е л л о. Мне некогда. Я знал одну девушку, которая успела обвенчаться в полдень, когда бегала на огород за петрушкой для начинки кролика. Так же можете сделать и вы, синьор; а засим до свиданья. Мой хозяин приказал мне отправиться в церковь святого Луки и сказать, чтобы священник был готов принять вас, когда вы появитесь со своим довеском.

(Уходит.)

Л ю ч е н ц и о

Хочу, могу, была б она согласна.
Да нет, она захочет — прочь сомненья!
Ну, будь что будет! Побегу скорей,
И горе мне, коль не вернусь я с ней.

(Уходит.)

1 С исключительным правом печатания. (Лат.)

Сцена 5

Проезжая дорога

Входят Петруччо, Катарина, Гортензио и слуги.

Петруччо

Скорей, скорей, скорей — спешим к отцу!
О боже, как луна сияет ярко!

Катарина

“Луна!” Да это солнце! — Ночь далеко.

Петруччо

А я сказал — луна сияет ярко.

Катарина

Я говорю, что солнце светит.

Петруччо

Клянусь я сыном матери родной,
Короче говоря, самим собою,
Светить мне будет то, что я назвал, —
Луна, звезда, — иначе не поеду.—
Эй, поворачивайте лошадей!
Все спорит, спорит, только бы ей спорить!

Гортензио
(Катарине)

Не спорьте с ним, а то мы не доедем.

К а т а р и н а

Прошу, поедem, раз уж мы в пути,
Ну пусть луна, пусть солнце — что хотите;
А назовете свечкою, клянусь,
Что это тем же будет для меня.

П е т р у ч ч о

Я говорю: луна.

К а т а р и н а

Луна, конечно.

П е т р у ч ч о

Нет, солнце благодатное. Ты лжешь.

К а т а р и н а

Ну ясно, солнце, — божья благодать!
А скажите: не солнце, — значит, нет.
Подобны вы изменчивой луне,
Но, как бы ни назвали, — так и есть
И так всегда для Катаринины будет.

Г о т е н з и о

Ты выиграл сражение, Петруччо.

П е т р у ч ч о

Вперед, вперед! Катиться должен шар

По склону вниз, а не взбираться в гору.
Но тише! Кто-то к нам сюда идет. —

Входит Винченцио.

Петруччо

Синьора, добрый день! Куда спешите? —
Кет, милая, по совести скажи,
Не правда ли, прелестная девица?
Румянец щечек спорит с белезной!
Какие звезды озаряют небо
Такою красотой, как эти глазки,
Ее прелестнейший и юный лик?
Еще раз добрый день, моя синьора!
Кет, поцелуй красотку молодую.

Гортензио

С ума сойдет старик от этих шуток.

Катарина

Привет прекрасной, нежной, юной деве!
Куда идешь ты? Где твоя обитель?
Как счастливы родители, имея
Такое дивное дитя! Счастливец
Тот, кто, веленьем благосклонных звезд,
Тебя женою назовет своей.

Петруччо

Опомнись, Кет! В своем ли ты уме?

Ведь это же мужчина, дряхлый старец,
А вовсе не прелесная девица.

К а т а р и н а

Достойнейший отец, прости ошибку.
Глаза мои так ослепило солнцем,
Что до сих пор все кажется зеленым.
Теперь я вижу — ты почтенный старец.
Прости мне эту глупую оплошность.

П е т р у ч ч о

Прости ее, синьор мой, и скажи,
Куда идешь? Быть может, по пути, —
Тогда тебе компанию составим.

В и н ч е н ц и о

Синьор, и вы, синьора озорница,
Ошеломившая меня приветом, —
Из Пизы я. Зовут меня Винченцио.
Приехал в Падую проведать сына,
Которого давно уже не видел.

П е т р у ч ч о

Как звать его?

В и н ч е н ц и о

Люченцио, синьор.

П е т р у ч ч о

Вот кстати — и для нас и для него.
Теперь тебя могу назвать отцом
Не только по годам, но и по праву:
С сестрой моей жены — синьоры этой —
Твой сын уже, наверно, обвенчался.
Но ты не удивляйся, не сердись,
Она известна скромным поведением,
Богата, дочь родителей почтенных
И образованна, как подобает
Жене любого знатного синьора.
Дай обниму тебя, синьор Винченцио,
Все вместе мы отправимся к Люченцио.
Твой сын достойный будет очень рад.

В и н ч е н ц и о

Но правда ль это? Или пошутили,
Как часто путешественники шутят
Над теми, кто встречается в пути?

Г о р т е н з и о

Нет, нет, отец, поверь, все это правда.

П е т р у ч ч о

Поедем с нами, убедишься сам.
Ты, видно, нам не веришь после шутки.

Уходят все, кроме Гортензио.

Г о р т е н з и о

Ну друг Петруччо, ты мне придал духу,
Зазнается вдова моя не в меру, —
С ней поступлю по твоему примеру.

(Уходит.)

АКТ V

Сцена 1

Падуа. Перед домом Люченцио.

Входят сначала Г р е м и о, который становится
в глубине сцены, затем Б ь о н д е л л о, Л ю ч е н ц и о
и Б ь я н к а.

Б ь о н д е л л о. Потихе и побыстрей, синьор; священ-
ник уже готов.

Л ю ч е н ц и о. Лечу, Бьонделло. Но ты можешь им по-
надобиться дома; оставь нас.

Б ь о н д е л л о. Нет, я раньше присмотрю за тем, чтобы
вы вошли в церковь, а уж потом во всю прыть пущусь к
хозяйскому дому.

Люченцио, Бьянка и Бьонделло уходят.

Г р е м и о

Как странно! Камбио все нет и нет.

Входят П е т р у ч ч о, К а т а р и н а, В и н ч е н ц и о,
Г р у м и о и слуги.

П е т р у ч ч о

Здесь дом Люченцио, синьор; вот двери.
Мой тесть живет немного ближе к рынку,
Спешу к нему. Я должен вас оставить.

В и н ч е н ц и о

Нет, нет, нам с вами надо прежде выпить;
Я думаю, что здесь могу принять вас,
И угощенье, верно уж, найдется.

(Стучит.)

Г р е м и о

Они там заняты; стучите громче.

Учитель выглядывает из окна.

У ч и т е л ь. Кто это там стучит, как будто собирается выломать дверь?

В и н ч е н ц и о. Дома ли синьор Люченцио?

У ч и т е л ь. Он дома, синьор, но сейчас не сможет разговаривать с вами.

В и н ч е н ц и о. Ну, а если я принес ему сотни две фунтов на забавы?

У ч и т е л ь. Можете их оставить при себе; он ни в чем не будет нуждаться, пока я жив.

П е т р у ч ч о. Ну, не говорил ли я вам, что вашего сына очень полюбили в Падуе? — Послушайте, синьор, шутки в сторону, — скажите, пожалуйста, синьору Люченцио, что его отец приехал из Пизы и хочет поговорить с ним.

У ч и т е л ь. Ты лжешь; его отец приехал из Пизы и глядит на вас из окна.

В и н ч е н ц и о. Это ты его отец?

У ч и т е л ь. Да, синьор. Так утверждает его мать, если ей можно верить.

П е т р у ч ч о (к Винченцио). Что вы теперь скажете, синьор? Ну, знаете, нет хуже надувательства, чем присваивать себе чужое имя.

У ч и т е л ь. Держите этого негодяя; он, верно, хочет надуть здесь кого-нибудь, прикрываясь моим именем.

Возвращается Б ь о н д е л л о.

Б ь о н д е л л о. Я оставил их вдвоем в церкви. Пошли им бог счастливого плавания! — Но кто это здесь? Мой старый хозяин Винченцио! Теперь мы пропали, конец всему!

В и н ч е н ц и о (заметив Бьонделло). Пойди сюда, разбойник!

Б ь о н д е л л о. А это уж как мне захочется, синьор.

В и н ч е н ц и о. Иди сюда, мерзавец! Ты что же, забыл меня?

Б ь о н д е л л о. Забыл вас? Нет, синьор. Я никак не мог забыть вас, потому что ни разу в жизни вас не видел.

В и н ч е н ц и о. Ты что же это, мерзкий негодяй, ни разу в жизни не видел Винченцио, отца твоего хозяина?

Б ь о н д е л л о. Моего старого, достойнейшего хозяина? Ну еще бы, синьор, конечно, видел; да вот он, сморит из окна.

В и н ч е н ц и о (бьет его). В самом деле?

Б ь о н д е л л о. Спасите, спасите, спасите! Тут какой-то сумашедший хочет убить меня! *(Убегает.)*

У ч и т е л ь. На помощь, сын мой! На помощь, синьор Баптиста! *(Отходит от окна.)*

П е т р у ч ч о. Отойдем-ка в сторону, Кет, и посмотрим, чем кончится эта кутерьма. *(Отходит в сторону.)*

Учитель, Транио, Баптиста и слуга выходят на улицу.

Т р а н и о. Кто вы такой, синьор, что осмеливаетесь бить моего слугу?

В и н ч е н ц и о. Кто я такой, синьор? Нет, кто такой вы, синьор? О бессмертные боги! Мерзкий плут! Шелковый колет! Бархатные штаны! Алый плащ! Остроконечная шляпа! О, я разорен, я разорен! В то время как я дома радею о хозяйстве, мой сын и слуга все проматывают в университете.

Т р а н и о. Что такое? В чем дело?

Б а п т и с т а. Спятил он, что ли?

Т р а н и о. Синьор, по виду вас можно принять за почтенного пожилого человека, но разговариваете вы, как сумашедший. Какое вам дело до того, что я ношу золото и жемчуг? Благодаря моему доброму отцу я могу себе позволить это.

В и н ч е н ц и о. Твоему отцу! Ах ты, мошенник! Твой отец изготавливает паруса в Бергамо.

Б а п т и с т а. Вы ошибаетесь, синьор, вы ошибаетесь. Ну, как его имя, по-вашему?

В и н ч е н ц и о. Его имя! Еще бы мне не знать его имени. Я воспитываю его с трехлетнего возраста. Его имя — Транио.

У ч и т е л ь. Убирайся, убирайся отсюда, безмозглый осел! Его имя — Люченцио; он единственный сын и наследник всех моих земель, земель синьора Винченцио!

В и н ч е н ц и о. Люченцио! Значит, он убил своего господина! Держите его! Приказываю вам именем герцога, держите! О сын мой, сын мой! Отвечай мне, негодяй, где мой сын Люченцио?

Т р а н и о. Позовите сюда стражу.

Входят стражники.

Т р а н и о. Отправьте этого безумца в тюрьму. Отец Баптиста, прошу вас, последите, чтобы его отвели туда.

В и н ч е н ц и о. Отправить меня в тюрьму!

Г р е м и о. Стой, стража! Он не пойдет в тюрьму!

Б а п т и с т а. Замолчите, синьор Гремियो; я говорю вам, что он пойдет в тюрьму.

Г р е м и о. Берегитесь, синьор Баптиста, чтобы вас не впутали в это темное дело. Я готов поклясться, что это настоящий синьор Винченцио.

У ч и т е л ь. Присягни, если смеешь!

Г р е м и о. Нет, присягнуть я не смею.

Т р а н и о. Вы бы еще сказали, что я не Люченцио.

Г р е м и о. Я знаю, что вы синьор Люченцио.

Б а п т и с т а. Уберите обманщика! В тюрьму его!

В и н ч е н ц и о. Так вот как вы оскорбляете чужестранцев, чудовищный негодяй!

Входят **Б ъ о н д е л л о**, **Л ю ч е н ц и о** и **Б њ я н к а**.

Б ъ о н д е л л о. Мы погибли! Вот, вот он. Отказывайтесь от него, отрекайтесь от него — или мы все пропали.

Л ю ч е н ц и о

Прости, отец.

В и н ч е н ц и о

Ты жив, мой милый сын!

Б ъ о н д е л л о, **Т р а н и о** и учитель поспешно убегают.

Б њ я н к а

Прости, отец.

Б а п т и с т а

А ты в чем виновата?

И где **Л ю ч е н ц и о**?

Л ю ч е н ц и о

Вот он, **Л ю ч е н ц и о**,
Неложный сын неложного **В и н ч е н ц и о**.
Пока вы с мнимым спорили отцом,
Мы с **Б њ я н к о ю** стояли под венцом.

Г р е м и о

Здесь заговор, нас провести хотят.

В и н ч е н ц и о

Где этот Транио, мошенник, шут,
Который так бесстыдно врал мне тут?

Б а п т и с т а

Постойте! Да ведь это же мой Камбио.

Б ь я н к а

Ваш Камбио в Люченцио превратился.

Л ю ч е н ц и о

Любовь свершила чудо. Из-за Бьянки
Я поменялся с Транио местами.
Он в городе изображал меня,
А я тем временем счастливо прибыл
К давно желанной гавани блаженства. —
Все делал он по моему приказу;
Прошу тебя, отец, прости его.

В и н ч е н ц и о. Я расквашу нос этому негодяю, который собирался засадить меня в тюрьму!

Б а п т и с т а (к Люченцио). Послушайте, синьор, вы женились на моей дочери, не спросив моего согласия!

В и н ч е н ц и о. Не беспокойтесь, Баптиста; мы договоримся, поверьте. Однако я пойду и рассчитаюсь за такую наглость. (Уходит.)

Б а п т и с т а. А я пойду и докопаюсь до глубины их надувательства. (Уходит.)

Л ю ч е н ц и о (Бьянке). Не бойся, твой отец не будет на нас долго сердиться.

Г р е м и о

Не спекся мой пирог, но все ж пойду;
Хоть на пиру я душу отведу.

(Уходит.)

Вперед выходят П е т р у ч ч о и К а т а р и н а.

К а т а р и н а. Муженек, пойдем за ними, поглядим, чем кончится вся эта история.

П е т р у ч ч о. Раньше поцелуй меня, Кет, и пойдем.

К а т а р и н а. Как, прямо на улице?

П е т р у ч ч о. Как, ты стыдишься меня?

К а т а р и н а. Боже упаси, синьор; я стыжусь целоваться.

П е т р у ч ч о

Ах так? Тогда немедленно домой!

К а т а р и н а

Нет, стой! Я поцелую, милый мой.

П е т р у ч ч о

Ну вот и хорошо! Согласна, да?

Уж лучше поздно, Кет, чем никогда.

Уходят.

Сцена 2

Падуа. Комната в доме Люченцио.

Входят Баптиста, Винченцио, Греммо, учитель,
Люченцио, Бьянка, Петруччо, Катарина,
Гортензио и вдова, Транио, Бьонделло и
Груммо. Груммо и слуги вносят угощение.

Люченцио

Ну, наконец все споры позади,
И мы пришли к желанному согласью.
Война окончена, настало время
Над страхами былыми посмеяться. —
Проси же, Бьянка, моего отца,
Я ж твоего с почтеньем приглашу. —
Сестрица Катарина, брат Петруччо,
Гортензио с женой своею милой,
Пируйте. Рад вас видеть у себя.
Сейчас нам подадут вино и сласти.
Садитесь, я прошу. Мы можем здесь
Беседовать и продолжать наш пир.

Садятся за стол.

Петруччо

Вот так все и сиди, сиди да ешь.

Баптиста

Добром встречают в Падуе всегда.

П е т р у ч ч о

Да, в Падуе мы доброе нашли.

Г о р т е н з и о

Хотел бы я для нас двоих того же.

П е т р у ч ч о

Клянусь, Гортензио в страхе за вдову.

В д о в а

Страх на меня нагнать вам не удастся.

П е т р у ч ч о

Смышлены вы, а смысла не постигли.
Хочу сказать: он страх как вас боится.

В д о в а

Кружится мир у пьяного в глазах.

П е т р у ч ч о

Кругло отвечено.

К а т а р и н а
(вдове)

Как вас понять?

В д о в а

Поймала я его!

Петруччо

Меня поймала! — Ты слышал, Гортензио?

Гортензио

Поймала смысл твоих речей она.

Петруччо

Сумел поправить!

(Вдове.)

Поцелуйте мужа.

Катарина

“Кружится мир у пьяного в глазах”...
Так что же этим вы сказать хотели?

Вдова

Ваш муж, с женой строптивою измучась,
И моему пророчит ту же участь.
Понятна стала мысль моя теперь?

Катарина

Дрянная мысль.

Вдова

Я думала о вас.

К а т а р и н а

Да, знаясь с вами, я была бы дрянью.

П е т р у ч ч о

А ну, задай ей, Кет!

Г о р т е н з и о

А ну, вдова!

Эскизы В.Каульбаха к "Укрощению строптивой"

П е т р у ч ч о

Готов поспорить, Кет ее положит.

Г о р т е н з и о

Нет, это уж обязанность моя.

П е т р у ч ч о

Прекрасно сказано! Твое здоровье!

(Чокается с Гортензио.)

Б а п т и с т а

(к Гремю)

Что скажите об этих остроумцах?

Г р е м и о

Они бодаются, синьор, отлично.

Б ь я н к а

Бодаются! Ну как здесь не состричь,
Что зуд во лбу рога вам предвещает?

В и н ч е н ц и о

А, молодая! Вот вы и проснулись!

Б ь я н к а

Не беспокойтесь, я усну опять.

П е т р у ч ч о

Ну нет! Вы сами начали острить, —
Стрельнем и в вас мы парочкой острот.

Б ь я н к а

Что я вам — птица? Ну, так упорхну!
Попробуйте преследовать меня.
Счастливо оставаться вам, синьоры.

Бьянка, Катарина и вдова уходят.

П е т р у ч ч о

Не удался мой выстрел. В эту птичку
Вы метили, да не попали, Транио.
Так выпьем же за тех, кто промахнулся!

Т р а н и о

Я спущен был как гончая, синьор:
Что изловил — хозяину принес.

П е т р у ч ч о

Недурно, хоть сравнение собачье.

Т р а н и о

Но вы-то лань травили для себя,
А вас она, слышать, не подпускает.

Б а п т и с т а

Ого, Петруччо! Это выстрел в цель.

Л ю ч е н ц и о

Ну, Транио, за остроту спасибо!

Г о р т е н з и о

Сознайтесь же, он ловко в вас попал!

П е т р у ч ч о

Задел меня немножко, признаюсь,
Но тотчас же насмешка отскочила
И вас пронзила, бьюсь я об заклад.

Б а п т и с т а

Увы, как мне ни жаль, сынок Петруччо,
Твоя жена строптивей, чем у всех.

П е т р у ч ч о

Нет, говорю, — и докажу немедля.
Пошлите каждый за своей женой;
Тот, чья жена окажется послушней
И прибежит по первому же зову, —
Пускай возьмет заклад, что мы поставим.

Г о р т е н з и о

Согласен. Сколько ставим?

Л ю ч е н ц и о

Двадцать крон.

П е т р у ч ч о

Как, двадцать крон?
На лошадь, на собаку столько ставлю,
А на жену раз в двадцать надо больше.

Л ю ч е н ц и о

Ну, сто тогда.

Г о р т е н з и о

Согласен.

П е т р у ч ч о

Решено.

Г о р т е н з и о

Кто начинает?

Л ю ч е н ц и о

Я. — Иди, Бьонделло,
Скажи хозяйке — пусть придет сюда.

Б ь о н д е л л о

Иду.

(Уходит.)

Б а п т и с т а
(к Люченцио)

За Бьянку половинщик я, сынок.

Л ю ч е н ц и о

Нет, нет, зачем? Поставлю я один.

Возвращается Б ъ о н д е л л о.

Ну что?

Б ъ о н д е л л о

Синьор, хозяйка говорит,
Что занята, прийти никак не может.

П е т р у ч ч о

Ах, занята? Прийти никак не может?
Вот так ответ!

Г р е м и о

Еще весьма любезный,
Дай бог, чтоб вы не получили худший.

П е т р у ч ч о

Надеюсь я на лучший.

Г о р т е н з и о

Эй, Бьонделло,
Ступай и попроси мою жену
Прийти ко мне.

Загородный итальянский дом в предместьях Падуи

Б ь о н д е л л о уходит.

П е т р у ч ч о

Ах, вот как! Попроси!
Ну, отказать не сможет.

Г о р т е н з и о

Я боюсь,
Что вашу упросить вам не удастся.

Возвращается Б ъ о н д е л л о.

А где моя жена?

Б ъ о н д е л л о

Ответила, что вам шутить угодно,
И не придет. Велит вам к ней идти.

П е т р у ч ч о

Еще не легче! Не придет! Видали?
Нельзя стерпеть! Невероятно! Дерзко!
Эй, Грумио, иди к своей хозяйке
И передай, что я велю прийти.

Г р у м и о уходит.

Г о р т е н з и о

Ответит просто.

П е т р у ч ч о

Как же?

Г о р т е н з и о

“Не приду”.

П е т р у ч ч о

Ну что ж, тем хуже для меня — и все.

Б а п т и с т а

Помилуй бог! Смотрите! Катарина!

Входит К а т а р и н а.

К а т а р и н а

Синьор, меня вы звали? Что угодно?

П е т р у ч ч о

А где жена Гортензио и Бьянка?

К а т а р и н а

Болтают там в гостиной, у камина.

П е т р у ч ч о

Тащи-ка их сюда. А не пойдут —
Пинками их гони без церемоний!
Ступай, я говорю, и приведи их.

Катарина уходит.

Л ю ч е н ц и о

Коль чудеса бывают — это чудо!

Г о р т е н з и о

Да, чудо. Только что оно сулит?

П е т р у ч ч о

Сулит оно любовь, покой и радость,
Власть твердую, разумную покорность,
Ну, словом, то, что называют счастьем.

Б а п т и с т а

Так будь же счастлив, милый мой Петруччо.
Ты выиграл. А я тебе прибавлю
К их проигрышу — двадцать тысяч крон.
Другая дочь — приданое другое!
Совсем переменялась Катарина.

П е т р у ч ч о

Я свой заклад еще верней возьму
И покажу вам, как она послушна,
Какою стала кроткой и любезной.
Вот ваших дерзких жен ведет она,
В плен взяв их женской силой убежденья.

Возвращается К а т а р и н а с Б ь я н к о й и в д о в о й.

П е т р у ч ч о

Кет, шапочка ведь не к лицу тебе:
Скинь эту гадость, на пол брось сейчас же.

Катарина снимает шапочку и бросает ее на пол.

В д о в а

Дай бог мне в жизни горестей не знать,
Пока такой же душой я не стану!

Б ь я н к а

Такое поведение просто глупо.

Л ю ч е н ц и о

Вот бы и вам вести себя так глупо,
А то на вашем мудром поведении
Я сотню крон сегодня потерял.

Б ь я н к а

Так ты ведешь себя еще глупее,
Коль ставишь деньги на мою покорность.

П е т р у ч ч о

Кет, объясни строптивым этим женам,
Как следует мужьям повиноваться.

В д о в а

Вы шутите? К чему нам наставленья?

П е т р у ч ч о

Смелее, Кет! С нее и начинай.

В д о в а

Не будет этого!

П е т р у ч ч о

Нет, будет, говорю! С вас и начнет.

К а т а р и н а

Фи, стыдно! Ну, не хмурь сурово брови
И не пытайся ранить злобным взглядом
Супруга твоего и господина.
Гнев губит красоту твою, как холод —
Луга зеленые; уносит славу,
Как ветер почки. Никогда, нигде
И никому твой гнев не будет мил.
Ведь в раздраженье женщина подобна
Источнику, когда он взбаламучен
И чистоты лишен, и красоты.
Никто и капли из него не выпьет,
Как ни был бы он жаждою томим.
Муж — повелитель твой, защитник, жизнь,
Глава твоя. В заботах о тебе
Он трудится на суше и на море,
Не спит ночами в шторм, выносит стужу,
Пока ты дома нежишься в тепле,
Опасностей не зная и лишений.
А от тебя он хочет лишь любви,
Приветливого взгляда, послушанья —
Ничтожной платы за его труды.
Как подданный обязан государю,

Так женщина — супругу своему.
Когда ж она строптива, зла, упряма
И не покорна честной воле мужа, —
Ну чем она не дерзостный мятежник,
Предатель властелина своего?
За вашу глупость женскую мне стыдно!
Вы там войну ведете, где должны,
Склонив колени, умолять о мире;
И властвовать хотите вы надменно
Там, где должны прислуживать смиренно.
Не для того ль так нежны мы и слабы,
Неприспособлены к невзгодам жизни,
Чтоб с нашим телом мысли и деянья
Сливались в гармоничном сочетанье.
Ничтожные, бессильные вы черви!
И я была заносчивой, как вы,
Строптивою и разумом и сердцем.
Я отвечала резкостью на резкость,
На слово — словом; но теперь я вижу,
Что не копьем — соломинкой мы бьемся,
И только слабостью своей сильны.
Чужую роль играть мы не должны.
Умерьте гнев! Что толку в спеси вздорной?
К ногам мужей склонитесь вы покорно;
И пусть супруг мой скажет только слово,
Свой долг пред ним я выполнить готова.

П е т р у ч ч о

Ай да жена! Кет, поцелуй! Вот так!

Л ю ч е н ц и о

Да, старина, твой счастлив будет брак.

В и н ч е н ц и о

Нам послушание детей — отрада.

Л ю ч е н ц и о

Зато строптивость женщин хуже ада.

П е т р у ч ч о

Кет, милая, в постель нам не пора ли?
Ну что ж, друзья, вы оба проиграли.
Хоть мне никто удачи не пророчил,
Моя взяла! Желаю доброй ночи!

П е т р у ч ч о и К а т а р и н а уходят.

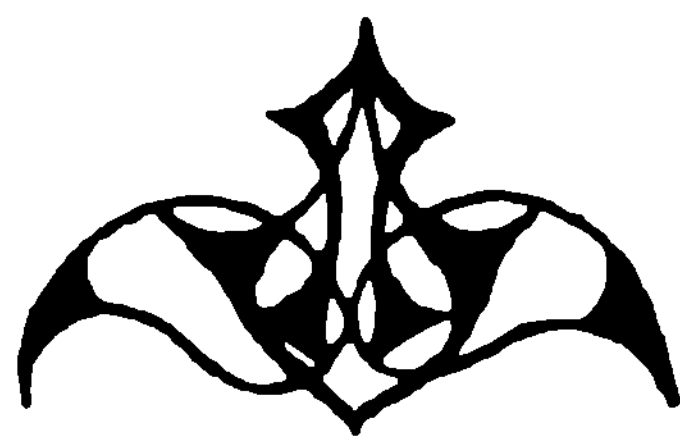
Г о р т е н з и о

Строптивая смирилась — поздравляю.

Л ю ч е н ц и о

Но как она сдалась — не понимаю!

Уходят.

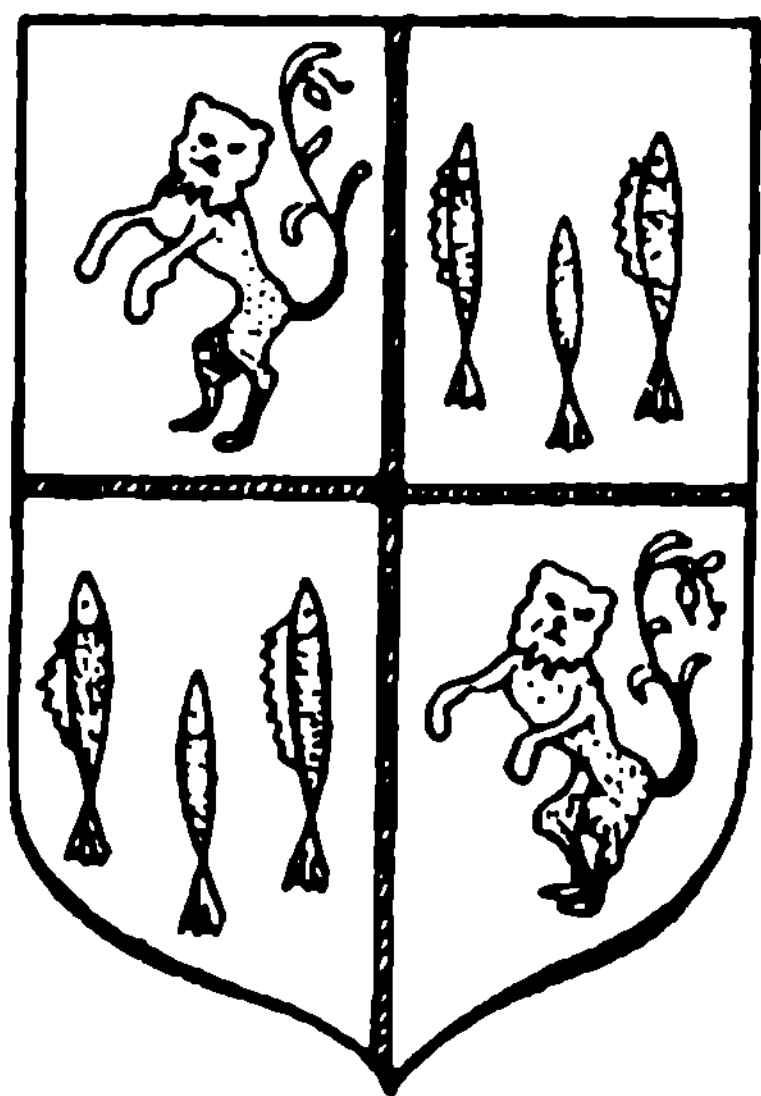
ШЕКСПИР

Бесплодные усилия любви

комедия в V актах

Перевод Ю. Корнеева

Действующие лица

Фердинанд, король Наварры.

Бирон

Лонгвиль

Дюмен

Бойе

Меркад

приближенные короля.

приближенные

французской принцессы.

Дон Адриано де Армадо, чудака испанец.

Отец Натаниэль, священник.

Олоферн, школьный учитель.

Тупица, констебль.

Башка, шут.

Мотылек, паж Армадо.

Лесничий.

Французская принцесса.

Розалина

Мария

Катерина

придворные дамы принцессы.

Жакнета, деревенская девушка.

Вельможи, слуги и другие.

Место действия — Наварра.

АКТ I

Сцена 1

Парк вокруг дворца короля Наварры.

**Входят Ф е р д и н а н д, король Наварры, Б и р о н, Л о н г в и л ь
и Д ю м е н.**

К о р о л ь

Пусть будет слава, наша цель при жизни,
В надгробьях наших жить, давая нам
Благообразие в безобразье смерти.
У времени прожорливого можно
Купить ценой усилий долгих честь,
Которая косу его притупит
И даст нам вечность целую в удел.
Поэтому, воители, — я вам
Такое имя дал за то, что вы
Войну ведете с вашими страстями
И с полчищами помыслов мирских, —
Да сохранит указ последний силу.
Наварра наша станет чудом мира,

Двор — малой академией, где будем
Мы созерцанью мирно предаваться.
Вы поклялись, Бирон, Дюмен, Лонгвиль,
Втроем три года провести со мною
В трудах ученых и всегда блюсти
Устав, на этот свиток нанесенный.
Скрепите ж подписями ваш обет,
Чтоб был лишен своей рукою чести
Тот, кто хотя б на миг его нарушит.
Итак, когда в душе решимость есть,
Поставьте ваши имена вот здесь.

Л о н г в и л ь

Я соглашаюсь на трехлетний пост:
Пирует ум, когда худеет тело,
А тот, кто чрево жадно насыщает,
Тучнея плотью, разумом нищает.

Д ю м е н

Мой государь, Дюмен себя смирил
И низменным рабам мирских забав
Оставил низость суеты мирской.
Теперь я мертв для радостей земных —
Мне философия заменит их.

Б и р о н

Мой государь, лишь в том, в чем прежде клялся,
Я к этим заверениям примкну.

Титульная рамка художника Жана Лемана

Я клялся вам в ученье быть три года,
А тут немало есть иных обетов —
Ну, скажем, женщин избегать три года.
Ужель и этот пункт включен в устав?
Затем: в неделю раз без пищи жить
И есть шесть прочих дней по разу в день.
Ужель и этот пункт вошел в устав?
Потом: спать ночью только три часа,
Глаз не смыкая днем ни на минуту
(А я приучен крепко спать всю ночь
И к ночи добавлять еще полдня).
Ужель и этот пункт внесен в устав?
Не спать, не видеть женщин
и поститься —
Мне с этим слишком трудно примириться.

К о р о л ь

Но все сносить вы принесли обет.

Б и р о н

Осмелюсь, государь, ответить “нет!”
Я клялся лишь делить ученье с вами,
Пожертвовав ему тремя годами.

Л о н г в и л ь

Одно неотделимо от другого.

Б и р о н

О, если так, то в шутку дал я слово.
В чем цель ученья — мне узнать нельзя ли?

К о р о л ь

Знать то, чего мы до сих пор не знали.

Б и р о н

И то, что ум обычный не поймет?

К о р о л ь

Да, уж таков ученья дивный плод.

Б и р о н

Тогда клянусь усердно изучать
Все, что устав мне запрещает знать:
Ну, например, — как пообедать сладко,
Когда поститься все принуждены;
Как с милою увидеться украдкой,
Когда от женщин мы удалены;
Как тягостную клятву обойти
И все же верность слову соблюсти.
Вот если смысл трехлетнего ученья
В том, чтоб мне дать такие наставленья,
Я принесу обет без промедленья.

К о р о л ь

Пусты все эти плотские утехы,
Чинящие учению помехи!

Б и р о н

Они пусты, и все ж пустей куда —
Трудиться ради одного труда.
Чтоб правды свет найти, иной корпит
Над книгами, меж тем как правда эта
Глаза ему сиянием слепит.
Свет, алча света, свет крадет у света.
Пока отыщешь свет во мраке лет,
В твоих очах уже померкнет свет.
Нет, научись, как услаждать свой взгляд.
Его в глаза прелестные вперяя,
Которые твои зрачки слепят,
Их тут же снова светом озаряя.
Наука — словно солнце. Дерзкий взор
Теряется в ее небесных тайнах.
В ней книгоед находит лишь набор
Заемных истин и цитат случайных.
Хоть астрономы, крестные светил,
Открыв звезду, ей имя нарекают,
Но звезды и для тех, кто их крестил,
Не ярче, чем для неучей, сверкают.
Лишь имена, все зная, будешь-знать,
А их вещам мы все вольны давать.

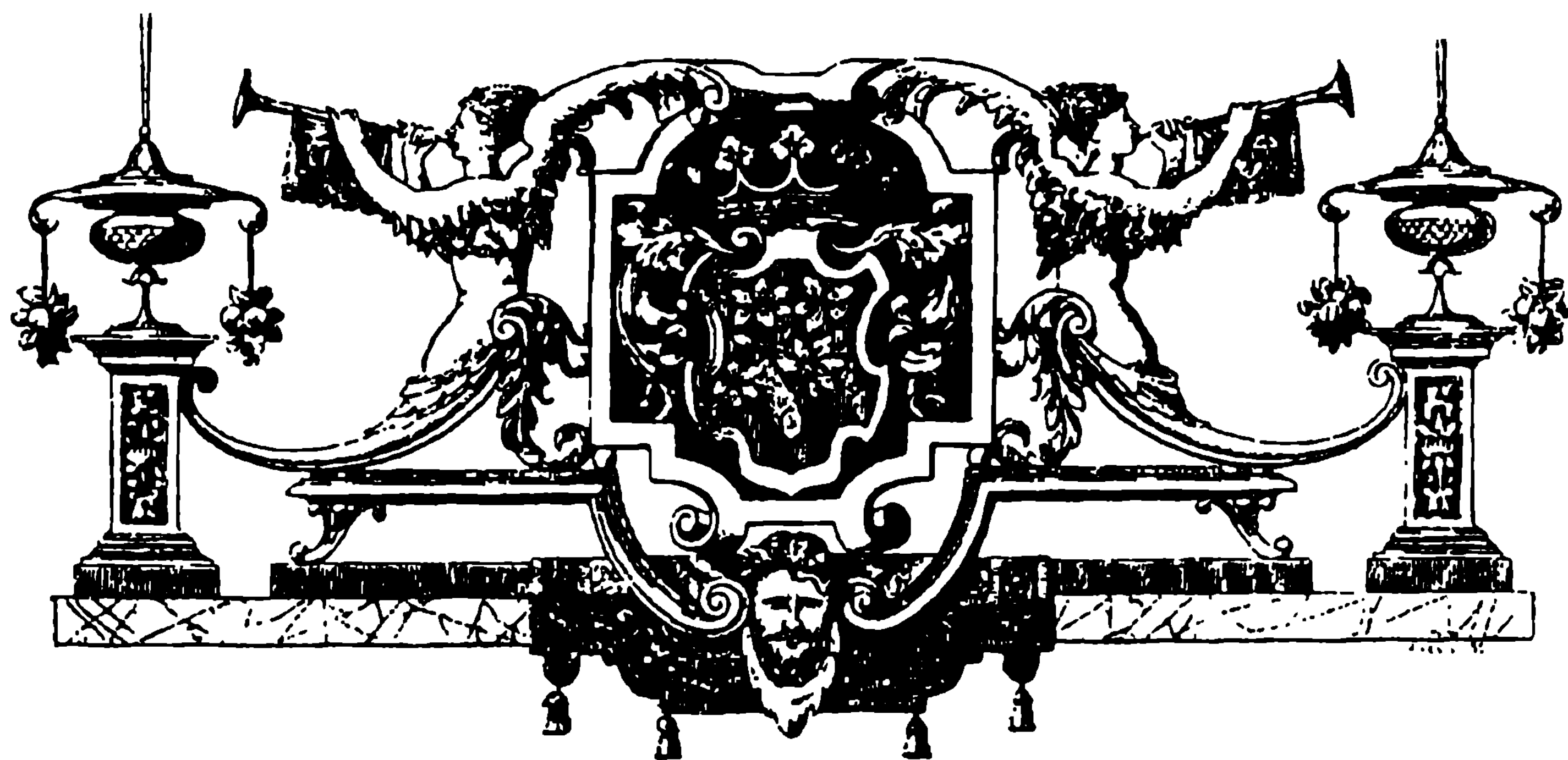

К о р о л ь

С ученостью трунит он над ученьем!

Д ю м е н

Стремится он мешать благим стремленьям!

Заставка Жана Лемана

Л о н г в и л ь

Он полет рожь, перед полынью струся.

Б и р о н

Весна подходит, коль плодятся гуси.

Д ю м е н

О чем вы?

Б и р о н

Да о том, что все — в свой час.

Д ю м е н

Ответ не в толк!

Б и р о н

Зато не в бровь, а в глаз!

К о р о л ь

Бирон завистлив, как мороз весной,
Когда он губит юные растенья.

Б и р о н

Пусть так. Но не ударит летний зной,
Пока у птиц причины нет для пенья.
Что мне за радость видеть недоноска?
Я розу не прошу в сочельник цвесть,
А вьюгу в майский день сугроб наместь
Для каждой вещи срок и время есть.
Учиться поздно было бы теперь:
Не лезь в окно, когда открыта дверь.

К о р о л ь

Бирон, ступайте. Вышли из игры вы.

Б и р о н

Нет, клятву дав, я не уйду трусливо.
В честь темноты сказал я больше слов,
Чем вы во славу мудрости найдете,
Но, дав обет, три года я готов,
Подобно вам, смирять желанья плоти.
Где свиток? На устав взгляну хоть раз
И подписью скреплю его сейчас.

К о р о л ь

Ты честь свою уступчивостью спас.

Б и р о н (*читает*). “Item:¹ ни одна женщина не смеет подходить к местонахождению нашего двора ближе чем на милю”. — Это уже обнародовано?

К о р о л ь. Дня четыре назад.

Б и р о н. Какое наказание ей за это полагается? (*Читает.*) “Под страхом лишения языка”. — Кто же внес в устав такой пункт?

Л о н г в и л ь

Я внес его.

Б и р о н

Но для чего?

1 Далее. (*Лат.*)

Л о н г в и л ь

Пусть женщин строгость кары устрашает.

Б и р о н

Любезным быть такой закон мешает.

(Читает.)

“Item: если в течение этих трех лет кто-либо будет уличен в разговоре с женщиной, он подвергнется такому публичному посрамлению, какое только сумеют измыслить остальные придворные”.

Мой государь, придется лично вам
Нарушить этот строгий пункт, коль скоро
Французская принцесса едет к нам.
Добиться лично с вами разговора
Больной отец велел ей. Хочет он,
Чтоб вы ему вернули Аквитанию.
Поэтому: иль зря был пункт внесен,
Иль зря принцесса пустится в скитанья.

К о р о л ь

Об этом мы забыли, господа.

Б и р о н

Ученье перелет дает всегда:
Учась, как сделать то, чего желаешь,
Ты сделать то, что должен, забываешь;

Пусть даже ты добился своего, —
Что в том? Ты город взял, но сжег его.

К о р о л ь

Придется отступить нам от декрета:
Необходимость оправдала это.

Б и р о н

Нас триста раз в течение трех лет
Необходимость отступать заставит:
Ведь от страстей, с которыми на свет
Мы рождены, лишь благодать избавит.
Итак, коль я не соблюду обета,
Необходимость оправдает это.
Поэтому его я подпишу

(подписывает)

И каждого, кем он не будет сдержан,
Бесчестным навсегда провозглашу:
Ведь я соблазну, как и все, подвержен.
Но я, хоть мне противен этот бред,
Надеюсь дольше всех хранить обет.
Ужели без забав нам жить три года?

К о р о л ь

Отнюдь. Один испанец, отпрыск рода
Дворян кастильских, при дворе гостит.
Он искушен во всех новинках моды;

Сентенциями мозг его набит;
Он из людей, которых опьяняет
Звук собственных речей, как сила чар;
И правый, и неправый избирает
Его судьей в решение разных свар.
Армадо, детище воображенья,
Нас будет в час досуга забавлять
И доблесть миром преданных забвенью
Воителей испанских восхвалять.
И, что бы ни сказали вы об этом,
Мне весело с таким лгуном отпетым.
Пускай придворным станет он поэтом.

Б и р о н

В Армадо пропасть блеска и ума:
Он — рыцарь моды и речист весьма.

Л о н г в и л ь

Коль он с Башкой нам будут развлеченьем,
Три года не покажутся мученьем.

Входят Т у п и ц а с письмом и Б а ш к а.

Т у п и ц а. Где здесь король собственной особой?

Б и р о н. Вот он, приятель. Чего тебе надо?

Т у п и ц а. Я самолично представляю собой его величество, потому что состою констеблем на службе его величества; но мне желательно видеть его особу в телесном обличье.

Б и р о н. Вот он.

Т у п и ц а. Синьор Арм-Арм свидетельствует вам свое почтение. Вышло скверное дело: подробности найдете в письме.

Б а ш к а. Ваше величество, в письме и про меня написано.

К о р о л ь. Это письмо от великолепного Армадо?

Б и р о н. Как бы ничтожно ни было содержание письма, оно, уповаю на милость божью, выражено высоким слогом.

Л о н г в и л ь. Высокие упования по ничтожному поводу? Дай нам, боже, терпенье.

Б и р о н. Дослушать до конца или удержаться от смеха?

Французский парк эпохи Ренессанса.
С гравюры неизвестного художника

Л о н г в и л ь. Выслушать кротко и посмеяться умеренно или удержаться и от того и от другого.

Б и р о н. Отлично, сударь. Пусть степень его высокопарности сама подскажет нам степень веселости.

Б а ш к а. Ваше величество, там речь идет обо мне, поскольку письмо касается Жакнеты. Дело в том, что я попался на деле.

Б и р о н. Как это на деле?

Б а ш к а. Вот так что на деле или, согласно букве устава, на трех делах. Я был замечен, когда бездельничал с Жакнетой во дворце, — раз. Я сидел с нею — два. Я шел следом за ней по парку — три. А согласно букве устава, из этих трех проступков следует, что они в целом и составляют дело. Ибо из буквы устава известно, что когда мужчина вступил с женщиной в разговор об известном деле, это уже целое дело, согласно известной букве устава.

Б и р о н. Ну, и что же из этого следует?

Б а ш к а. А это уж смотря по тому, какое мне впоследствии наказание. И да защитит господь правого!

К о р о л ь. Угодно вам выслушать письмо?

Б и р о н. Мы выслушаем его, как оракула.

Б а ш к а. Как в простоте душевной человек слушает веления плоти!

К о р о л ь (*читает*). “Великий престолоблуститель, наместник тверди небесной и единый владыка Наварры, земное божество души моей и питатель тела”.

Б а ш к а. А ведь о Башке пока что ни слова!

К о р о л ь. “Случилось так...”

Б а ш к а. Всегда что-нибудь случается, но если он пишет, что случилось так, он, по правде говоря, не стоит того, чтобы с ним что-нибудь случилось.

К о р о л ь. Стой смирно!

Б а ш к а. А я всегда смирный, как всякий, кто в драку не лезет.

К о р о л ь. Ни слова!

Б а ш к а. ... о чужих секретах, покорнейше прошу.

К о р о л ь. “Случилось так, что, постигнутый черной меланхолией, решил я вверить свое мрачно-подавленное настроение целительному действию наилучшего в мире лекарства — твоего животворного воздуха — и, как благородный дворянин, предпринял прогулку. Ты задашь вопрос: в какое время? Около шести часов, то есть в ту пору дня, когда охотнее всего пасутся стада, клюют корм птицы и люди садятся за свою трапезу, которую они нарекли ужином. Это все, что могу я сказать о времени. Теперь о территории, — я имею в виду территорию, по которой я следовал, прогуливаясь: ее именуют твоим парком. Что же касается места, — я разумею то место, где стал я очевидцем непотребного и наипредосудительнейшего происшествия, извлекающего из моего белоснежного пера эбеновые чернила, которые ты усматриваешь, созерцаешь, зришь и видишь в настоящую минуту, — что же касается этого места, то оно расположено к северо-северо-востоку, на восточной стороне западного угла твоего за-

мысловато-извилистого сада. Там-то и явился взору моему этот недоумок, этот деревенщина, это низкое ничтожество, служащее к твоему увеселению...”

Б а ш к а. Это про меня?

К о р о л ь. “... это невежественное и непросвещенное создание...”

Б а ш к а. Это про меня?

К о р о л ь. “... эта мелкая рабская душа...”

Б а ш к а. Опять про меня?

К о р о л ь. “... которого, насколько мне помнится, именуют Башкой...”

Б а ш к а. Конечно, это я!

К о р о л ь. “...в обществе и общении, вопреки установленному и объявленному тобой декрету и пребывающему в силе указу о...о...о...о!..о... но с кем? Мне тяжело сказать с кем...”

Б а ш к а. С бабенкой!

К о р о л ь. “...с дочерью праматери нашей Евы, с особью женского пола, или — для более просветленного понимания твоего величества — с женщиной! Движимый неослабным сознанием долга, я препровождаю его к тебе на предмет достодолжного ему наказания в сопровождении служителя твоего пресветлого величества Энтони Тупицы, человека отменной репутации, обращения, воспитанности и почтенности”.

Т у п и ц а. Это уж про меня, с вашего соизволения. Я и есть Энтони Тупица.

К о р о л ь. “Что же касается Жакнеты, ибо так зовется вместилище слабости, застигнутое мною в обществе вышепоименованного деревенщины, то я задержал ее у себя, как вместилище для ярости твоих законов, и при малейшем указании твоего пресветлого величества представлю ее пред судилище. Прими выражение совершенной преданности и всесожигающего сознания долга от твоего

дона Адриано де Армадо.”

Б и р о н. Это не так хорошо, как я ожидал, но лучше всего, что мне доводилось слышать.

К о р о л ь. О да, лучшее из наихудшего. Ну, любезный, что вы на это скажете?

Б а ш к а. Ваше величество, насчет бабенки — признаюсь.

К о р о л ь. Вы разве не слышали того, что было объявлено?

Б а ш к а. Честное слово, я так усердно это слушал, что все и прослушал.

К о р о л ь. Ведь было же объявлено: год тюрьмы тому, кто будет иметь дело с женщиной.

Б а ш к а. Да я с женщинами дела не имел. Я имел дело с барышней.

К о р о л ь. Ну и что же? Объявление касалось и барышень.

Б а ш к а. Да она вовсе не барышня. Она девственница.

К о р о л ь. Это ничего не меняет. Объявление относилось и к девственницам.

Б а ш к а. Ну, если так, то я отрицаю за ней девственность. Я имел дело просто с девушкой.

К о р о л ь. Эта девушка, сударь вам ни в чем не поможет.

Б а ш к а. Эта девушка, государь, мне кое в чем поможет.

К о р о л ь. Вот вам мой приговор, сударь: вы будете неделю поститься на воде и мякине.

Б а ш к а. Я предпочел бы целый месяц молиться на похлебке и жарком.

К о р о л ь

И дон Армадо будет вашим стражем.

Бирон, к нему Башку препроводите.

Идемте ж, господа, осуществлять

Все то, в чем мы друг другу клятву дали.

К о р о л ь, Д ю м е н и Л о н г в и л ь уходят.

Б и р о н

Я голову поставлю против шляпы,

Что посмеется жизнь над их затеей.

Идем, мошенник.

Б а ш к а. Я страдаю из-за честности, сударь. Ведь, по чести говоря, я имел дело с Жакнетой, а она — честная девушка. Поэтому — добро пожаловать, горькая чаша благополучия. Будет день, и печаль вновь улыбнется мне, а до тех пор сиди здесь, скорбь!

Уходят.

Сцена 2

Там же.

Входят А р м а д о и его паж М о т ы л е к.

А р м а д о. Мальчик, в чем выражается меланхолия великого духом человека?

М о т ы л е к. Главным образом в том, что у него грустный вид.

А р м а д о. Но разве грусть и меланхолия — не одно и то же, дорогое дитя?

М о т ы л е к. Нет, нет, сударь! Что вы, совсем нет!

А р м а д о. В чем же ты усматриваешь различие меж ними, нежный юноша?

М о т ы л е к. В их внутреннем проявлении, загрубелый старец.

А р м а д о. Почему “старец”? Почему “загрубелый”?

М о т ы л е к. Почему “нежный”? Почему “юноша”?

А р м а д о. Я назвал тебя “нежным юношей”, потому что эпитет этот соотносится с твоим юным возрастом, который можно именовать нежным.

М о т ы л е к. А я вас — “загрубелым старцем”, потому что название это соотносится с вашим пожилым возрастом, который можно именовать загрубелым.

А р м а д о. Мило и метко.

М о т ы л е к. Что вы имеете в виду, сударь? Что я мил, а слова мои метки, или что я меток, а слова мои милы.

А р м а д о. Ты мил, ибо мал.

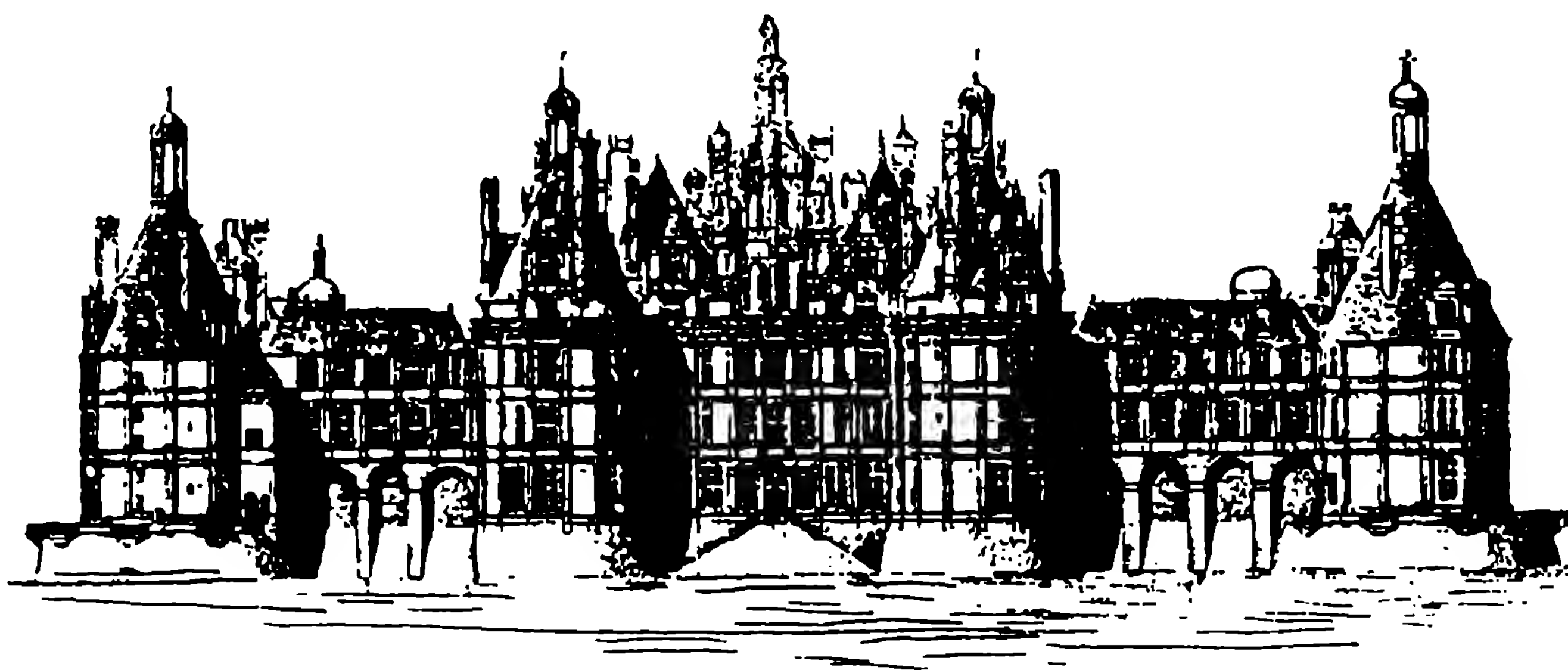

Мотылек. Значит, я мало мил, ибо мал. А почему меток?

Армандо. Потому меток, что изворотлив.

Мотылек. Хозяин, это вы в похвалу мне говорите?

Армандо. Да, в соответствующую твоим заслугам похвалу.

Французский замок Шамбор.
С гравюры неизвестного художника

Мотылек. Я бы такой же похвалой и угря похвалил.

Армандо. Как, разве угорь находчив?

Мотылек. Угорь изворотлив.

Армандо. Я хочу сказать, что ты изворотлив в ответах.
У меня от них кровь закипает.

Мотылек. Вот я и получил ответ.

Армандо. Я не люблю, когда мне перечат.

Мотылек (*в сторону*). Не любишь, когда перечат, —
не говори другим поперек!

А р м а д о. Я дал обещание пробыть три года в ученье вместе с королем.

М о т ы л е к. Да вы и за час всему научиться сумеете, сударь.

А р м а д о. Это немыслимо.

М о т ы л е к. Сколько будет трижды один?

А р м а д о. Я не силен в счете. Это дело буфетчика.

М о т ы л е к. А вы, сударь дворянин и игрок.

А р м а д о. Сознаюсь и в том и в другом. Оба эти качества необходимы воспитанному человеку.

М о т ы л е к. Ну, значит, вы знаете, сколько составят в сумме туз и двойка.

А р м а д о. Их сумма на одно очко больше, чем два.

М о т ы л е к. То, что в просторечье называется “три”?

А р м а д о. Верно.

М о т ы л е к. Видите, как спорится у вас ученье. Вы три раза глазом моргнуть не успели, а уж дошли до трех. К слову “три” легко прибавить “года”, — вот и свелись три года ученья к двум словам. Это и ученая лошадь на ярмарке вам сосчитает.

А р м а д о. Тонко рассчитано.

М о т ы л е к *(в сторону)*. Еще бы, если в итоге выходит, что ты нуль.

А р м а д о. Засим должен я сознаться, что влюблен. И насколько низок влюбленный воин, настолько же низко происхождение женщины, в которую я влюблен. Если бы, обнажив свой меч против любовного недуга, мог я изба-

виться от греховных помыслов о ней, я бы взял в плен свое вожделение и отдал бы его какому-нибудь французскому придворному в обмен на новоизобретенную любезность. Я презираю вздыхателей и мог бы, думается, утратить Купидона. Утешь меня, мальчик, поведай, кто из великих людей был влюблен.

Мотылек. Геркулес, хозяин.

Армандо. Сладчайший Геркулес! — Побольше знаменитых примеров, дорогой мальчик, побольше имен; и пусть, милое дитя мое, принадлежат они людям с положением и весом.

Мотылек. Самсон, хозяин; он-то уж был человек с весом, с большим весом, потому что весьма весомые городские ворота мог на плечах унести. Он тоже был влюблен.

Армандо. О плотно сбитый Самсон! О прочно сшитый Самсон! Я превосхожу тебя в искусстве владения рапирой, как ты меня — в искусстве ношения ворот. И я тоже влюблен. В кого был влюблен Самсон, мой дорогой мальчик?

Мотылек. В женщину, хозяин.

Армандо. Какого темперамента?

Мотылек. Всех четырех, или трех, или двух, или одного из четырех.

Армандо. Определи мне точнее ее темперамент.

Мотылек. Зеленый, цвета морской воды, сударь.

Армандо. Да разве есть такой темперамент?

Мотылек. Судя по тому, что я читал, это самый лучший из всех.

А р м а д о. Конечно, зеленый цвет означает любовь, но, по-моему, Самсону не стоило выбирать себе возлюбленную зеленого цвета; Наверно, он полюбил ее за ум.

М о т ы л е к. Так оно и есть, сударь. У нее был ум зеленого цвета.

А р м а д о. У меня же возлюбленная совершенно непорочного белого и алого цвета.

М о т ы л е к. Сударь, под таким цветом и скрываются довольно порочные мысли.

А р м а д о. Объясни, объясни, образованный отрок.

М о т ы л е к. Да помогут мне ум моего отца и красноречие матери!

А р м а д о. Какое звучное воззвание в устах младенца! Очень мило и патетично.

М о т ы л е к

Где с белым цветом алый слит,
Там спрятан грех под маску:
Ведь щеки женщин страх белит,
А стыд бросает в краску.
И где тут стыд, и где тут страх —
Уразумей, поди ты;
Ведь от рожденья на щеках
У них два цвета слиты.

Довольно опасные стихи, хозяин, насчет белого и алого цвета.

А р м а д о. Мальчик, разве нет баллады про короля и нищенку?

М о т ы л е к. Был грех: наши прадеды сочинили такую балладу, но теперь ее, кажется, нигде не услышишь, а если и услышишь, то слова и напев ни на что не годны.

А р м а д о. Я хотел бы заново обработать этот сюжет, дабы заблуждения моего чувства были освящены каким-нибудь авторитетным примером. Мальчик, я влюблен в юную крестьянку, которую застиг в парке с этим человекоподобным животным Башкой. Она вполне достойна...

М о т ы л е к. ... порки и уж во всяком случае любовника получше, чем мой хозяин.

А р м а д о. Спой, мальчик! У меня на душе тяжело от влюбленности.

М о т ы л е к. Это странно, потому что любите вы женщину довольно-таки легковесную.

А р м а д о. Спой, прошу тебя.

М о т ы л е к. Дайте пройти этой компании.

Входят Т у п и ц а, Б а ш к а и Ж а к н е т а.

Т у п и ц а. Сударь, король соблаговолил поручить вам надзор за Башкой. Вы не должны ему мирволить, но и притеснять его не следует. Нужно только присматривать, чтоб он постился три дня в неделю. А эту девицу мне приказано держать в парке. Пусть послужит коровницей. Мое почтение.

А р м а д о. Я выдаю себя румянцем. — Девушка!

Ж а к н е т а. Мужчина!

А р м а д о. Я навещу тебя в коровнике.

Ж а к н е т а. До этого далеко.

А р м а д о. Я знаю туда дорогу.

Ж а к н е т а. Скажите, какой ученый!

А р м а д о. Я расскажу тебе чудесные вещи.

Ж а к н е т а. С такой-то наружностью?

А р м а д о. Я люблю тебя.

Ж а к н е т а. Старые песни.

А р м а д о. Итак, до встречи.

Ж а к н е т а. Ветер вам в корму!

Т у п и ц а. Пошли, Жакнета, поторапливайся.

Т у п и ц а и Ж а к н е т а уходят.

А р м а д о. Презренный, ты будешь поститься за свои проступки, пока не заслужишь прощения.

Б а ш к а. Слушаюсь, сударь. Надеюсь, что смогу делать это с полным желудком.

А р м а д о. Расплата с тобой будет тяжелою.

Б а ш к а. Ну, значит, я буду вам более признателен, чем ваши слуги, с которыми вы расплачиваетесь куда легче.

А р м а д о. Увести этого негодяя и заточить!

М о т ы л е к. Идем, строптивый раб! Живо!

Б а ш к а. Не велите меня запирать, сударь. Я предпочитаю поститься на воле.

М о т ы л е к. Ну нет, сударь. Кто же по своей воле на хлеб и воду сядет. Тебя посадят в тюрьму.

Б а ш к а. Ладно. Но если я вновь увижу веселые дни моей печали, которые я видел, то кое-кто увидит...

М о т ы л е к. Что увидит?

Б а ш к а. Ничего особенного, господин Мотылек. Увидит только то, что увидит. Узнику не годится быть слишком скупым на слова, поэтому я ничего и не скажу. Слава богу, терпенья у меня поменьше, чем у других, поэтому я и могу быть спокоен.

М о т ы л е к и Б а ш к а уходят.

А р м а д о. Я обожаю даже почву, сей низкий предмет, который попирает ее башмак, предмет еще более низкий и приводимый в движение ее ногой, предметом самым низким. Полюбив, я делаюсь клятвопреступником, а это первейший признак лживости. Между тем не бывает истинной любви там, где к ней примешана лживость. Любовь — домовой, любовь — дьявол, любовь — самый злой из всех злых духов. Тем не менее она искусила Самсона, а ведь он обладал несравненной мощью; она соблазнила Соломона, а ведь он был отменно мудр. Перед стрелой Купидона не устояла палица Геркулеса; тем более — это неравное оружие для рапиры испанца. Первый и второй поводы для картеля мне не походят: *passado*¹ Купидон пренебрегает, на *duello*²

1 Удар, выпад — фехтовальный термин. (Слегка искаженное итал. *passata*.)

2 Дуэль. (Итал.)

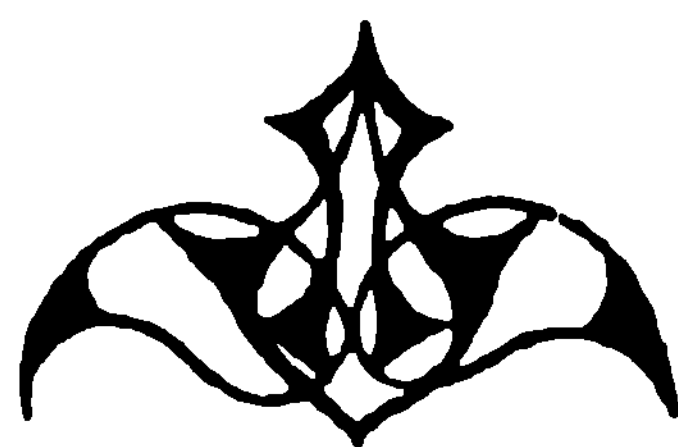

Армадо и Жакнета. С картины художника Фрэнсиса Уитли

не обращает внимания. Мы, мужи, оскорбляем его, именуя мальчиком, а он торжествует, покоряя нас, мужей. Прощай, мужество! Ржавей, клинок! Умолкни, барабан! Повелитель ваш влюблен. Да, он любит! Приди мне на помощь, гений импровизации. Я, вне всякого сомнения, примусь сочинять сонеты. Изощрайся, ум! Строчи, перо! Я расположен заполнить целые фолианты!

(Уходит.)

АКТ II

Сцена 1

Там же.

Входят французская принцесса, Розалина,
Мария, Катерина, Бойе, вельможи и слуги.

Б о й е

Должны, принцесса, вы на помощь ныне
Призвать всю ясность духа своего.
Подумайте, кого, к кому, зачем
Сюда послал король, родитель ваш!
Вам, столь высокочтимой повсеместно,
Он поручил вести переговоры
С тем, кто один владеет всем, что мы
В мужах считать привыкли совершенством, —
С Наваррцем несравненным. Речь идет
О целой Аквитании, стране,
Достойной стать приданым королеве.
Так расточайте ж то очарованье,
Тот дар прелестный, коим вашу прелесть

Природа одарила, расточив
Его на вас в ущерб всем остальным.

П р и н ц е с с а

Хоть красота моя невелика,
Не нужно ей таких похвал цветистых.
Оценку красоте дают глаза
Того, кто пожелал купить ее,
А не язык хвастливый продавца.
И, внемля вам, я менее горда,
Чем сами вы в стремлении прослыть
За острослова вашим восхваленьем.
Но с человеком дела — ближе к делу!
Бойе, известно вам, — молва об этом
Шумит повсюду, — что король Наварры
Решил три года посвятить наукам,
Не допуская женщин в свой приют.
Поэтому нам не мешает, раньше
Чем постучать в запретные ворота,
Знать мнение короля на этот счет.
И вам ввиду достоинств ваших быть
Ходатаем за нас мы поручаем.
Скажите их величеству, что с ним
По делу неотложному хотела б
Увидеться французская принцесса.
Итак, спешите. Мы же будем здесь
Смирненно ждать монаршего решения.

Б о й е

Гордясь доверьем, в путь я рад пуститься.

(Уходит.)

П р и н ц е с с а

Кто горд, тот рад возможности гордиться.

Скажите, господа, кто дал обет

Подвижничества вместе с королем?

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Лонгвиль, к примеру.

П р и н ц е с с а

Вы знакомы с ним?

М а р и я

Он мне знаком. Когда лорд Перигор

С прелестной дочкой Джека Фоконбриджа

В Нормандии свою справляли свадьбу,

Мне довелось увидеть там Лонгвиля.

Он — человек достоинств самых редких:

В искусствах сведущ, на войне прославлен.

За что б ни взялся, сделать все сумеет.

Блеск доблести его одним запятнан.

Коль может быть на доблести пятно:

В нем ум остер, и воля беспощадна.

Готов он срезать каждого, а тем,
Над кем шутить он волен, нет пощады.

П р и н ц е с с а

Как видно, он к насмешкам страсть питает?

М а р и я

Да, каждый, с кем знаком он, так считает.

Заставка художника Жана Лемана

П р и н ц е с с а

Ум скороспелый быстро отцветает.
Кто ж остальные?

К а т е р и н а

Есть между ними юноша, Дюмен,
За добродетели любимый каждым,
Кто любит добродетель. Делать зло
Тем меньше хочет он, чем больше может.
Ума в нем хватит, чтоб украсить все,
Что чуждо красоте; а красоты —
Чтоб даже без ума казаться милым.
У д'Алансона в герцогском дворце
Его видала я. Но слишком бледен
Мой отзыв о достоинствах его.

Р о з а л и н а

Еще один затворник здешний был
С Дюменом там. Коль я не ошибаюсь,
Его зовут Бироном. Столь веселых
(Конечно, в рамках должного приличья)
Людей еще нигде я не встречала.
Уму его находит пищу зренье:
На что ни взглянет он, во всем находит
Предлог для шутки тонкой и пристойной,
Которую язык его умеет

Передавать таким изящным слогом,
Что слушать даже старикам приятно,
А молодежь приходит в восхищенье,
Внемля его изысканной беседе.

П р и н ц е с с а

Спаси нас бог! Все фрейлины влюбились,
Судя по красноречию, с которым
Они хвалой свой выбор осыпают.

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Вот и Бойе.

Возвращается Б о й е.

П р и н ц е с с а

Ну, что решил король?

Б о й е

Наваррец знает о приезде вашем.
И он и все сподвижники его
Еще до моего приезда встретить
Готовы были вас. Но предпочел бы
Король, чтоб в поле вы остановились. —
Как будто замок осадить решили, —
И не пришлось ему обет нарушить,

Вас во дворце безлюдном принимая.
Да вот и сам он.

Принцесса и ее спутницы надевают маски.
Входят король, Лонгвиль, Дюмен, Бирон
и приближенные.

К о р о л ь

Прекрасная принцесса, будьте гостьей!

П р и н ц е с с а. “Прекрасную” я вам возвращаю обрат-
но, а гостьей еще не стала. Это не ваш дворец, потому что
кровля здесь чересчур высока для вас, а быть гостьей в
чистом поле — чересчур низко для меня.

К о р о л ь

Принцесса, будьте гостьей при дворе.

П р и н ц е с с а

На это соглашаюсь я. Идемте.

К о р о л ь

Постойте. Дал обет я перед богом...

П р и н ц е с с а

Бог да поможет вам его нарушить.

К о р о л ь

Обет не преступлю я своевольно.

П р и н ц е с с а

Преступите, и по своей же воле.

К о р о л ь

Принцесса, вам неведомо, в чем дело.

П р и н ц е с с а

Мудрее чуждый мудрости невежда,
Чем алчущий невежества мудрец.
Давать обет подобный — смертный грех,
И нарушать — не лучше.
Но извинить прошу за откровенность —
Ученого учить не смею я.
Прочтите здесь изложенную просьбу
И на нее с ответом поспешите.

(Подает королю свиток.)

К о р о л ь

Отвечу я, но в спешке нужды нет.

П р и н ц е с с а

Уеду я, лишь получу ответ,
Чтоб не пришлось вам нарушать обет.

Б и р о н

Не с вами ль танцевали мы в Брабанте?

Р о з а л и н а

Не с вами ль танцевали мы в Брабанте?

Б и р о н

Уверен в этом.

Р о з а л и н а

А к чему ж тогда
Вопрос подобный?

Костюмы эпохи Ренессанса

Б и р о н

На ответ вы скоры.

Р о з а л и н а

Но вы мой ум прищипорили вопросом.

Б и р о н

Ваш ум — как конь. Галоп его запалит.

Р о з а л и н а

Но раньше седока с седла он свалит.

Б и р о н

Не знаете ль, который час?

Р о з а л и н а

Да тот,

Когда дурак вопросы задает.

Б и р о н

Пусть вашей маске счастья бог пошлет!

Р о з а л и н а

Не маске, а лицу, — я полагаю.

Б и р о н

Поклонников побольше вам желаю.

Р о з а л и н

Аминь. Без вас найду.

Б и р о н

Что ж делать! Отойду.

К о р о л ь

Принцесса, ваш родитель извещает,
Что мне вернул уже сто тысяч крон,
А это половина лишь того,
Что мой отец ссудил ему на войны.
Но если б даже я иль мой отец
Их получили (что отнюдь не так),
Сто тысяч остаются, — и за них
В залог нам Аквитания дана,
Хотя она не стоит этой суммы.
Когда бы ваш отец мне уплатил
Оставшуюся половину долга,
Ему я Аквитанию вернул бы
И с ним вступил бы в дружбу и союз.
Но, кажется, он к этому не склонен.
В письме он предлагает дать ему
Еще сто тысяч крон и обещает
По выплате указанных ста тысяч
От прав на Аквитанию отречься,
Хоть мне приятней было б получить
Моим отцом одолженные деньги,

Чем эту истощенную страну.
Не будь столь безрассудны предложенья,
Я изъявил бы, вопреки рассудку,
На них согласие, чтобы вы, принцесса,
Могли уехать удовлетворенной.

П р и н ц е с с а

Черните вы и моего отца
И ваше уважаемое имя,
Упорно отрицая получение
Того, что вам уплачено исправно.

К о р о л ь

Клянусь, впервые слышу. Докажите
Мне это, и верну я вам сто тысяч
Иль Аквитанию.

П р и н ц е с с а

Ловлю на слове.
Бойе, вручите королю расписку,
Которой казначей его отца
Уплату подтверждает.

К о р о л ь

Я прошу вас.

Б о й е

Простите, государь, еще не прибыл

Из Франции пакет с распиской вашей,
Но будет завтра мною вам представлен.

К о р о л ь

Надеюсь я, что, рассмотрев ее,
Пойду на все разумные уступки.
Теперь согласие дайте на прием,
Который, чести не пятная, честь
Окажет вам, достойная принцесса.
Хотя нельзя вам в мой дворец вступить,
Вас в парке примут так, что вы поймете,
Какое место вам я в сердце дал,
Не оказав гостеприимства в доме.
Ваш благородный ум простит меня.
Прощайте! Завтра вас я навещу.

П р и н ц е с с а

Пускай во всем ждет вас преуспеянье!

К о р о л ь

Желаю, чтоб сбылись твои желанья!

(Уходит.)

Б и р о н. Сударыня, я хотел бы предоставить вашему
вниманию мое сердце.

Р о з а л и н а. Сделайте одолжение, предоставьте. Интере-
ресно на него взглянуть.

Б и р о н. Мне хочется, чтобы вы слышали его стоны.

Р о з а л и н а

Глупышка болен?

Б и р о н

Сердечною болезнью.

Р о з а л и н а

Так сделайте ему кровопусканье.

Б и р о н

Поможет ли такое врачеванье?

Р о з а л и н а

Как врач, отвечу: “Попытаться стоит”.

Б и р о н

Так пусть ваш взор его пронзит и вскрыет.

Р о з а л и н а

Я и ножом могу его вспороть.

Б и р о н

Ну нет, пошли вам много лет господь.

Р о з а л и н а

А вам дай бог не слишком долго жить.

Б и р о н

За это трудно вас благодарить!

(Отходит в сторону.)

Д ю м е н

Кто эта дама там, — узнать бы я не прочь.

Б о й е

То — Катерина, д'Алансона дочь.

Д ю м е н

Она прекрасна. До свиданья, сударь.

(Уходит.)

Л о н г в и л ь

Вон, сударь, особа вся в белом. Кто это?

Б о й е

Чтоб даму узнать в ней, — довольно тут света.

Л о н г в и л ь

Да, вид у ней светский. А как ее звать?

Б о й е

Все так же, как в детстве звала ее мать.

Л о н г в и л ь

Но кто ее отец?

Б о й е

Мужчина, как известно.

Л о н г в и л ь

Насмешка неуместна!

Б о й е

Прошу вас, успокойтесь!
Она — дочь Фоконбриджа.

Л о н г в и л ь

Отходчив я, не бойтесь.
Прелестнейшая дама!

Б о й е

Что ж, я согласен с вами.

Л о н г в и л ь уходит.

Б и р о н

А та, что в шляпе, кто?

Лонгвиль и Бойе. Художник Бэйам Шоу

Б о й е

Розалина. А что?

Б и р о н

Кого в мужа ей прочат?

Б о й е

Кого сама захочет.

Б и р о н

Прощайте, сударь. До свиданья.

Б о й е

Свиданье — вам, а мне — прощанье.

Б и р о н уходит. Дамы снимают маски.

М а р и я

**Последним уходил Бирон, остряк известный.
Он вечно с новой шуткой.**

Б о й е

И вечно — с неуместной.

П р и н ц е с с а

Вы острастку ему дали с ловкостью лестной.

Б о й е

Я ведь тоже не промах в дуэли словесной!

М а р и я

Прямо бой двух баронов.

Б о й е

Баранов, верней:

Коль лужайка — ваш рот, попасусь я на ней.

М а р и я

Мало чести сравнение делает вам.

Б о й е

Хорошо здесь пастись!

(Хочет ее поцеловать.)

М а р и я

Да не всяким скотам:

Частный выгон мой рот — не общинное поле.

Б о й е

Кто ж владелец его?

М а р и я

Я да божия воля.

П р и н ц е с с а

Неуместна война остроумия боле.
Лучше б тратили вы залпы шуток отборных
На Наваррца и слишком ученых придворных.

Б о й е

Насколько я вижу, — а это умение
Во взорах читать красноречье волненья
Меня не обманет, — король заражен.

П р и н ц е с с а

Но чем?

Б о й е

Знакомой болезнью: он просто влюблен.

П р и н ц е с с а

А где доказательства?

Б о й е

Он замер. Из тела ушедшая сила
Желаньем дворцы его глаз озарила,
А сердце, печать, на которой ваш лик
Свой оттиск прекрасный оставил в тот миг,
Так формой своей возгордилось отныне,
Что их преисполнило блеском гордыни.
Язык запинался, сердясь, что во взгляд
Преобразоваться слова не спешат.

Все чувства пытались со зрением слиться,
Стремясь красотой из красот
насладиться,
И были сокрыты в сиянии глаз,
Как будто в хрустальной шкатулке алмаз,
Где камень такое игрой ослепляет,
Что каждый купить его страстно желает.
Так жадно вам в очи он взоры вперял,
Что — книге лица на полях я читал:
“Бери Аквитанию. Все уступлю я,
Лишь дай мне вкусить твоего поцелуя”.

П р и н ц е с с а

Пойдемте в шатер мой. Бойе в настроенье...

Б о й е

Лишь высказать то, что увидело зренье.
Очей королевских безмолвную речь
Язык мой сумеет словами облечь.

Р о з а́ л и н а

В грех может столь опытный сводник вовлечь!

М а р и я

Еще б! В волокитстве Бойе искушен:
Приходится внуком ему Купидон.

Р о з а л и н а

**Ну, значит, лишь в мать уродилась Венера,
Поскольку отец безобразен сверх меры.**

Б о й е

Послушайте...

М а р и я

Нет.

Б о й е

Вы же видите сами...

Р о з а л и н а

Что время уйти нам.

Б о й е

Не сладить мне с вами!

Уходят.

АКТ III

Сцена 1

Там же.

Входят Армадо и Мотылек.

Армадо. Спой, мальчик. Воспламени мой слух.

Мотылек (*поет*). Ля-ре-ми-ля.

Армадо. Прелестный напев! — Нежный цвет юности, возьми этот ключ, ступай освободи мужлана и незамедлительно доставь его сюда. Я хочу через его посредство направить письмо к моей возлюбленной.

Мотылек. Хозяин, а вы не пробовали воздействовать на нее по-французски?

Армадо. Что ты под этим разумеешь? Объясняться с ней по-французски?

Мотылек. О нет, досточтимый хозяин. Вам нужно только насвистывать джигу языком и выделять ногами канарийские коленца, вращая при этом глазами, вздыхая и вообще издавая разные звуки, то горлом, словно вы влюбленно давитесь любовными словами, то носом, словно вы

влюбленно вдыхаете любовный запах; шляпу надвинуть на глаза, как навес на окна лавки; руки скрестить на вашем обвислом камзоле, как кролик лапки на вертеле, или засунуть в карманы, как рисовали на старинных портретах. И не задерживаться слишком долго на одном и том же: сделал, — и за другое. Этими приемами, этими хитростями и ловят милых женщин, а уж они только и ждут, чтоб их поймали. Таким-то образом мужчины — оцените мои слова! — и нагоняют себе цену.

А р м а д о. Как ты приобрел такую опытность?

М о т ы л е к. Имея на грош наблюдательности.

А р м а д о

“О стыд! О стыд!”

М о т ы л е к

“...Конек-скакунок позабыт!”

А р м а д о. Уж не мою ли возлюбленную ты к коньку-скакунку приравниваешь?

М о т ы л е к. Нет, хозяин. Конек-скакунок — жеребчик, а ваша возлюбленная — кобылка, да, наверно, еще и заезжанная. Но разве вы позабыли вашу возлюбленную?

А р м а д о. Почти что.

М о т ы л е к. Какая нерадивость! Вы должны бы знать ее на память.

А р м а д о. Да, на память, храня ее образ на сердце и в сердце.

М о т ы л е к. И вне сердца, хозяин. Все эти три положения я берусь доказать.

А р м а д о. Что же ты докажешь?

М о т ы л е к. Умереть мне на месте, если я не докажу своей правоты, и притом — мигом. Возлюбленная у вас на сердце потому, что вы не можете на нее наглядеться; в сердце — потому, что вы влюблены в нее; вне сердца — потому, что, будучи для вас недосыгаемой, она не может удовлетворить ваши желания.

А р м а д о. Все три положения ко мне подходят.

М о т ы л е к. Да будь их хоть трижды три, из них все равно ничего не выйдет.

А р м а д о. Приведи сюда мужлана. Я хочу послать его с письмом.

М о т ы л е к. Удачный выбор: лошадь для осла самый подходящий посол.

А р м а д о. Что? Как ты сказал?

М о т ы л е к. Видите ли, сударь, вам следовало бы послать этого осла на лошади, потому что он изрядный тихоход. Но я иду.

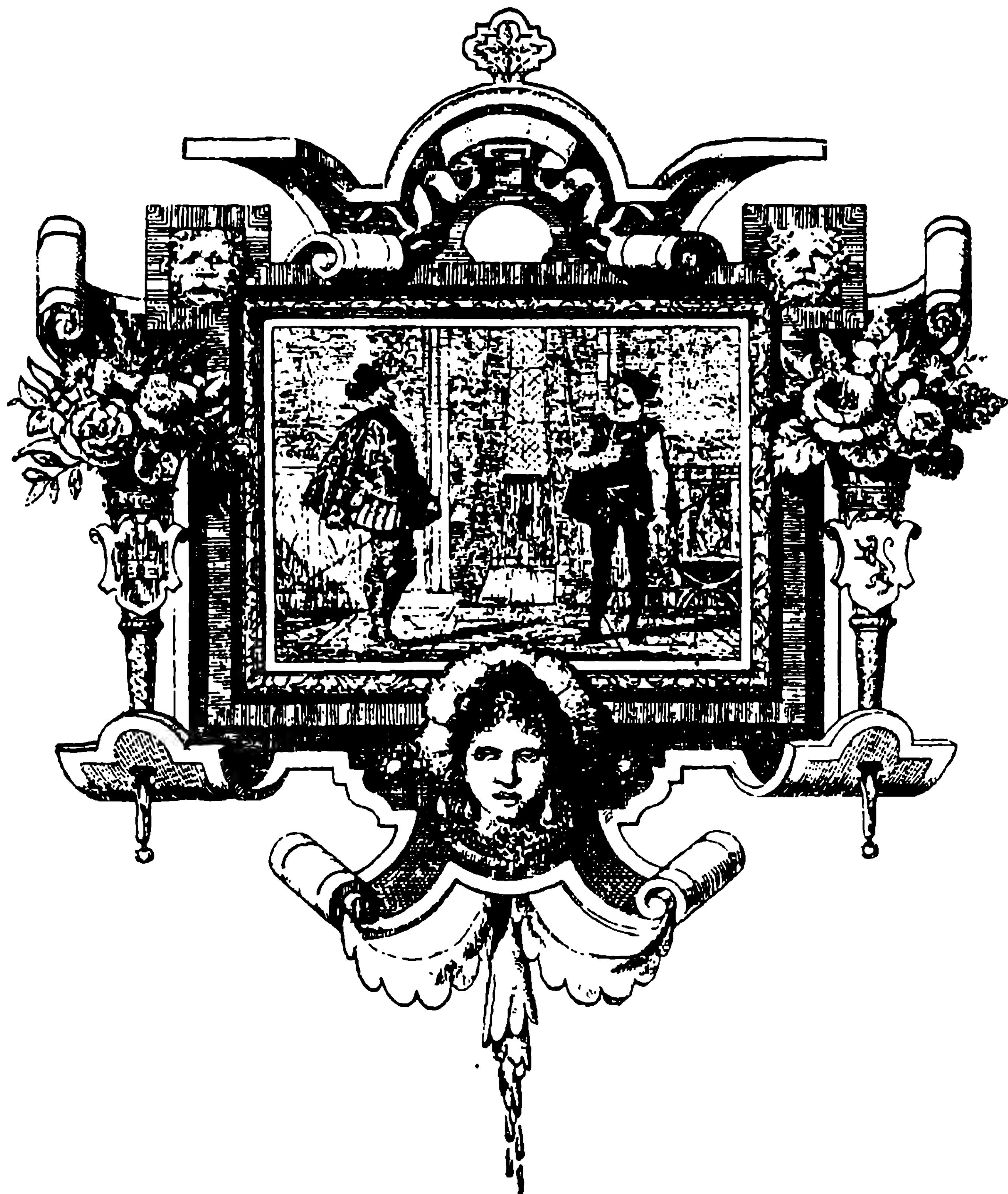
А р м а д о. Дорога не длинна. Поспешай!

М о т ы л е к. Быстрее свинца, сударь.

А р м а д о. Что это значит, любезный мой выдумщик?

Свинец ведь тяжкий, грузный,
медлительный предмет.

Заставка художника Жана Лемана

М о т ы л е к

Minime ¹, мой хозяин; мне кажется, что нет.

А р м а д о

Свинец — не скор.

М о т ы л е к

Но слишком поспешен ваш ответ.

Свинец-то разве медлит, когда летит из пушки?

А р м а д о. О, перл риторики!

Ты,—бомба, раз, я—пушка. И выпалить собрался
В мужлана я тобою.

М о т ы л е к

Ну, залп! И я помчался.

(Уходит.)

А р м а д о

Остер речистый отрок не по летам порою.
Теперь тебе, о небо, я грусть свою открою
И мужество отброшу, чтоб повздыхать с тоскою.
Но вот и мой посланец.

Возвращается М о т ы л е к с Б а ш к о й.

1 Менее всего (Лат.)

М о т ы л е к

Беда: Башке лодыжку, хозяин, вправить надо.

А р м а д о

Начни с посылы, бросив загадки и шарады.

Б а ш к а. Вот именно: очень мне гадко, и отрады никакой нет. И не получал я, сударь, ни посылы, ни посылки. Ох, сударь! Одно горе! Горе горькое! Не п о с ы л, не посылка, а горе!

А р м а д о. Клянусь честью, как ни крепись, а рассмеешься. Его тупость разгоняет мою меланхолию. Движение моих легких вызывает у меня неподобающую мне улыбку. О, простите меня, светила небесные! Этот недоумок путает п о с ы л с посылкой и посылку с п о с ы л о м !

М о т ы л е к. А разве умник не сделает того же: п о с ы л или посылка — не все ли равно?

А р м а д о

Нет, паж! П о с ы л — концовка иль вывод,
придающий

Отчетливость и ясность всей речи предыдущей.

Например:

Лиса, мартышка, шмель втроем
Не могут четным быть числом.

Это — д а н н о е. Теперь — п о с ы л.

М о т ы л е к. Повторите-ка д а н н о е. Я сам сделаю п о-
с ы л.

А р м а д о

Лиса, мартышка, шмель втроем
Не могут четным быть числом.

М о т ы л е к

Но если гусь к ним подойдет,
То нечет превратится в чет.

Теперь я начну с д а н н о г о, а вы прибавьте п о с ы л.

Лиса, мартышка, шмель втроем
Не могут четным быть числом.

А р м а д о

Но если гусь к ним подойдет,
То нечет превратится в чет.

М о т ы л е к. Отличный п о с ы л в виде гуся! Чего еще
душе желать?

Б а ш к а

И вовремя же парень гуся приплел, клянусь!
Удачна сделка, сударь, когда упитан гусь.
На рынке этот малый обманет все и вся
И для посылы купит вам жирного гуся.

А р м а д о

Постой! В чем было дело, когда я в спор вступил?

М о т ы л е к

Башке лодыжку, сударь я вправить предложил.
А вам посыл был нужен.

Б а ш к а

Тут охнул я, а парень, придумав свой посыл,
На данное ответил и вам гуся всучил.
Тем торг и был закончен.

А р м а д о. Но скажи на милость, каким же это образом
у Башки повреждена лодыжка?

М о т ы л е к. Извольте, я расскажу об этом с чувством.

Б а ш к а. Да нет, ты не сумеешь, так как сам-то этого не
почувствовал. Лучше уж я расскажу об этом в виде посылы:

К вам я, Башка, пустился бежать, не чуя ног,
Но вывихнул лодыжку, споткнувшись о порог.

А р м а д о. Ну, хватит разговаривать об этой материи.

Б а ш к а. Покуда из распухшей лодыжки не вытечет вся
материя.

А р м а д о. Слушай, Башка, я решил позволить тебе рас-
крепоститься.

Б а ш к а. Да, поститься мне не очень-то по душе: я боль-
ше люблю гусиные посылы.

Армадо и Мотылек. Худ. Бэйам Шоу

А р м а д о. Клянусь моей нежной душой, я хотел сказать, что возвращаю тебе свободу, выпускаю тебя на волю, ибо ты пребывал в заключении, в темнице, в тюрьме, под запором.

Б а ш к а. Так как, а вы, значит, будете вроде слабительного при моем запоре?

А р м а д о. Я дарую тебе свободу, отпускаю тебя на волю и взамен этого ставлю одно условие: передай поселянке Жакнете этот знак внимания. *(Дает ему письмо.)* А вот тебе репарация *(дает ему деньги)*, ибо главная гарантия моего высокого достоинства в том, что я гарантирую вознаграждение моим подчиненным. Мотылек, следуй за мной. *(Уходит.)*

М о т ы л е к

Как день вослед за ночью.

Прощай, Башка почтенный!

Б а ш к а

О, лакомый кусочек! Лукавства перл бесценный!

М о т ы л е к уходит.

А теперь посмотрим, что это еще за репарация. Репарация! Да это латинское слово означает всего-навсего три гроша. Три гроша — репарация. “Сколько стоит эта лента?” — “Три гроша”. — “Нет, я заплачу вам репарацию”. Вот это да! Репарация-то звучит внушительнее, чем французская крона. Никогда не буду ни покупать, ни продавать без этого слова.

Входит Б и р о н.

Б и р о н. А, милейший Башка! Вот кстати я с тобой встретился.

Б а ш к а. Скажите, пожалуйста, сударь, сколько лент тельного цвета можно купить на репарацию?

Б и р о н. А что такое репарация?

Б а ш к а. Осмелюсь доложить, сударь, три гроша.

Б и р о н. Значит, и купить можно на три гроша.

Б а ш к а. Покорно благодарен, ваша милость. Имею честь кланяться.

Б и р о н

Стой, малый! Порученье есть,
И ты его исполнишь, если хочешь
Мое благоволение заслужить.

Б а ш к а. А когда его нужно исполнить?

Б и р о н. Сегодня днем.

Б а ш к а. Слушаюсь, сударь, будет исполнено. До свиданья.

Б и р о н. Но ты же не знаешь, в чем оно заключается.

Б а ш к а. Исполню, так узнаю.

Б и р о н. Брось дурачиться, мошенник! Нужно раньше знать, в чем дело.

Б а ш к а. Вот я и приду к вашей милости завтра утром пораньше.

Б и р о н. Нет, это надо сделать сегодня же. Слушай, поручение состоит в следующем:

Сюда придет охотиться принцесса.
С ней будет благородная девица,
Чье имя Розалина. Нет на свете
Имен нежнее! Ты ее отыщешь
И в руки белоснежные ей вложишь
Вот эту запечатанную тайну.
Возьми свой гонорарий и ступай.

(Дает ему шиллинг.)

Б а ш к а. Гонорарий? Очень приятный гонорарий. Лучше, чем репарация. На целых одиннадцать пенсов и один грош лучше. Очень-очень приятный гонорарий. Все сделаю, сударь, как по писаному. Гонорарий! Репарация! *(Уходит.)*

Б и р о н. Как? Я на самом деле влюблен? Я, который всегда был бичом любви.

Гонителем заядлым томных вздохов,
Их критиком, суровым полицейским,
Я, кто был строже, чем педант-учитель
Со школьником, с мальчишкой Купидоном!
Слепой, плаксивый, своенравный мальчик,
Дитя и старец, карлик и гигант,
Правитель рифм, властитель рук сплетенных,
Помазанник унылых воздыханий,
Король разочарованных лентяев,
Владыка юбок и монарх штанов,

Ты — император и верховный вождь
Прелюбодеев. Как я слаб душою!
Мне ль быть капралом в армии твоей
И, как шуту, цвета твои носить?
Что? Я влюблен? За женщиной охочусь?
Она ж непостоянней, ненадежней,
Капризней, чем немецкие часы,
Которые всегда неверно ходят,
Как ни трудись ухаживать за ними.
Но худшее — в том, что обет нарушил
И худшую из трех я полюбил:
Белесую, бровастую бабенку
С шарами смоляными вместо глаз.
Клянусь, ее от блуда не удержишь,
Хоть Аргуса поставь над нею стражем.
А я по ней томлюсь! Молю ее!
Из-за нее не сплю! Наверно, мне,
Презревшему могущество его,
Мстит всемогущий крошка Купидон.
Что ж! Вздохи, письма, просьбы пустим в ход:
Ведь любишь ту, кого судьба пошлет.

(Уходит.)

АКТ IV

Сцена 1

Там же.

Входят принцесса со свитой, Розалина, Мария,
Катерина, Бойе и лесничий.

П р и н ц е с с а

Кто там коня прищпоривал так рьяно,
На холм взлетая? Это был король?

Б о й е

Не знаю, но сдается, что не он.

П р и н ц е с с а

Кем бы он ни был, дух его высок.
Ну, господа, покончив с делом нынче,
В субботу мы во Францию уедем.
Эй, друг-лесничий, укажи нам чащу,
Где мы могли б в убийство поиграть.

Л е с н и ч и й

Пройдемте на опушку этой рощи —
Там самая прекрасная охота.

П р и н ц е с с а

Прекрасна я, и страсть моя — охота.
Не потому ль, все это сопоставив,
Ты мне сулишь прекрасную охоту?

Л е с н и ч и й

Простите, я не то в виду имел.

П р и н ц е с с а

Как? Ты хвалу обратно взять посмел?
Увы! Недолго ж слава тешит нас!

Л е с н и ч и й

Прекрасны вы.

П р и н ц е с с а

Не льсти на этот раз.
Прекрасной я не стану от прикрас.
Возьми-ка мзду, правдивое зеркало.

(Дает ему деньги.)

Дать золотой за брань — отнюдь не мало.

Л е с н и ч и й

Все дышит в вас одною красотой!

П р и н ц е с с а

Как? Красоту вернул мне золотой?
Вот где порок, присущий нашим дням:
Хвалить мы склонны тех,
кто платит нам.

Ко мне, мой лук! Я доброты полна,
Но, раз охочусь, злою быть должна.
Нет, на охоте не грозит мне срам:
Сошлюсь на жалость, если промах дам,
И объясню, попав, что не убить
Хотелось мне, а ловкость проявить.
Вот так порой, и в этом нет сомненья,
Кичливость порождает преступленья.
Меняем мы на почести и лесть
То лучшее, что в нашем сердце есть.
И лань я из тщеславия убью,
Хоть к ней ни капли злобы не таю.

Б о й е

Не то же ль чувство воодушевляет
Ту дрянь-жену, которая желает
Себя над мужем госпожой поставить?

П р и н ц е с с а

О да, тщеславье. И должны мы славить
Жен, спесь с господ своих сумевших сбавить.

Входит **Б а ш к а**.

Но вот один из королевской братьи.

Б а ш к а. Добрый день всей компании. Скажите на милость, где здесь дама, которая всем голова?

П р и н ц е с с а. А разве ты, приятель, сам не можешь догадаться: ведь у остальных-то нет голов.

Б а ш к а. Кто здесь самая наибольшая, самая высокая?

П р и н ц е с с а. То есть самая толстая и самая длинная?

Б а ш к а

Кто толще и длинней всех прочих? Ваша правда.
Ваш стан, будь он так тонок и гибок, как мой разум,
В браслет любой из этих девиц пролез бы разом.
Вы — толще всех и, значит, всем прочим голова?

П р и н ц е с с а

Чего же ты желаешь?

Б а ш к а

Письмо для Розалины Бирон прислал со мною.

П р и н ц е с с а

Мы с ним друзья, любезный. Письмо сама я вскрою.
Подай его... Дичину, Бойе, вы резать мастер.
Вскрывайте ж птичку.

Б о й е

Вам я служить почту за счастье.
Но адрес перепутан посланцем, без сомненья.
Посланье-то — к Жакнете.

П р и н ц е с с а

Довольно промедленья,
Сверните шею воску и начинайте чтение.

Б о й е (*читает*). “Клянусь небом, несомненно, что ты прекрасна, неоспоримо, что ты красива, истинно, как сама истина, что ты привлекательна. Ты, которая красивее красоты, привлекательней привлекательности, истинней истины, сжался над твоим героическим вассалом! Доблестный и достославный король Кофетуа обратил взоры свои на пагубную и несомненную нищенку Зенелофрн. И он имел полное право сказать: *venī, vīdī, vīcī*, что в переводе на язык черни — о, этот низкий и невнятный язык! — означает, *videlicet* ¹: пришел, увидел, победил. Пришел — раз, увидел — два, победил — три. Кто пришел? Король. Зачем пришел? Чтоб

1 Следовательно, то есть. (*Лат.*)

увидеть. Зачем увидел? Чтобы победить. К кому пришел? К нищенке. Кого увидел? Нищенку. Кого победил? Нищенку. В итоге — победа. На чьей стороне? На стороне короля. Жертва выиграла. На чьей стороне выигрыш? На стороне нищенки. Катастрофа же заключается в браке. С чьей стороны? Со стороны короля? Нет, со стороны обоих в одном или со стороны одного в обоих. Я — король, ибо на это указывает сравнение. Ты — нищенка, ибо об этом свидетельствует твое низкое происхождение. Прикажу ли я тебе любить меня? Мог бы. Прибегну ли для этого к насилию? Сумел бы. Стану ли искать твоей любви? Намереваюсь. Что получишь ты в обмен на отрепья? Наряды. В обмен на убожество? Почести. В обмен на себя? Меня. В ожидании ответа оскверняю мои губы твоими стопами, глаза — твоим обликом, сердце — всеми частями твоего тела.

Твой, в глубочайшей готовности к служению пребывающий

дон Адриано де Армадо.

Овечка, слышишь, как Немейский лев
Рычит, свирепо лапой землю роя?
Склонись пред ним, и он смягчит свой гнев,
И с жертвой позабавится игрою.
Но если с ним попробуешь бороться
Стать пищей для него тебе придется.”

П р и н ц е с с а

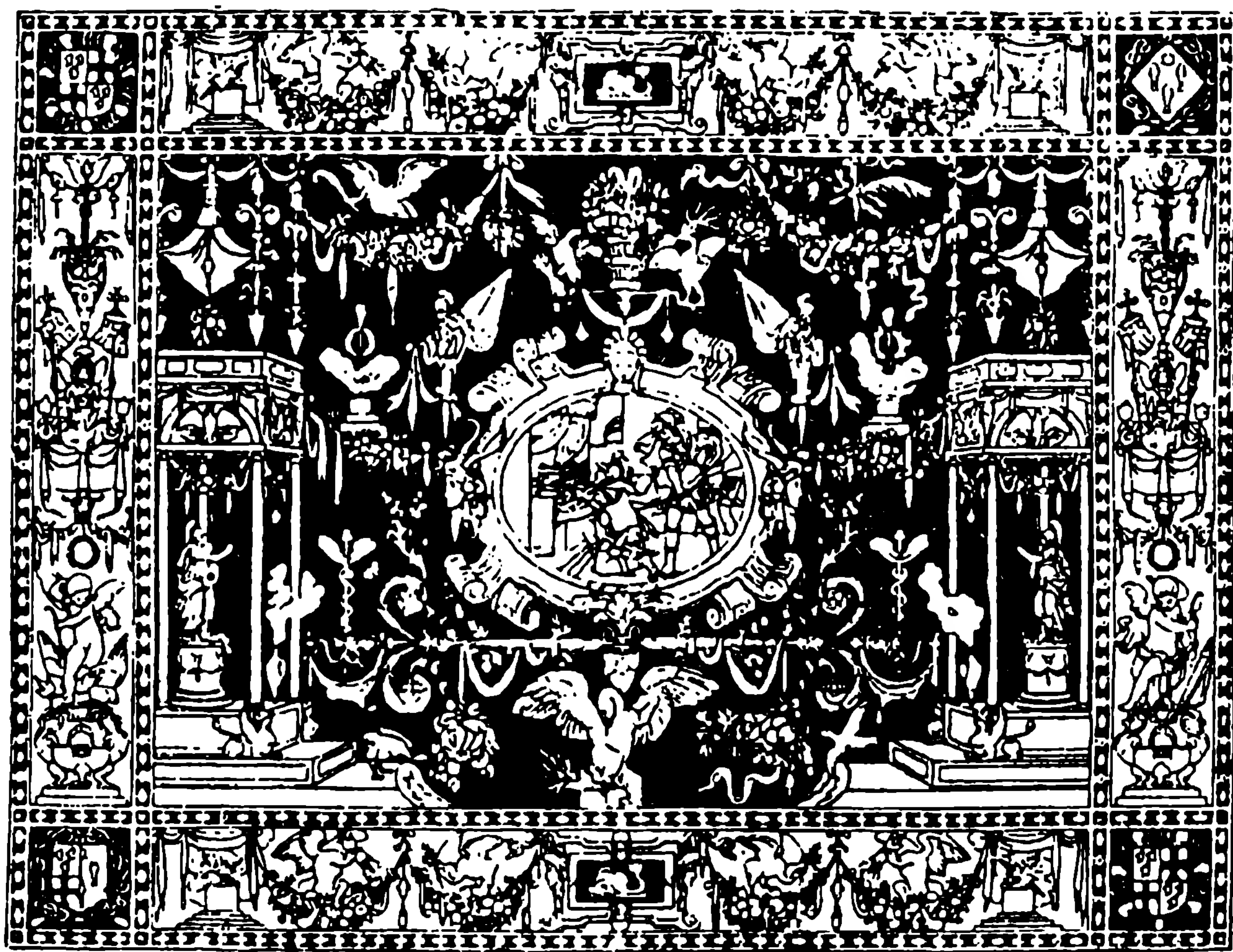
Кто мог сложить такое послание в стихах?
Петух самовлюбленный? Иль щеголь-вертопрах?

Б о й е

Коль я не ошибаюсь, мне этот слог знаком.

П р и н ц е с с а

Еще б! Прочсть успели вы подпись под письмом.

Орнамент эпохи Ренессанса

Б о й е

Письмо писал испанец Армадо, нравом вздорным
Похожий на Монархо и служащий придворным
И королю забавой.

П р и н ц е с с а

Ответь, приятель, внятно,
Кто дал тебе посланье.

Б а ш к а

Мой господин, понятно.

П р и н ц е с с а

К кому ж ты им отправлен?

Б а ш к а

К кому? Известно, к даме.

П р и н ц е с с а

Кто господин? Кто дама?

Б а ш к а

Меня сюда направил мой господин Бирон.
Шлет даме Розалине письмо со мною он.

П р и н ц е с с а

Ты адресом ошибся. Ну, время нам идти.

(Розалине).

Письмо еще получишь. Бедняжка, не грусти.

П р и н ц е с с а с о с в и т о й у х о д и т .

Б о й е

Кто это в сердце ранен?

Р о з а л и н а

Ответить вам, друг мой?

Б о й е

О чудо совершенства, ответь!

Р о з а л и н а

Олень лесной.

Вам мой ответ по вкусу?

Б о й е

Да, нынче насмерть много зверей рогатых ранят,
Но после вашей свадьбы их втрое больше станет.
А мой ответ по вкусу?

Р о з а л и н а

Ну, что ж! Теперь мой выстрел.

Б о й е

А дичь-то где же ваша?

Р о з а л и н а

Хотите, так рогами и вам я лоб украшу.
Вам мой ответ по вкусу?

М а р и я

Не в бровь, а в глаз попал он, Бойе, сдавайтесь.

Б о й е

А ей попало ниже. Что? Меток я? Сознайтесь.

Р о з а л и н а. Насчет твоей меткости я могу сказать стишком, который уже состарился к тому времени, когда король Пипин Французский был еще мальчишкой.

Б о й е. А я тебе тоже ответу песенкой которая уже состарилась к тому времени, когда королева Джиневра Британская была еще девчонкой.

Р о з а л и н а

Попасть ты не можешь, не можешь, не можешь,
Не можешь, мой друг дорогой.

Б о й е

Пусть я не могу, не могу, не могу,
Но сможет попасть другой.

Б а ш к а

Ну и потеха, право! Стрелки, видать, умелы.

М а р и я

Да, точно в центр мишени они вгоняют стрелы.

Б о й е

В мишень? Тогда давайте начертим круг на ней,
Чтоб в бок не угодил я, спеша, стрелой своей.

М а р и я

Вы цель пробить не в силах: слаба у вас рука.

Б а ш к а

А вы б поближе встали — так легче для стрелка.

Б о й е

В моей руке нет силы, но есть в руке ее.

Б а ш к а

Пусть в круг сама рукою направит острие.

М а р и я

Фи, мерзость! Вряд ли можно найти язык грязнее!

Б а ш к а

Играть в шары вам лучше:
в стрельбе не сладить с нею.

Б о й е

Я расколоть боюсь их. Эй, филин, честь имею!

Б о й е и М а р и я уходят.

Б а ш к а

Клянусь душой моею, он просто грубиян.
Но дамами и мною ему урок был дан.
Ух, до чего ж все ловки. Крепка любая шутка:
На первый взгляд невинна, а непристойна жутко.
Вот, например, Армадо. — Ну, чем не кавалер!
Как вьется возле дамы, ей веер подает,
Целует нежно ручки, пускает клятвы в ход!
А паж его! О боже! Совсем мозгляк на вид,
Зато поди поспорь с ним — троих переострит.

За сценой шум охоты.

Э-гей! Э-гей!

(Убегает.)

Сцена 2

Там же.

Входят О л о ф е р н, отец Н а т а н и э л ь
и Т у п и ц а.

Н а т а н и э л ь. Воистину забава сия достойна уважения,
что и могу засвидетельствовать с чистой совестью.

О л о ф е р н. Олень, как вы видели, был sanguis¹ — хороших кровей, зрелый, как наливное яблоко, которое, подобно рубину, висит и висит в ухе coelum — неба, тверди, небосвода, — а потом вдруг низвергается, как плод дикой яблони, на лик terra — земли, почвы, континента.

Н а т а н и э л ь. Воистину, господин Олоферн, вы разнообразите эпитеты ваши с приятностью, которой позавидует любой ученый, но смею вас заверить сударь, что это был козел, еще не менявший первых рогов.

О л о ф е р н. Отец Натаниэль, haud credo².

Т у п и ц а. Да не haud credo это был, а козленок.

О л о ф е р н. Какое невежественное сопоставление! Это прямо инсинуация, сделанная in via — на пути к экспликации, которая имела целью facere³ реплику или скорее ostentare — раскрыть ваше намерение с помощью столь неподобающей. неучливой, невежливой, необдуманной, неуклюжей, вернее, необразованной, или, что еще вернее, вовсе несообразной попытки уподобить мое haud credo оленю.

Т у п и ц а. А я говорю, что зверь был не haud credo, а козленок.

О л о ф е р н

Дважды прокипяченная глупость.

1 Кровь. (Лат.)

2 Не верю. (Лат.)

3 Сделать. (Лат.)

**О, как твой чудовищный облик,
невежество, странен и дик!**

Натаниэль

Но он ведь не пробовал меда,
что мы извлекаем из книг.

Он, смею так выразиться, не ел бумаги и не пил чернил, так что ум его не получил пищи. Он вроде животного, у которого восприимчивостью обладают только самые грубые органы.

**Вид этих бесплодных растений признательность
должен внушать.**

**Нам, людям, которые могут плоды воспитания
вкусать.**

**Как глупым, болтливым, тщеславным
я не в состоянии быть,**

**Так было б нелепо за книгу подобных
невежд засадить.**

Но я, говоря *отне bene*¹,
сошлюсь на старинное мнение:

**“Иной, кому по сердцу буря,
от ветра приходит в смятение”.**

1 Все хорошо. (Лат.)

Т у п и ц а

Вы оба — ученые люди. Кто мне, господа, назовет,
О ком говорится в загадке “Четыре недели в тот год,
Как Каин родился, мне было, а пятая — все не идет”?

О л о ф е р н

О Диктине, добрейший Тупица, о Диктине.

Т у п и ц а

Это что еще за Диктина?

Н а т а н и э л ь

Это наименование Фебы, Lunaе, луны.

О л о ф е р н

Когда Адаму месяц исполнился всего,
Луна была на небе ровесницей его.
Хотя с тех пор он прожил пять раз по двадцать лет,
Луна не постарела: пяти недель ей нет.

От перемены названий соотношение не меняется.

Т у п и ц а. Что верно, то верно: от перемены названий
сношение не меняется.

О л о ф е р н. Да укрепит твой разум Всевышний. Я гово-
рю: от перемены названий соотношение не меняется.

Т у п и ц а. Ну и я говорю, что от перемены названий
поношение не меняется. Лу́не больше месяца отродясь не

бывало. А еще я говорю, что олень, застреленный принцессой, был козленком.

О л о ф е р н. Отец Натаниэль, угодно вам выслушать симпровизированную мной эпитафию на смерть этого животного? Для вящего разумения невежд я именую оленя, которого застрелила принцесса, козлом.

Н а т а н и э л ь. Perge¹, почтеннейший Олоферн, perge, но только избегайте, пожалуйста, неблагопристойностей.

О л о ф е р н. Я позволил себе некоторую игру созвучий, ибо это придает стихам легкость.

Принцесса, прелести полна, прицелившись, попала
В козла, который скок козлом в кусты, но меж кустов
Свалился с ног, стрелой сражен. Собачья стая стала
Рвать раны робкой жертвы в кровь,

рыча под рев рогов.

Так, зло и всем козлам назло, беззлобному козлу
Принцесса причинила зло, хоть не склонна ко злу.

Н а т а н и э л ь. Редкая способность!

Т у п и ц а (в сторону). Драть чужие уши. Это он доказал.

О л о ф е р н. Природа дарования, коим я обладаю, очень-очень проста. Ум мой от рождения предрасположен к фантазии, причудливо выражающейся в образах, фигурах, формах, предметах, понятиях. представлениях, порывах и отступлениях. Зачинаются они во чреве памяти, возрастают

1 Продолжай, валяй. (Лат.)

в лоне *pia mater*¹ и рождаются на свет с помощью благо-
склонной случайности. Но дарование расцветает лишь в
том, в ком оно достигает остроты. Мне на свое жаловаться
не приходится.

Н а т а н и э л ь. Сударь, я благодарю творца, пославшего
нам вас. И мои прихожане тоже. Вы отлично печетесь об их
сыновьях, да и дочерям их от вас большая польза. Вы —
добрый член нашей общины.

О л о ф е р н. *Mehercle*² ! Если их сыновья сообразитель-
ны, я не обделю их познаниями; если их дочери способны,
я приспособлю их к делу. Но *vir sapit, qui rauca loquitur*³.
Какая-то особа женского пола приветствует нас.

Входят Ж а к н е т а и Б а ш к а.

Ж а к н е т а. Добрый день, наш духовный отец.

О л о ф е р н. “Духовный” — “Дух-овный”! Почти что
“дух овна”. Кого же вы это подразумеваете?

Б а ш к а. Отца Натаниэля, господин учитель. Ведь он
больше всех личиком на барана похож.

О л о ф е р н. Овен — баран! Какой проблеск остроумия в
этой щепоти праха! Для кремня в нем довольно искры, для
свиньи — бисера. Очень мило! Очень удачно!

1 Мозговая оболочка. (Лат.)

2 Клянусь Геркулесом. (Лат.)

3 Малоречивый муж мудр. (Лат.)

Ж а к н е т а. Отец мой, будьте добры, прочтите мне это письмо. Мне принес его Башка, а прислал дон Армадо. Прошу вас, прочтите, пожалуйста.

О л о ф е р н. “Fauste, precor gelida, quando pecus omne sub umbra guminat...”¹ и так далее. О, добрый старый Мантуанец! Смею сказать о тебе то же, что путешественники о Венеции:

“Venegia, Venegia,
Chi non te vede, non te pregia”².

Старый Мантуанец! Старый Мантуанец! Тебя не ценит лишь тот, кто не понимает. До-ре-соль-ля-ми-фа. — Прошу прощения, сударь, каково содержание письма? Или, вернее, как говорит Гораций в своих... каких, то есть, стихах?

Н а т а н и э л ь. Да, сударь, в стихах и притом очень искусных.

О л о ф е р н. Дайте мне прослушать какую-нибудь строфу, один куплет, один стих. Lege, domine.³

Н а т а н и э л ь

“Как клясться мне в любви? Я клятву преступил.
Ах, лишь одной красе мы верность соблюдаем.
Но, изменив себе, тебе я верен был.

1 “Фауст, прошу тебя — пока весь скот пасется в прохладной тени...” (Лат.)

2 “Венеция, Венеция, кто тебя не видит, не может тебя оценить”. (Итал.)

3 Читайте, сударь. (Лат.)

Мой дух, сей дуб, тобой, как ветвь лозы, сгибаем.
В тебе наука вся. Твои глаза — родник,
Где можно почерпнуть все радости ученья.
Тот, кто познал тебя, познания достиг;
Тот мудр, чей ум сумел тебе воздать хваленья.
Лишь неуч не придет в восторг перед тобой.
Коль горд я смею быть, горжусь, что обожаю
И пламя глаз твоих, и голос гневный твой,
Который музыкой небесной почитаю.
О неземная, я простить меня молю
За то, что языком земным тебя хвалю”.

О л о ф е р н. Вы скандируете небрежно, и поэтому теряется размер. Дайте мне взглянуть на канцонетту... Здесь соблюдено только количество стоп, но изящество, легкость и золотая поэтическая каденция — caret¹ А вот Овидий Назон был мастером в этих делах. За что его называли Назоном? За то, что он имел нюх на благоуханные цветы воображения, на причуды вымысла. Imitari² — грош цена: и собака подражает псарю, обезьяна — хозяину, выездженная лошадь — седоку. Итак, девственная damosella³, письмо адресовано вам?

Ж а к н е т а. Так точно, сударь. Оно от Бирона, придворного иноземной принцессы.

1 Отсутствует, не хватает. (Лат.)

2 Подражать. (Лат.)

3 Девушка. (Искаж. франц.) .

О л о ф е р н. Жажду взглянуть на адрес. “В белоснежные руки прелестнейшей госпожи Розалины”. Просмотрю-ка еще раз все письмо, чтобы узнать из подписи имя отправителя. “Вашей милости покорнейший слуга Бирон”; — Отец Натаниэль, этот Бирон один из сподвижников короля по обету затворничества. Письмо же написано им одной из фрейлин иностранной принцессы и, по ошибке или по пути следования, попало не по назначению. — (Жакнете). Ты, душа моя, отчаливай, беги и вручи это послание королю в собственные руки. Оно может иметь большое значение. Не мешкай, прощаясь. Освобождаю тебя от этой условности. До свиданья!

Ж а к н е т а. Идем со мной, добрый Башка. — Храни вас бог, сударь!

Б а ш к а. Пошли, девочка.

Б а ш к а и Ж а к н е т а уходят.

Н а т а н и э л ь. Сударь, вы поступили как человек богобоязненный. По этому поводу сказано у одного из отцов церкви...

О л о ф е р н. Сударь, не говорите мне об отцах церкви. Я боюсь преувеличенных похвал. Но возвратимся к стихам. Понравились они вам, отец Натаниэль?

Н а т а н и э л ь. Написаны они великолепно.

О л о ф е р н. Сегодня я зван на обед к отцу одного из моих питомцев. Если вы соблаговолите почтить эту трапезу своим присутствием и благословением, я ручаюсь, — ибо пользуюсь влиянием на родителей вышесказанного дитяти

или питомца, — вы будете там *ben venuto*¹. И я докажу вам, что эти стихи безграмотны и лишены аромата поэзии, изобретательности и остроумия. Не откажите составить мне компанию.

Н а т а н и э л ь. Покорно благодарю, ибо компания, как гласит писание, украшает жизнь.

О л о ф е р н. И на этот раз текст писания непогрешимо верен.

Т у п и ц а. Вас, приятель, я тоже приглашаю. Никаких отговорок, — *рауса verba*² Вперед! Господа забавляются охотой. Не худо и нам развлечься.

Уходят.

Сцена 3

Там же.

Входит **Б и р о н** с бумагой в руке.

Б и р о н. Король гонится за оленем, а я — за самим собой. Он расставляет силки и мажет их смолой, а я сам запутался в них и выпачкался в смоле. А смола марает. Замаран — мерзкое слово. Ну, что ж! Посиди со мной, скорбь. Так, говорят, говорил шут. И я говорю то же. Значит, я тоже шут. Верная мысль! Клянусь создателем, любовь безумна, как Аякс. Он убивал баранов, она убивает меня.

1 Желанный гость. (*Итал.*)

2 Без лишних слов. (*Лат.*)

Стало быть, я тоже баран. Опять-таки верная мысль! Не хочу я быть влюбленным! Пусть меня повесят, если лгу. Совсем не хочу. Но глаза у нее! А ведь я только и делаю, что лгу. Да еще самому себе. Видит небо, я влюблен. Любовь обучила меня стихотворству и меланхолии. И вот уже готов образец моих стихов и моей меланхолии. У госпожи в руках один из моих сонетов. Послал его шут, отнес дурак, получила дама. О милый шут, дурак милее тебя, а уж дама всех милее. Клянусь, я б не стал беспокоиться так, попадись и другие впросак. Да вот один из них; в руках у него бумага. Помоги ему, господи, повздыхать в свое удовольствие. *(Влезает на дерево.)*

Входит король с бумагой в руках.

Король. Ах!

Бирон *(в сторону)*. Ей-богу, и он ранен. Продолжай, милый Купидон. Твоя пернатая стрела угодила ему под левый сосок. Сейчас узнаю все его тайны.

Король
(читает)

“Луч золотого солнца не затмит,
В час утра розу влажную целуя,
Твой взор, с моих стирающий ланит
Росу, которой ночью их залью я.

Светлей, чем полный месяц в небесах,
Глядящийся в серебряные волны,

Твой лик, который отражен в слезах,
Из глаз моих струящихся безмолвно.

Меж них любую ты считать могла б
Своею колесницей триумфальной:
Тебе в слезе, которой плачет раб,
Тем больше чести, чем она печальней.

Так не люби, коль хочешь, чтоб сверкал
Твой лик всегда из этих слез-зеркал.
Цариц царица, ум и речь не властны
Постичь и передать, как ты прекрасна”.

Как ей поведать о моей печали?
Письмо в ветвях оставлю. О листва,
Мое безумье скрой! — Кто там идет?

(Прячется за дерево).

Входит Л о н г в и л ь с бумагой в руке.

К о р о л ь
(в сторону)

Лонгвиль! Ба, он читает. Слух, внимли!

Б и р о н
(в сторону)

Уже три дурака сюда пришли.

Л о н г в и л ь

Ах! Я обет поправ!

Б и р о н
(в сторону)

Бумагу держит
Он, как клятвопреступник, на груди.

К о р о л ь
(в сторону)

Влюблен! Я рад, что делит он мой срам.

Б и р о н
(в сторону)

Пьянчужек любит тот, кто выпил сам.

Л о н г в и л ь

Ужели первым я обет презрел?

Б и р о н
(в сторону)

Утешься! От двоих ты уж отстать успел.
Триумвират наш полон. Вслед двум другим
влюбленным
На рею тройную вздернут ты будешь Купидоном.

Л о н г в и л ь

А вдруг сложил бездарные стихи я?
Любви моей владычица! Мария!
Порву их. Ведь не все из нас пииты.

Б и р о н
(в сторону)

Стихи — галун,
 в штаны Амура вшитый.
Не рви его одежду.

Л о н г в и л ь

Будь что будет.

(Читает.)

“Хоть ты смогла риторикой очей, —
Кто с ней, небесной, спорить в состоянье? —
Меня от клятвы отвратить моей,
Я не страшусь за это наказанья.

Нет, не презрел я клятву. Ты — богиня,
А я от женщин отрекался лишь
И получу помилованье ныне,
Коль милостью меня ты подаришь.

Обет — дыханье, а дыханье — пар.
Впивай его, как солнце в вышине,
Не отвергая мой смиренный дар.

Хоть я виновен, нет вины на мне:
Какой глупец откажется от рая,
Земной обет нарушить не желая?”

Бирон, спрятавшийся на дереве. Рис. Бэйама Шоу

Б и р о н
(в сторону)

Богиню гусыню и мясо божеством
Он счел, влюбясь. Что делать с таким еретиком?
Прости, господь, но страсти нас всех с пути собьют.

Входит **Д ю м е н** с бумагой в руке.

Л о н г в и л ь

Как переслать? — Бежим. Сюда идут.

(Прячется за дерево.)

Б и р о н
(в сторону)

Играют в прятки ребятишки тут.
Как полубог, вверху я восседаю,
За тайнами безумцев наблюдаю.
Дюмен! На мельницу еще мешок!
Четвертый карп попался на крючок.

Д ю м е н

Божественная Кет!

Б и р о н
(в сторону)

Эх, простачок!

Д ю м е н

Клянусь, сияешь ты красой небесной!

Б и р о н
(в сторону)

Клянусь, он лжет: она весьма телесна.

Д ю м е н

Ты золото затмишь своей косой.

Б и р о н
(в сторону)

Вот диво! Ворон масти золотой!

Д ю м е н

Стройна, как кедр!

Б и р о н
(в сторону)

Вот врать ему не лень:
Плечом она крива.

Д ю м е н

Светла, как день!

Б и р о н
(в сторону)

Да, если с хмурым днем сравнить ее.

Д ю м е н

Осуществись, желанье.

Л о н г в и л ь
(в сторону)

И мое!

К о р о л ь
(в сторону)

О боже, и мое сверши!

Б и р о н
(в сторону)

Аминь — да и мое! Молитвы хороши!

Д ю м е н

Она, как жар, живет в моей крови:
Хочу забыть, но помню о любви.

Б и р о н
(в сторону)

Как жар в крови? О, бред пустой, хоть сладкий!
Пустите кровь — и будет все в порядке.

Д ю м е н

Еще разок письмо я прочитаю.

Б и р о н
(в сторону)

Еще одной я глупости внимаю.

Д ю м е н
(читает)

“Раз весной, — увы, весь год
Для любви весна цветет, —
Розу я увидел вдруг.
Ветер тихо дул на луг
И, резвясь, лобзал слегка
Венчик бархатный цветка.
Я, ревнуя к ветерку
И томясь, сказал цветку:
— Если б этих нежных щек
Я, как он, коснуться мог!
Но тебя мне рвать не след:
Руки мне связал обет.
Ах, он тяжек молодым:
Розы рвать в охоту им.
Не сочти за грех, молю,
Что его я преступлю.
Если б Зевс тебя нашел,
Он жену б арапкой счел,
О бессмертье позабыл
И тебя одну любил!”

Послав стихи, письмо к ним приложу.
В нем о сердечных муках расскажу.
О, если бы король, Лонгвиль, Бирон
Влюбились тоже, был бы извинен
Мой грех и смыт с чела позора след —
Где виноваты все, виновных нет.

Л о н г в и л ь
(подходит)

Дюмен, любовь безжалостна твоя.
Зачем в тоске тебе нужны друзья?
Бледнеешь ты? Я б стал красней огня,
Подслушай так же кто-нибудь меня.

К о р о л ь
(подходит)

Красней! Раскрыта и твоя измена.
Ты согрешил вдвойне, браня Дюмена.
О да! К Марии нет любви в Лонгвиле.
Вы в честь ее сонет не сочинили.
Руками вы не стискивали грудь,
Чтоб сердце успокоить как-нибудь.
Тем временем я здесь в кустах сидел
И, видя вас, за вас двоих краснел.
Я слышал все греховные признанья,
Стихи и речи, вздохи и стенанья.

Один взывал: “Увы!”, другой — “Зевес!” —
“Ах, злато кос!” — “Ах, очи — синь небес!”

(Лонгвилю.)

Один, чтоб в рай войти, нарушил слово.

(Дюмену.)

Распутником стал Зевс в устах другого.
Что б вам сказал Бирон, будь он при этом
Глумленье над торжественным обетом?
Как издевался б, как торжествовал,
Острил, смеялся, прыгал, ликовал!
За всю мою казну, скажу по чести,
Быть не хотел бы я на вашем месте.

Б и р о н

Ну, время наказать ханжей настало.

(Слезает с дерева.)

Мой государь, прошу простить вассала.
Вы за любовь корите двух червей,
А сами влюблены еще сильнее.
Не ваши ль слезы словно колесницы?
Не в них ли лик принцессы сохранится?
О, нет! Уж вы-то клятвы не презрели!
Сонеты ж пишут только менестрели!
Не стыдно ль вам за ханжество такое,
В котором вы уличены все трое?
В глазах вы сор узрели у других;

В них вижу я бревно у всех троих.
О, при какой присутствовал я сцене!
Безумье, грусть, стенанья, вздохи, пение!
О, как я долго молча возмущался
Тем, что монарх в букашку превращался,
Что на скрипице Геркулес пиликал,
Что джигу мудрый Соломон мурлыкал,
Что Нестор в чехарду с детьми играл
И что Тимон их игры одобрял!
Дюмен любезный, что за мрачный вид?
Лонгвиль, признайтесь, что у вас болит?
У вас, король? Живот? Грудная клетка?
Эй, рвотного!

К о р о л ь

Ты шутишь слишком едко.
Ужель наш срам тобой разоблачен?

Б и р о н

Не мною вы — я вами осрамлен,
Я, честный, я, наивный, я, считавший
Грехом презреть обет, меня связавший.
Как посрамлен за дружбу с вами я,
Мои непостоянные друзья!
Видали ль вы, чтоб я стихи строчил,
Вздыхал по юбкам, щегольством грешил?
Пришлось ли вам когда-нибудь слышать,

Чтоб восхвалял я формы, плечи, стать,
Походку, ручки, ножки, грудь, персты,
Глаза...

(Хочет бежать.)

К о р о л ь

Зачем бежать, раз честен ты.
Лишь вору есть нужда в подобной прыти.

Б и р о н

Бегу любви. Влюбленные, пустите.

Входят Ж а к н е т а и Б а ш к а

Ж а к н е т а

Храни вас бог, король.

К о р о л ь

С чем вы пришли?

Б а ш к а

С изменой.

К о р о л ь

Как вы впасть в нее могли?

Б а ш к а

Никак.

К о р о л ь

А если так, то вы с изменой вашей
Уйдите с глаз моих, иль вас прогонят взашей.

Ж а к н е т а

Письмо, государь, соизвольте прочесть.
Священник сказал, что измена в нем есть.

К о р о л ь

Бирон, читай.

(Дает ему письмо.)
Кто дал тебе его?

Ж а к н е т а

Как кто? Башка.

К о р о л ь
(Башке)

Кто дал тебе его?

Б а ш к а

Дун Аграмадьо, дун Аграмадьо.

К о р о л ь

Бирон, да что с тобою? Зачем ты рвешь листки?

Б и р о н

Вы, государь, не бойтесь: там только пустяки.

Л о н г в и л ь

Однако он взволнован. Прочту-ка я клочки.

(Подбирает их.)

Д ю м е н

Да то Бирона почерк. И подпись здесь его.

Б и р о н

(Башке)

Ублюдок, ты причина позора моего!

Виновен я, виновен и каяться готов.

К о р о л ь

В чем?

Б и р о н

В том, что перед вами четвертый из глупцов.

Вы, я и эти двое уличены в обманах.

Пусть Купидон повесит нас, как воров карманных.

Ушлите посторонних, чтоб я во всем сознался.

Д ю м е н

Числом мы стали четным.

Б и р о н

Четвертым я попался.
Пусть голубки уходят.

К о р о л ь

А ну-ка вон! Живее!

Б а ш к а

Изменники остались, а честных гонят в шею.

Жакнета и Башка уходят.

Б и р о н

Друзей в любви обнять позвольте мне!
Верны, как плоти кровь, себе мы были.
С тех пор как солнце светит в вышине,
Старик-закон и юность не дружили.
Наперекор ему мы рождены,
А потому и клятве не верны.

К о р о л ь

Как? Тот листок запиской был любовной?

Б и р о н

Еще б! Кто ж, видя Розалину, словно
Дикарь-индеец в час, когда сверкнет
С востока луч восхода раскаленный,

Не рухнет ниц и к праху не прильнет,
Смиренный и сияньем ослепленный?
Кто б мог, на красоту ее лица
Орлиным оком дерзновенно глядя,
Не превратиться тотчас же в слепца?

К о р о л ь

Как много слов звезды неяркой ради!
Как солнце, блещет госпожа моя,
Твоя же — только спутница светила.

Б и р о н

Без Розалины, — или я не я, —
Навеки б тьма вселенную сокрыла.
Все краски, слив сверкание свое,
Украсили собой ее ланиты.
Так совершенна красота ее,
Что в ней одной все совершенства слиты.
О риторы, язык мне дайте ваш! —
Нет, прочь, ненужны ваши ухищренья!
Пусть хвалит жалкий свой товар торгаш,
А Розалину лишь хулят хваленья.
Лет пятьдесят из сотни с плеч долой
Отшельник, заглянув ей в очи, сбросит
И, к детству возвращенный красотой,
Не костылей, а помочей попросит.
Как солнце, блеск всему дает она.

К о р о л ь

Но ведь она лицом смолы чернее.

Б и р о н

Она, хоть и черна, да мне нужна.
Я буду счастлив обвенчаться с нею.
Где Библия? Я присягну сейчас,
Что даже красота с уродством схожа,
Коль нет у ней таких же черных глаз,
Коль у нее чуть-чуть светлее кожа.

К о р о л ь

Софизм! Черны темница, ад и мгла,
А красота сиянием одета.

Б и р о н

Особенно опасны духи зла,
Принявшие обличье духов света.
Она черна, но с горя, — из-за тех,
Кто блеклый лик под париком румянит,
Чтобы склонять поклонников на грех.
Но скоро черный цвет всем сладок станет.
Она изменит моду наших дней:
Румяна навсегда в забвенье канут
И все, красою тщась сравниться с ней,
Чернить, а не румянить щеки станут.

Д ю м е н

За Феба трубочиста мы сочтем.

Л о н г в и л ь

Нам угольщик покажется прекрасен.

К о р о л ь

Начнет хвалиться негр своим лицом.

Д ю м е н

Не будет свеч, раз мрак, как полдень, ясен.

Б и р о н

Под дождь не посылайте ваших дам,
Не то румяна могут отвалиться.

К о р о л ь

А вашей под дождем, — признаюсь вам, —
Не худо б прогуляться, чтоб умыться.

Б и р о н

Хваля ее, на Страшный суд приду я!

К о р о л ь

Кто с чертом свыкся, тем не страшен ад.

Д ю м е н

Хвалить барышник клячу рад худую!

Л о н г в и л ь

(указывает на свой сапог)

Она и мой сапог — сестра и брат.

Б и р о н

Когда б глазами вымостить ты мог
Путь перед нею, — он ее не стоит.

Д ю м е н

О, стыд! Тогда все то, что выше ног,
Вниз головой идя, она откроет.

К о р о л ь

К чему слова! Любой из нас влюблен.

Б и р о н

И клятву все нарушили, конечно.

К о р о л ь

Оставим споры! Докажи, Бирон,
Что наша страсть законна и безгрешна.

Д ю м е н

Грех оправдать попробуй как-нибудь.

Л о н г в и л ь

У адвокатов перейми ухватки,
Чтоб крючком творством черта обмануть.

Д ю м е н

Примеры приведи.

Б и р о н

Они — в достатке.
Итак, вперед, соратники в любви!
Какой обет мы принесли? Поститься,
Учиться и от женщин отказаться.
Но это значит молодость предать.
Пост не под силу юным животам,
Грозит им воздержание недугом.
А клятву дав учиться день и ночь,
Мы отреклись от истинного знания:
Ведь в жизни есть не только созерцанье.
Нельзя ни вам, мой государь, ни нам
К истокам дивным знания подняться
Без лицезренья женской красоты.
Из женских глаз доктрину вывожу я:
Они — тот кладезь, тот первоисточник,
Где Прометей огонь свой почерпнул.
Увы, корпенье вечное над книгой
Скует наш дух и кровь оледенит,
Равно как от чрезмерных переходов

У путника все мускулы слабеют.
Итак, отказ смотреть на лица женщин
Есть в то же время наш отказ от зренья,
От знания, которого мы алчем.
Какой философ лучше женских глаз
Сумеет красоту нам преподать?
Наука — добавленье к человеку:
Где человек, там и его познания,
И, взор вперяя в женские глаза,
Мы всю науку нашу видим в них.
О господи! Обет учиться дав,
Мы отреклись тем самым и от книг.
Ни вы, король, ни мы не почерпнули б
В свинцовом созерцанье те стихи,
Чьи пламенные строки так недавно
Продиктовал нам взор наставниц наших.
В мозгу коснея, прочие науки
Скупою жатвой редко награждают
Служителей своих за тяжкий труд.
Одна любовь, преподанная нам
Глазами женщин, мозг не тяготит,
Как мертвый груз, но с быстротою мысли
Стихийно разливается по телу.
Она, все наши чувства изощряя,
Им остроту двойную сообщает.
Она дает такую силу зренья
Любовнику, что блеск его зрачков

Способен ослепить глаза орла.
Слух любящего ловит даже шорох,
Невнятный настороженному вору.
Чувствительней и тоньше, чем рога
Улитки, осязание у влюбленных,
А вкус — разборчивее, чем у Вакха.
Любовь, затмив отвагой Геркулеса,
Плод Гесперид всегда искать готова.
Она мудрее сфинкса; мелодичней
И сладостней, чем лютня Аполлона.
Любовь заговорит — и небеса
Баюкает согласный хор богов.
Поэт не смеет взяться за перо,
Не разведя чернил тоской любовной.
Зато стихом слух дикарей пленяет
И пробуждает в деспотах смирение.
Из женских глаз доктрину вывожу я:
Лишь в них сверкает пламя Прометея,
Лишь в них — науки, книги и искусства,
Которыми питается весь мир;
Без них нельзя достигнуть совершенства.
Безумьем было от любви отречься,
Безумье — соблюдать такой обет.
Во имя мудрости, любезной людям,
Любви, которой столь любезны люди,
Мужчин, на свет производящих женщин,
И женщин, породивших нас, мужчин, —

Нарушим клятву, сохранив себя,
Не то, ее храня, себя разрушим.
Измена наша вере не противна:
Ведь милосердье есть основа веры,
А там, где нет любви, нет милосердия.

К о р о л ь

Святой Амур, ура! Вперед, солдаты!

Б и р о н

Знамена развернем, и на врагов!
Повалим их. Пусть будет, господа,
В сражение этом верх всегда за нами.

Л о н г в и л ь

За дело. Хватит болтовни. Итак,
Француженок мы будем добиваться?

К о р о л ь

И покорим их. А теперь должны мы
Придумать развлечение для них.

Б и р о н

Сперва пойдем, проводим их к палаткам.
Пусть каждый, руку ей подав, ведет
Свою красавицу. А пополудни
Потешим наших дам такой забавой,
Какую время изобрести позволит.

Ведь танцы, игры, песни, маскарад —
Всегда любви передовой отряд.

Заставка художника Жана Лемана

К о р о л ь

Не будем медлить. Поскорее в путь.
Упущенной минуты не вернуть!

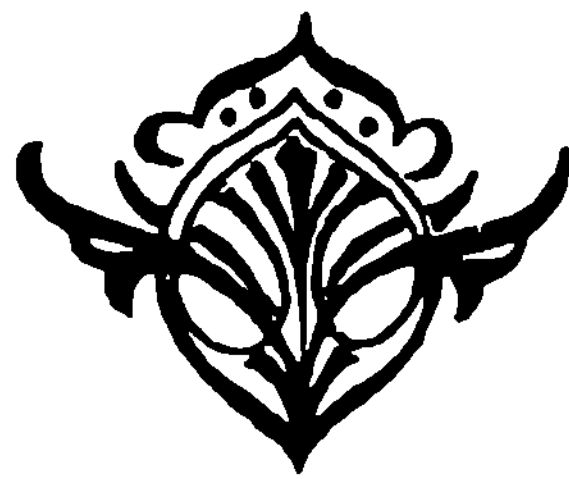
Б и р о н

Allons! ¹ Кто сеет плевел, ржи не жнет.

¹ Идем! (Франц.)

Весы судьбы точны и справедливы.
Изменника брак с потаскушкой ждет:
Червонца не купить за грош фальшивый.

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Там же.

Входят Олоферн, отец Натаниэль и Тупица.

О л о ф е р н. *Satis quod sufficit.*¹

Н а т а н и э л ь. Благодарю господа, создавшего вас, сударь. Беседа ваша за трапезой была остра и назидательна, забавна без грубости, остроумна без напыщенности, смела без наглости, учена без педантизма, оригинальна без ереси. *Quondam*² на днях говорил я с одним из сотоварищей короля, титулуемым, именуемым и называемым доном Адриано де Армадо.

О л о ф е р н. *Novi hominem tanquam te!*³ Характер у него самоуверенный, речь заносчивая, язык острый, взгляд высокомерный, поступь спесивая, и весь облик — надутый,

1 Довольно того, что достаточно. (*Лат.*)

2 Как-то. (*Лат.*)

3 Я знаю этого человека так же хорошо, как тебя. (*Лат.*)

смехотворный и чванный. Он чересчур чопорен, чересчур франтоват, чересчур жеманен, чересчур неестествен и, по правде, если смею так выразиться, чересчур обыноземен.

Н а т а н и э л ь (*записывает выражение в записную книжку*). Какой изысканный и оригинальный эпитет!

О л о ф е р н. Уток его рассуждений выткан искусней, чем основа его доводов. Терпеть не могу таких фанатичных фантазеров, таких необщительных и натянутых собеседников, таких палачей правописания, которые вместо “кого” говорят “каво”, вместо “конечно” произносят “канешна”, а вместо “милость” мямлят “милась”. Это мне так отовратительно (они-то бы сказали “отвратительно”!), что доводит меня почти до умалишенности, — *ne intelligis, domine?*¹ — то есть до безумия, до бешенства.

Н а т а н и э л ь. *Laus Deo, bone intelligo*².

О л о ф е р н. Bone? Bone вместо bene! Присциан получил пощечину, но ничего, стерпится!

Входят Армадо, Мотылек и Башка.

Н а т а н и э л ь. *Videsne, quis venit?*

О л о ф е р н. *Video et gaudeo*.³

А р м а д о (*Мотыльку, шепелявя*). Эй, ссенок!

О л о ф е р н. *Quare*⁴ ссенок, а не щенок?

1 Понимаете ли вы, сударь? (*Лат.*)

2 Слава богу, отлично понимаю. (*Лат.*)

3 Видишь, кто идет? — Вижу и радуюсь. (*Лат.*)

4 Почему? (*Лат.*)

А р м а д о. Счастлив видеть вас, мирные люди.

О л о ф е р н. Привет вам, воинственный муж.

М о т ы л е к. Они оба побывали на каком-то словесном пиру и наворовали там объедков.

Б а ш к а. Да они уж давно на словесной помойке отбросами кормятся. Удивляюсь я, как это твой хозяин еще не сожрал тебя, приняв за чье-нибудь чужое слово. Ведь ты на целую голову короче такого словечка, как *honorificabilitudininitatibus*¹. Тебя-то уж легче проглотить, чем вино с зажженной паклей на закуску.

М о т ы л е к. Тихо. Перестрелка начинается.

А р м а д о (*Олоферну*). Скажите, *monsieur*, вы ведь из ученых?

М о т ы л е к. Правильно. Он обучает мальчишек букварю. — (*Олоферну*.) А что получится, если “э” и “б” прочесть наыворот, подрисовав к ним рога?

О л о ф е р н. *Pueritia!*² Если подрисовать рога, выйдет “бэ”.

М о т ы л е к. Бэ-э! И впрямь баран с рогами! — (*К Армадо*.) Видите, сударь, какой он ученый.

О л о ф е р н. *Quis, quis?*³ Что ты подразумеваешь под этим созвучием?

1 Бессмысленное слово, склеенное из ряда латинских слов и слогов.

2 Детство. (*Лат.*)

3 Кто, кто? (*Лат.*)

М о т ы л е к. Назовите мне последний гласный звук, а я назову вам шестой, — вот и получите ответ.

О л о ф е р н. Сейчас соображу. Я.

М о т ы л е к. А теперь и я скажу: а, е, и, о, у, ы. Вы и есть баран.

А р м а д о. Клянусь соленой влагой Средиземноморья, отличный удар, меткий выпад остроумия! Раз, два, три — и попал в цель! Мой разум наслаждается таким неподдельным остроумием.

М о т ы л е к. Которое ребенок, как рог изобилия, подносит старцу. Вот и получается — старый рогоносец.

О л о ф е р н. Что это за фигура? Что за фигура?

М о т ы л е к. Рогатая.

О л о ф е р н. Ты рассуждаешь по-детски. Ступай-ка лучше гонять кубарь.

М о т ы л е к. Тогда одолжите мне ваши рога, а я сделаю из них кубарь и буду гонять ваш позор сігсит, сігса.¹ Из рогов рогоносца выйдет отличный кубарь!

Б а ш к а. Да будь у меня за душой хоть грош, я б и его отдал тебе на пряники! Вот репарация, которую я получил с твоего хозяина. Возьми-ка ее себе, грошовый кошелек ума, голубиное яичко рассудительности. Ох! Если б небу было угодно сделать тебя моим сыном, хоть незаконным, — како-

1 Кругом (по окружности). (Лат.)

го бы веселого папашу ты из меня сделал! Валяй, малыш! Ведь ума у тебя, как говорится, полная лядунка.

О л о ф е р н. Тут запахло подпорченной латынью: он говорит — лядунка вместо — *ad unguem*¹.

А р м а д о. Ученый муж, *ргасамбула*²: удалимся от этих невежд. Скажите, не вы ли воспитываете юношество в общепольном заведении, стоящем на вершине вон той горы?

О л о ф е р н. Вернее, *топс* — холма.

А р м а д о. Это уж как вам заблагорассудится: пусть холма.

О л о ф е р н. Воспитываю, *sans question*³.

А р м а д о. Сударь, король соизволил и пожелал почтить своим вниманием принцессу в закатной части сего дня, которую невежественная толпа именует вечером.

О л о ф е р н. Закатная часть дня, ваша милость, — выражение очень подходящее, соответствующее и равноценное для обозначения вечера. Это слово удачно подобрано и употреблено. Это мило и метко, смею вас уверить, сударь, смею уверить.

А р м а д о. Сударь, король — благородный человек и мой близкий, смею вас уверить, мой закадычный друг... Не стану распространяться о нашей с ним близости. — “Прошу тебя, избавь меня от этих церемоний, прошу тебя, накройся!” И заметьте, все это во время неотложнейших и серьезнейших

1 Полным-полно. (Лат.)

2 Проходи мимо. (Лат.)

3 Без сомнения. (Франц.)

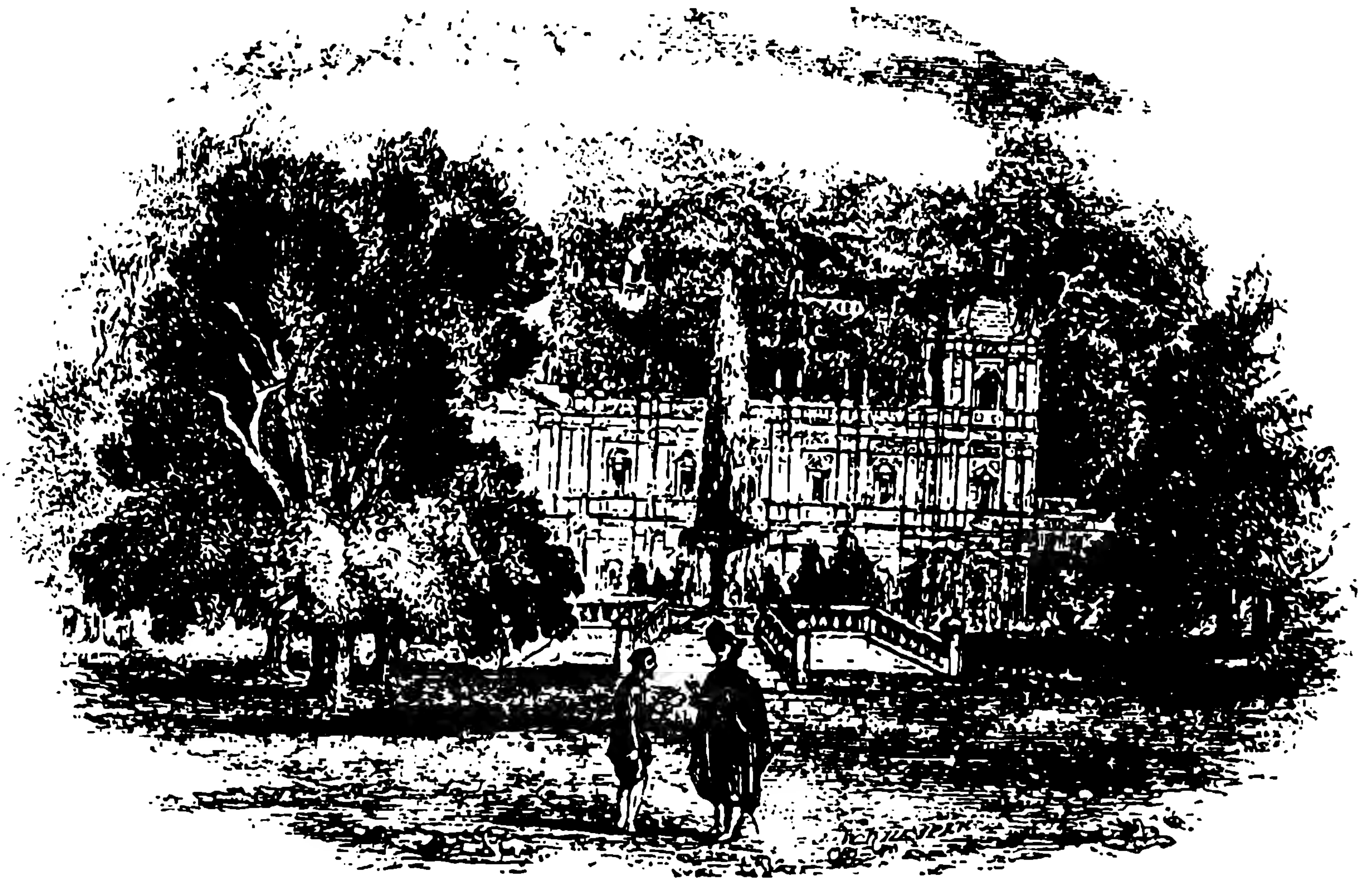
разговоров, которые имеют, поверьте мне, огромное значение... Но оставим это. Клятвенно заверяю вас еще и в том, что нередко его величеству угодно бывает опереться на мое жалкое плечо, играя своими королевскими перстами атрибутом моей доблести — *mustachio*¹. Но оставим это, любезнейший. Клянусь, я не басни вам рассказываю. Его величество оказывает немало особых милостей своему Армадо, воителю и скительцу, повидавшему мир. Но оставим и это. Дело в том, — однако, любезнейший, я умоляю вас сохранить это в тайне, — что король желает, чтобы я развлек эту очаровательницу — принцессу каким-нибудь усладительным увеселением, зрелищем, спектаклем, пантомимой или фейерверком. А посему, сведав, что священник и вы, дражайший мой, не чужды вышесказанным импровизациям и внезапным излияниям веселости, пожелал я обратиться к вам, дабы просить вас содействовать мне в этом деле.

О л о ф е р н. Сударь, советую вам вывести перед принцессой “Девять героев”. Отец Натаниэль, поелику речь идет о времяпрепровождении принцессы в закатной части дня, об устройстве некоего увеселения для нее, в котором по воле короля и этого доблестного, достославного и образованного дворянина и мы должны принять участие, — лучше всего, мнится мне, будет представить “Девять героев”.

Н а т а н и э л ь. Но где же найдете вы людей, пригодных для этого?

1 Усы, борода. (Исп.)

О л о ф е р н. Иисусом Навином будете вы сами; Иудой Маккавеем — я или этот доблестный кавалер; мужлан этот ввиду громадности своей корпуленции, или телосложения, сойдет за Помпея Великого, а паж — за Геркулеса.

Французский парк эпохи Ренессанса

А р м а д о. Прошу прощения, сударь, но вы заблуждаетесь. Ведь паж ростом всего с большой палец этого героя; он меньше кончика его палицы.

О л о ф е р н. Соблаговолите выслушать меня. Он будет представлять Геркулеса во младенчестве, и вся роль его

сведется к тому, что он задушит змею. Я же на этот случай сочиню специальный аполог.

М о т ы л е к. Славно придумано! Если кто-нибудь из публики начнет мне свистеть, вы всегда можете закричать: “Браво, Геркулес, ловко же ты душишь змею!”, то есть обратить порицание в похвалу, а ведь это не каждый умеет.

А р м а д о. А как же быть с остальными героями?

О л о ф е р н. Я берусь сыграть сразу трех.

М о т ы л е к. Ах, трижды геройский кавалер!

А р м а д о. Угодно вам выслушать меня?

О л о ф е р н. Прошу вас.

А р м а д о. Если дело у вас не пойдет на лад, разыграйте пантомиму. Соизвольте следовать за мной.

О л о ф е р н. *Via*¹, почтеннейший Тупица! А ты за все время так и не проронил ни слова.

Т у п и ц а. Да и не понял ни одного, сударь.

О л о ф е р н. *Allons!* Мы и тебя приспособим к делу.

Т у п и ц а

Я танцевать согласен — умею я плясать;
Могу на барабане героям поиграть.

О л о ф е р н. Вы скромны, друг Тупица. Ну марш, нельзя нам ждать.

Уходят.

1 В путь! (*Лат.*)

Сцена 2

Там же.

Входят принцесса, Катерина, Розалина и Мария.

П р и н ц е с с а

Богачками мы станем до отъезда,
Коль будем столько получать подарков.
Я гнусь уже под тяжестью алмазов.
Взгляните, что король влюбленный шлет.

Р о з а л и н а

Он ничего не приложил к подарку?

П р и н ц е с с а

Как ничего? Стихов любовных столько,
Что ими сплошь исписан без полей
И с двух сторон огромный лист бумаги,
А воск печати за нехваткой места
Приложен прямо к слову “Купидон”.

Р о з а л и н а

Лепить из воска любит он, как в детстве,
Хотя уже пять тысяч лет мальчишке.

К а т е р и н а

Ах, этот злой, коварный озорник!

Р о з а л и н а

Ты — враг ему: сестры тебя лишил он.

К а т е р и н а

Ее он вверг в тоску, печаль, унынье
И тем сгубил. А если б у нее
Был, как у вас, нрав легкий и веселый,
Прабабушкой могла бы стать она,
Как, без сомненья, станете вы, ибо
Век долгоденствие у того, кто сердцем легок.

Р о з а л и н а

Ты в слово “легкий” темный смысл влагаешь.

К а т е р и н а

Да, легкость нрава красоту темнит.

Р о з а л и н а

Темны намеки. Свет на них пролей.

К а т е р и н а

Нет, ибо на свету вам станет жарко.
Пусть лучше остаются в темноте.

Р о з а л и н а

Да, все творить ты в темноте привыкла!

К а т е р и н а

Еще б! Ведь я не так легка, как вы.

Р о з а л и н а

Конечно, легче я, раз вешу меньше.

К а т е р и н а

Меня вам взвесить не пришлось ни разу.

Р о з а л и н а

Равно как и тебе свои слова.

П р и н ц е с с а

Ловки вы обе в мяч играть. Ничья!
Но, Розалина, ведь и вам подарок
Был прислан. От кого и что?

Р о з а л и н а

Скажу.

Будь я, как вы, красавицей, подарки
Богаче были бы. Но посмотрите:
Стихи Бирон прислал мне. Что ж, спасибо.
Размер их верен, но, приняв на веру
Их смысл, себя сочла б я божеством:
Я сравнена в них с тысячью красавиц.
В письме Бирон портрет мой набросал.

П р и н ц е с с а

И что же? Сходство есть?

Р о з а л и н а

Большое — в буквах, малое — в оценке.

П р и н ц е с с а

**Так, значит, ты красива, как чернила.
Удачно же подобрано сравненье!**

К а т е р и н а

Бела, как прописное “Б” в тетрадке!

Р о з а л и н а

**Полегче с краской. Иль забыли вдруг вы,
Что вы — как календарь, где красны буквы?
Ведь сотней “О” лицо у вас покрыто.**

К а т е р и н а

Пусть оспой будет и твое изрыто!

**П р и н ц е с с а
(Катерине)**

Что шлет Дюмен возлюбленной своей?

К а т е р и н а

Перчатку.

П р и н ц е с с а

Как? Одну? Где ж пара к ней?

К а т е р и н а

Их две, а к ним добавок — и немалый:
Стихов любовных с тысячу, пожалуй.
Они — набор нелепый чувств притворных,
Смесь фраз глубокомысленных и вздорных.

М а р и я

А мне был жемчуг прислан от Лонгвиля
И с жемчугом — письмо длинной в полмили.

П р и н ц е с с а

А ты в душе желала б получить
Письмо короче и длиннее нить?

М а р и я

Такую, чтоб в руках не уместить!

П р и н ц е с с а

Умны же мы, коль можем так смеяться!

Р о з а л и н а

А как еще с глупцами обращаться?
Бирона я заставлю настрадаться.

О! Залучи его я дней на семь,
Он стал бы у меня ручным совсем.
Как умолял бы он, просил, скучал,
Свой ум в стихах ненужных расточал,
Считал законом мой каприз любой
И, гордость потеряв, был горд собой,
А я б его звездой несчастной стала
И, как судьба, глупцом повелевала!

П р и н ц е с с а

Никем нельзя так прочно завладеть,
Как мудрецом, решившим поглупеть.
Ведь глупость, порожденная умом,
Опору для себя находит в нем,
И разум, отшлифованный ученьем,
Глупцам ученым служит украшеньем.

Р о з а л и н а

Кровь в юношах и та кипит слабей,
Чем вожделение в сердцах мужей.

М а р и я

Тот, кто не видит глупости в глупце,
Ее всегда заметит в мудреце,
Который ищет в разуме и знанье
Своим поступкам глупым оправданье.

Входит Б о й е.

П р и н ц е с с а

Вот и Бойе. Он к нам спешит, ликуя.

Б о й е

Принцесса где? Ох, со смеху умру я.

П р и н ц е с с а

Что нового?

Б о й е

Готовьтесь, дамы, к бою!

На ваш покой враги идут войною,
Личиною ученой прикрываясь
И вас врасплох застичь намереваясь.
Итак, ваш ум и волю напрягите
Иль с поля, словно трусы, убегите.

П р и н ц е с с а

Ударь на Купидона, Сен-Дени!
Ну, а враги, лазутчик, кто они?

Б о й е

Под явор я забрался и прилег
В тени ветвей, чтобы вздремнуть часок,
Но не успел и глаз сомкнуть, как вдруг

Невдалеке шагов слышал звук.
То сам король с друзьями шел туда.
Отполз в кустарник тихо я тогда
И слышал, — как слышите вы тут, —
Что ряженными к вам они придут.
Герольдом ими избран паж-юнец.
Роль вытвердил на память сорванец.
Они ему давали наставленья:
“Так говори, а так держись в движенье”,
Хоть опасались, что придет повеса
В растерянность при виде вас, принцесса.
Король предупреждал: “Хоть встретишь в ней
Ты ангела, душою не робей!”
“Ну, ангел добр! — ответил мальчик смело. —
Будь дьяволом она, другое дело”.
Тут все, смеясь, давай трепать юнца,
Хвалой удвоив храбрость храбреца.
Один божился, потирая плечи,
Что в жизни не слышал удачней речи.
Прищелкивая пальцами, другой
Вопил: “Via! Мы выиграем бой!”
“Идет на лад!” — кричал, танцуя, третий.
Четвертый шлепнулся на пируэте.
Попадали за ним и остальные,
От смеха надрываясь, как шальные,
И хохотали б до изнеможенья,
Не брызни градом слезы от волненья.

П р и н ц е с с а

Как! Удостоят нас они визита?

Б о й е

Ну да. Наряжены король и свита
Как русские, иначе московиты.
Их цель — шутить, ухаживать, плясать,
По собственным подаркам опознать
Своих избранниц, несмотря на маски,
И смелостью завоевать их ласки.

П р и н ц е с с а

Кто верх возьмет — еще мы поглядим!
Сударыни, мы в масках выйдем к ним,
Но вопреки мольбам и просьбам их
Пред ними не откроем лиц своих.
Алмаз мой, Розалина, нацепи,
А мне свои брильянты уступи,
И будет в заблуждение введен
Тобой — король, а мною — твой Бирон.

(Марии и Катерине.)

Вы с ней подарки тоже обменяйте
И тем своих влюбленных обманите.

Р о з а л и н а

Идет! Подарки выставим на вид.

К а т е р и н а

В чем ваша цель, принцесса, состоит?

П р и н ц е с с а

В том, чтоб идти наперекор их целям:
Угодно им над нами посмеяться,
Мне — смехом за насмешки рассчитаться.
Пусть выдадут они свои секреты
Чужим возлюбленным, а мы за это
При первой встрече на смех их поднимем,
Представ уже без масок перед ними.

Р о з а л и н а

Принять ли нам на танцы приглашение?

П р и н ц е с с а

Нет. Лучше смерть, чем сделать хоть движение!
Любезникам один ответ давайте:
Чуть рот раскроют, к ним спиной вставайте.

Б о й е

Но ведь из-за презренья полной встречи
Они лишиться могут дара речи.

П р и н ц е с с а

Да, таково намеренье мое.
Кто с роли сбился, не войдет в нее.

Вот это шутка: шутку подхватить
И ею шутников перешутить!
Расстроив так и замысел смешной,
Мы их прогоним, осмеяв, домой.

Трубы за сценой.

Б о й е

Труба! Они идут. Наденьте маски.

Дамы надевают маски.

Входят с музыкой мавры, за ними Мотылек, король,
Бирон, Лонгвиль и Дюмен в масках
и русских костюмах.

М о т ы л е к

“Привет пышнейшей красоте земли!”

Б и р о н

Пышней их красоты тафта их масок.

М о т ы л е к

“Священное собрание дам прелестных...”

Дамы поворачиваются спиной.

“Что к взорам смертных обратили... спины”.

Б и р о н
(Мотыльку)

Мерзавец, очи, очи!

М о т ы л е к

“Что к взорам смертных обратили очи.
Вон...”

Б о й е

Верно! Вон его скорей!

М о т ы л е к

“Вонмите, духи неба, просьбе нашей
Заккрыть сиянье...”

Б и р о н
(Мотыльку)

Плут, “открыть сиянье”.

М о т ы л е к

“Открыть сиянье лучезарных глаз...
Лучезарных глаз...”

Б о й е

Не жди ответа на эпитет льстивый.
Не проще ли сказать “девичьих глаз”?

М о т ы л е к

Не слушают они, и сбит я этим.

Б и р о н

Вот так оратор! Убирайся, плут!

М о т ы л е к уходит.

Р о з а л и н а

Бойе, порасспросите иноземцев,
И, если им известен наш язык,
Пусть вам о цели своего прихода
Они расскажут.

Б о й е

Что вам здесь угодно?

Б и р о н

Быть принятыми мирно и любезно.

Р о з а л и н а

Чего они хотят?

Б о й е

Быть принятыми мирно и любезно.

Р о з а л и н а

Их приняли. Теперь пускай уходят.

Б о й е

Ответ таков: вы приняты; уйдите.

К о р о л ь

Скажите, что прошли мы сотни миль,
Чтоб в танце с нею по траве пройтись.

Р о з а л и н а

У них спросите: сколько дюймов в миле?
Нетрудно будет, сделав столько миль,
Расчет подобный сделать им для каждой.

Б о й е

Раз вы сумели сделать столько миль,
Принцесса просит сделать ей расчет,
По сколько дюймов будет в каждой миле.

Б и р о н

Скажи: лишь вздохи мы в пути считали.

Б о й е

Она вам внемлет.

Р о з а л и н а

Сколько тяжких вздохов

Успели сделать вы в пути тяжелом,
И сколько их приходится на милю?

Б и р о н

Трудясь для вас, усилий не считаешь!
Наш труд так беспредельно всеобъемлющ,

Что может продолжаться без конца.
Откройте нам свой лик, чтоб перед ним
Простерлись мы, как дикари пред солнцем.

Р о з а л и н а

Он, как луна, за тучами не виден.

К о р о л ь

Блаженны тучи. Их удел завиден!
Луна и звезды, бросьте из-за туч
На влагу наших глаз свой яркий луч.

Р о з а л и н а

Просите-ка луну о чем-нибудь,
Что поважней, чем на воду взглянуть.

К о р о л ь

Раз вы просить даете разрешение,
Прошу принять на танец приглашение.

Р о з а л и н а

Эй, музыканты! Я плясать склонна.

Играет музыка.

Нет, не пойду. Изменчива луна.

К о р о л ь

Но что же вынуждает вас к отказу?

Р о з а л и н а

То, что луна уже сменила фазу.

К о р о л ь

Хоть вы — луна, я — человек на ней.
Последуем за музыкой скорей.

Р о з а л и н а

Я следовать за ней готова слухом.

К о р о л ь

Не проще ль следовать ногой, чем ухом?

Р о з а л и н а

Я не хочу обидеть чужестранцев.
Вот вам моя рука, но не для танцев.

К о р о л ь

На что ж она тогда нам?

Р о з а л и н а

На прощанье.
Поклон примите наш — и до свиданья.

К о р о л ь

Что стоит вам сплясать со мной хоть раз?

Р о з а л и н а

Цена чрезмерно высока для вас.

К о р о л ь

За сколько ж нам купить любезность можно?

Р о з а л и н а

Цена — уход ваш.

К о р о л ь

Но она безбожна!

Р о з а л и н а

**Так бросим торг. Не тратье зря слова.
Вам — полпоклона, вашей маске — два.**

К о р о л ь

Потолковать мы можем не танцуя.

Р о з а л и н а

Но не при всех.

К о р о л ь

Об этом и прошу я.

Отходят в сторону разговаривая.

Б и р о н

Дай мне услышать сладостное слово!

П р и н ц е с с а

Вот три: мед, сахар, молоко коровы.

Б и р о н

Коль ты сластена, их число удвой
Мальвазию, брагой и сытой.
Шестерка на костях! За мною кон.
Шесть сладких слов!

П р и н ц е с с а

А вот седьмое — “Вон!”
Я в кости с плутом не хочу играть.

Б и р о н

На пару слов!

П р и н ц е с с а

Чур, сладких избегать.

Б и р о н

Вы желчь во мне разбередили злобно.

П р и н ц е с с а

Да, желчь — горька.

Б и р о н

Ну, значит, вам подобна.

Отходят в сторону разговаривая.

Д ю м е н

Словцом не обменяться ль с вами нам?

М а р и я

Каким?

Д ю м е н

Красавица...

М а р и я

Я вам отдам

Красавца за красавицу.

Д ю м е н

Вдвоем

Сперва поговорим. Уйду — потом.

Отходят в сторону разговаривая.

К а т е р и н а

Иль языка у вас под маской нет?

Л о н г в и л ь

Мне цель вопроса вашего известна.

К а т е р и н а

Ах, вот как? Что ж, спешите дать ответ.

Л о н г в и л ь

**У вас два языка. Во рту им тесно,
И вы мне уступаете второй.**

К а т е р и н а

Пускай теленок одолжит вам свой.

Л о н г в и л ь

Зачем он мне?

К а т е р и н а

Затем, что ваш — пропал.

Л о н г в и л ь

Я не теленок.

К а т е р и н а

**Тот бы хоть мычал.
Едва ли выйдет бык из вас с годами!**

Л о н г в и л ь

**О свой язык не уколитесь сами.
Склонны вы наставлять рога, монашка?**

К а т е р и н а

До них не дорастете вы, бедняжка.

Л о н г в и л ь

Пока еще я жив, скажу вам, как...

К а т е р и н а

Мясник услышит, — не мычите так.

Отходят в сторону разговаривая.

Б о й е

Насмешницы! Так остр у них язык,
Что волосок, невидимый для взора,
Как бритва, перерезать может вмиг.
Мысль тщетно ловит смысл их разговора,
Но как его осмыслишь, если мчится
Он побыстрей, чем ветер, пуля, птица.

Р о з а л и н а

Ни слова больше. Гости пусть уйдут.

Б и р о н

Клянусь, изрядно нам досталось тут.

К о р о л ь

Прощайте, привередницы шальные!

П р и н ц е с с а

До встречи, московиты ледяные!

Король, вельможи и мавры уходят.

Но как их счесть за умников могли?

Б о й е

Вы их умы задули, словно свечи.

Р о з а л и н а

Мозги в них слоём жира заросли.

П р и н ц е с с а

Как плоски шутки и убоги речи!

Клянусь, теперь им всем один конец:

Повеситься иль век ходить под маской.

Сконфузился Бирон, хоть он наглец.

Р о з а л и н а

Мы их смутили всех крутой остраткой.

Король уныло слова ласки ждал.

П р и н ц е с с а

Бирон до иступления божился.

М а р и я

Дюмен себя и меч мне отдавал

И языка, услышав: “Нет!” — лишился.

К а т е р и н а

Лонгвиль твердил: “Как тошно мне сейчас!”,
Назвав меня...

П р и н ц е с с а

Наверно, тошнотою?

К а т е р и н а

Вот именно.

П р и н ц е с с а

Боюсь, стошнит и нас.

Р о з а л и н а

Умы острей под шапкой шерстяною.
Вы знаете, король в любви признался.

П р и н ц е с с а

Бирон мне клятву верности принес.

К а т е р и н а

Лонгвиль служить мне вечно обязался.

М а р и я

Как ствол к коре, Дюмен ко мне прирос.

Б о й е

Красавицы мои, даю вам слово,
Что к нам в своем обычном платье снова
Они сейчас вернутся вчетвером:
Им не переварить сухой прием.

П р и н ц е с с а

Возможно ли?

Б о й е

Да. Не придут — прискачут,
Хоть от побоев ваших чуть не плачут.
Итак, скорей подарками меняйтесь
И, словно розы утром, распускайтесь.

П р и н ц е с с а

Что слово “распускайтесь” значить может?

Б о й е

С цветом в бутоне дамы в масках схожи.
Явив без масок розовые лица,
Они должны, как розы, распуститься.

П р и н ц е с с а

Молчи, напыщенность! — Как нам встречать их,
Когда они придут в обычных платьях?

Р о з а л и н а

Советую над ними вновь смеяться,
Как если б в масках нам пришлось остаться.
Пожалуемся им сперва сердито
На дурней, ряженных как московиты,
Расспросим, кто они, чего хотят
К чему весь этот глупый маскарад,
И заключим, что был нелеп пролог,
А сам спектакль — напыщен и убог.

Б о й е

Скрывайтесь, дамы! Враг подходит к вам.

П р и н ц е с с а

Бежим в шатры, как лани по лесам.

Принцесса, Розалина, Катерина и Мария уходят.
Входят король, Бирон, Лонгвиль и Дюмен
в обычном платье.

К о р о л ь

Храни вас, сударь, бог! А где принцесса?

Б о й е

В шатре. Быть может, вам через меня
Ей передать угодно что-нибудь?

К о р о л ь

Скажите, что принять меня прошу.

Б о й е

Она к вам поспешит, как я спешу.

(Уходит.)

Б и р о н

Как голубь корм, остроты он клюет
И где попало их пускает в ход.
Ум продавая в розницу, с товаром
Он бродит по пирам, торгам, базарам,
А мы, хоть оптом продаем остроты,
Сбыть с рук товар пока не можем что-то.
Любезник так прельщает женщин всех,
Что, будь Адамом, ввел бы Еву
в грех.

Как шепелявит, как жаркое режет,
Как дам воздушным поцелуем нежит!
А как поет! Как знает этикет!
Monsieur, учтивостью пленивший свет,
Мартышка мод, он даже за костями
Бранится лишь пристойными словами.
Он “душечкой” слывет у милых дам.
Ступени лестниц льнут к его ногам.
Цветок, дарить улыбки всем готовый,
С зубами белыми, как ус китовый!
Кто хочет должное Бойе воздать,
Его “медоточивым” должен звать.

К о р о л ь

Ему б язык намазать дегтем надо
За то, что с роли сбил пажа Армадо.

Б и р о н

Да вот и он. — Учтивость, чем ты стала,
Отдавшись в руки этого нахала!

Входят принцесса подруку с Бойе, Розалина,
Мария и Катерина.

К о р о л ь.

Позвольте вам здоровья пожелать.

П р и н ц е с с а

Но и без пожеланий я здорова.

К о р о л ь

Меня прошу я не перебивать.

П р и н ц е с с а

А я прошу не говорить пустого.

К о р о л ь

Пришли мы во дворец вас отвести.
Не откажите двинуться в дорогу.

П р и н ц е с с а

Мне — в поле жить, а вам — обет блюсти:
Клятвопреступник — враг и мне и богу.

К о р о л ь

Не ставьте мне свою вину в упрек:
Обет мой сила ваших глаз сломила.

П р и н ц е с с а

При чем здесь сила? Слабость и порок —
Вот что обет забыть вас побудило,
Порукой мне моя девичья честь —
Она чиста, как лилия, покуда, —
Что я готова муки предпочесть,
Но с гостьей во дворце у вас не буду!
Мне совесть никогда не даст прощенья,
Коль вас толкну на клятвопреступленье.

К о р о л ь

Томит здесь скука вас и ваших дам.
В глуши вас видеть стыдно мне и больно.

П р и н ц е с с а

О нет, мой государь, ручаюсь вам.
Здесь развлечений и забав довольно.
Недавно были русские у нас.

К о р о л ь

Как! Русские?

П р и н ц е с с а

Да, государь. Учтиво
Они нас развлекали целый час.

Р о з а л и н а

Не верьте, государь. Хвала — фальшива.
Принцесса то, что следует хулить,
Готова из любезности хвалить.
Да, вчетвером явились московиты
И с нами час протолковали битый,
Но не сумели нам сказать они
Двух умных слов за время болтовни.
Боюсь их звать глупцами, но, коль глотку
Дерет им жажда, пьют глупцы в охотку.

Б и р о н

Таких острот наслушавшись, запьешь.
Красавица, ваш разум с солнцем схож,
А тот, кто в око неба взор вперяет,
От света свет своих очей теряет.
Вот так и ум ваш превращать готов
Богатых в бедных, умников в глупцов.

Р о з а л и н а

Вы, значит, умник и богач, поскольку...

Б и р о н

Вам кажется, что глуп и нищ я только.

Р о з а л и н а

Хоть воровать чужие мысли гадко,
Прощаю вас, так как верна догадка.

Б и р о н

Взять можете взамен меня всего вы.

Р о з а л и н а

Всю глупость?

Б и р о н

Хоть ее, раз нет другого.

Р о з а л и н а

Признайтесь мне, в какой вы маске были?

Б и р о н

Я? В маске? Здесь? Что вы вообразили?

Р о з а л и н а

Да, в маске, под личиною нарядной
Пытаясь скрыть свой облик неприглядный.

К о р о л ь

Попались мы. Нас засмеют они.

Д ю м е н

Сознаемся, все в шутку обратив.

П р и н ц е с с а

Что с вами, государь? Вы нездоровы?

Р о з а л и н а

Он бледен. Эй, воды!.. Болезнь морская:
Ведь к нам он из Московии приплыл.

Б и р о н

Мстят звезды тем, кто клятву преступил.
Чем медный лоб снесет позор подобный?
Красавица, казни: я согрешил.
Рази презреньем, бей насмешкой злобной,
Мечом острот мой ум в куски рубя,
Сарказмом раздави меня, невежду.
Не стану я на танцы звать тебя,
У московитов занимать одежду,
В речах кудрявых чувство изливать,
Мальчишке в важном деле доверяться,
В поэта, как слепой арфист, играть
И маской от любимой закрываться.
Прочь, бархат фраз, ученых и пустых,
Парча гипербол, пышные сравнения.

Они — как мухи. От укусов их
Распухла речь моя до омерзенья.
От них отрекшись, я даю обет
Перчатке белой с ручки белоснежной
Лишь с помощью сермяжных “да” и “нет”
Отныне объясняться в страсти нежной.
Итак, начну. — Я обожаю вас
Без фальши, без притворства, без прикрас.

Р о з а л и н а

Оставьте ваши “без”.

Б и р о н

Хоть надо мной
Опять возобладал недуг былой,
Я вылечусь.

(Показывает на других мужчин.)

А им троим должны
Вы надписать на лбу: “Заражены”.
Чума занесена в сердца несчастных
Опасным блеском ваших глаз прекрасных.
Но ею не одни они задеты:
Я вижу и на вас ее приметы.

П р и н ц е с с а

(показывая на подарок, укращающий ее платье)

Ну что ж, назад вы можете их взять.

Б и р о н

Не стыдно ль вам банкротов добивать?

Р о з а л и н а

Солгали вы, а ложь — не оправданье:
Кто нищ, банкротом стать не в состоянье.

Б и р о н

Вам что за дело? Дел не вел я с вами.

Р о з а л и н а

Быть и не может дела между нами.

Б и р о н

Я сдался, господа. Сражайтесь сами.

К о р о л ь

Принцесса, как нам заслужить прощенье?

П р и н ц е с с а

Признание — путь кратчайший к искупленью.
Скажите: в маске к нам вы приходили?

К о р о л ь

Да.

П р и н ц е с с а

Помните ль вы то, что говорили?

К о р о л ь

Да, наизусть.

П р и н ц е с с а

**Тогда узнать нельзя ли,
Что вашей даме вы в ушко шептали?**

К о р о л ь

Что чту ее превыше всех на свете.

П р и н ц е с с а

Боюсь, что лживы заверенья эти.

К о р о л ь

Клянусь, что нет.

П р и н ц е с с а

**Как верить в ваши клятвы,
Раз две из них нарушили подряд вы!**

К о р о л ь

Коль я солгал, презрением казните.

П р и н ц е с с а

Ах, вот как! Розалина, подойдите.
Что на ухо шептал вам московит?

Р о з а л и н а

Что выше всех меня на свете чтит,
Что я ему дороже, чем зеницы
Очей, что жаждет он на мне жениться
Иль должен будет с жизнью распротиться.

П р и н ц е с с а

Молю творца вам счастье с ним послать!
Король не может слова не сдержать.

К о р о л ь

Но от меня, клянусь вам, дама эта
Не слышала подобного обета.

Р о з а л и н а

Нет, слышала, но возвратить и слово
И дар, его скрепивший, я готова.

К о р о л ь

И дар и слово я принцессе дал.
Ее я по алмазу опознал.

П р и н ц е с с а

О, нет. Алмаз мой был на Розалине,
А я Бирону суждена отныне.

(Бирону.)

Меня иль жемчуг, — что вы взять склонны?

Б и р о н

Нет, мне ни вы, ни жемчуг не нужны.
Мне все понятно: разгадав наш план,
Они решили нас ввести в обман
И разыграть, как ряженных в сочельник.
Какой-то сплетник, блюдолиз, бездельник,
Угодник, льстец, лакей, болтун пустой,
На сладкие улыбки не скупой,
Умеющий до колик дам смешить,
Им ухитрился наш секрет раскрыть.
Тогда подарки дамы обменяли,
И мы своих любимых не узнали,
Свершив двойное клятвопреступление:
Раз — с умыслом, раз — по неразуменью.
Беда одна не ходит.

(К Бойе.)

Уж не вы ли

Наш замысел коварно разгласили?
Ловки вы мерку с ножек дамы снять,
Захохотать — чуть подмигнет шутливо,

Меж нею и огнем камина встать
И кушанья ей подавать учтиво.
Паж вами сбит, но вам-то все сойдет:
Не саван — юбка вас по смерти ждет.
Коситесь вы? Страшнее ваши взоры,
Чем сабля оловянная!

Б о й е

Как скоро
Он обскакал арену, алча боя.

Б и р о н

Что ж, подходи! Померимся с тобою.

Входит **Б а ш к а**.

Вот тот, чей ум решит все наши споры.

Б а ш к а

Я послан, сударь, вас спросить,
Не время ль трем героям выходить?

Б и р о н

Как трем? А шесть сбежали?

Б а ш к а

Да нет, идет все гладко:
Троих играет каждый.

Б и р о н

А трижды три — девятка.

Б а ш к а

Нет, сударь, уж простите, а что-то здесь не так.
С того, в чем я уверен, меня не сбить никак.
Я думаю, что трижды три...

Б и р о н. Не девять. Так, что ли?

Б а ш к а. Вы уж простите, сударь, я сам знаю, сколько это будет.

Б и р о н. А я-то всегда считал, что трижды три — девять.

Б а ш к а. О господи! Вот было бы несчастье, сударь, если б вам пришлось зарабатывать на хлеб счетоводством.

Б и р о н. Так сколько же, по-твоему, это будет?

Б а ш к а. О господи! Да вам, сударь, сами герои, то бишь исполнители, покажут, сколько это будет. А на мою долю, как они сказали, придется одна роль. Я — человек маленький и буду изображать всего одного человека, да зато — Помпиона Великого.

Б и р о н. Выходит, ты тоже будешь героем?

Б а ш к а. Им угодно было поручить мне роль героя Помпиона Великого. Я уж там не знаю, вправду ли он был герой, но изображать-то мне придется именно его.

Б и р о н

Ступай. Вели приготовляться.

Б а ш к а

Уж мы-то не спloшаем. Сумеем постараться.

(Уходит.)

К о р о л ь

Бирон, прогнать их нужно. Мы осраимся с ними.

Б и р о н

Но нам прямой расчет при нашем сраме

Искать таких, кто хуже, чем мы сами.

К о р о л ь

Не смей впускать их!

П р и н ц е с с а

Простите, государь, но вы неправы.

Чем безыскусней, тем милей забавы.

Стремление проявить излишек рвенья

Лишает смысла лучшие стремленья,

И тем быстрее, чем сложнее их форма,

Большие мысли превратим во вздор мы.

Б и р о н

Усилий наших верная картина!

Входит А р м а д о.

А р м а д о. Помазанник божий! Испрашиваю такое количество вашего благодатного монаршего дыхания, которого довольно для произнесения двух слов. *(Отходит с королем в сторону, вручает ему бумагу и беседует с ним.)*

П р и н ц е с с а. Этот человек — служитель божий?

Б и р о н. Почему вы так думаете?

П р и н ц е с с а. Потому что он говорит не так, как все прочие люди.

А р м а д о. Это совершенно все равно, мой достославный, драгоценнейший и сладчайший повелитель, ибо школьный учитель, уверяю вас в этом, человек характера крайне причудливого и слишком, слишком тщеславного. Но мы, как говорится, все-таки положимся на fortuna della guerra¹ Прошу у царственных особ позволения пожелать им душевного спокойствия! *(Уходит.)*

К о р о л ь. Похоже, что сейчас перед нами пройдут парадом славные герои. Вот этот человек изображает Гектора Троянского, шут — Помпея Великого, приходский священник — Александра, паж Армадо — Геркулеса, школьный учитель — Иуду Маккавея.

Коль удадутся роли героев четверых,
Они, сменив костюмы, сыграют остальных.

Б и р о н

Но и сейчас уже их пять.

1 Военная удача. *(Итал.)*

К о р о л ь

Вы не умеете считать.

Б и р о н. Школьный учитель, фанфарон, попик, шут и мальчишка!

Никто, играй он в кости хоть целые года,
Не выбросит пятерки подобной никогда.

К о р о л ь

Корабль под парусами и к нам плывет сюда.

Входит Б а ш к а, изображающий Помпея.

Б а ш к а

“Вот я, Помпей...”

Б о й е

Поверить трудно мне.

Б а ш к а

“Вот я, Помпей...”

Б о й е

С пантерой на броне.

Б и р о н. Недурно! Могу примириться с таким шутником я вполне.

Б а ш к а

“Вот я, Помпей, по прозвищу Огромный”.

Д ю м е н. Великий.

Б а ш к а. Так точно, сударь, Великий.

“...Помпей, по прозвищу Великий,
Который в битвах истреблял врагов мечом и пикой.
Придя сюда издалека, я счастлив меч ужасный
Снять и сложить во прах у ног французенки
прекрасной”.

Если ваше высочество скажет мне: “Спасибо, Помпей”, то
и окажется самым лучшим из героев.

Русские национальные костюмы XVI в.

П р и н ц е с с а. Великому Помпею — великое спасибо.

Б а ш к а. Ну, такого великого я, конечно, не стою. Но надеюсь, что не оплошал. Только вот на “великом” малость сбился.

Б и р о н. Ставлю свою шляпу против гроша, что Помпей-то и окажется самым лучшим из героев.

Входит отец Натаниэль, изображающий Александра.

Н а т а н и э л ь

“Когда я в мире жил, над миром я царил,
Юг, север, и восток, и запад покорив.
Я — Алисандр, и в том мой герб вас убедил...”

Б о й е

Нет, вы — не Александр, так как ваш нос не крив.

Б и р о н
(к Бойе)

А ваш — отменно чуток, такой изъян открыв.

П р и н ц е с с а

Насмешками в героя не охлаждайте пыл.

Н а т а н и э л ь

“Когда я в мире жил, над миром я царил...”

Б о й е

Ты впрямь, я вижу, Алисандром был.

Б и р о н. Помпей Великий!

Б а ш к а. Он же и Башка, ваш покорный слуга.

Б и р о н. Уведи-ка завоевателя, уведи Алисандра.

Б а ш к а. Ну, сударь, провалились вы с вашим Алисандром-завоевателем. Стащат с вас теперь ваши расписные доспехи, вашу пантеру, которая расселась с алебардой на стульчаке, и отдадут Аяксу, девятому герою. Тоже мне завоеватель: двух слов связать не может. Уходи-ка, Алисандр, от стыда подальше.

Н а т а н и э л ь уходит.

Вот он, с вашего позволения, человек хоть глуповатый, но тихий и порядочный, а сбить его с толку — легче легкого. Сосед он превосходный, и в шары хорошо играет, только в Алисандры, сами видите, не вышел. Вовсе не годится! Но зато следующие герои совсем по-другому заговорят.

П р и н ц е с с а. Отойди-ка в сторону, любезный Помпей.

Входят **О л о ф е р н**, изображающий Иуду Маккавея,
и **М о т ы л е к**, изображающий Геркулеса.

О л о ф е р н

“Сей юноша — великий Геркулес,
Кем Цербер побежден треглавый canus,¹

¹ Пес (правильно: canis). (Лат.)

Рис. художника Бэйама Шоу к “Бесплодным усилиям любви”

Кто сыном был властителя небес,
Кто в детстве змей душил своею manus ¹
Quoniam ² он ребенок по годам,
Я, ergo ³, аполог исполнил сам”

(Мотыльку).

Теперь уйди, сохраняя достойную осанку.

Мотылек отходит в сторону.

“Иуда я...”

Д ю м е н. Иуда!

О л о ф е р н. Не Искарот, сударь.

“Иуда я, что прозван Маккавеем...”

Д ю м е н. Отбрось Маккавея — все равно остается Иуда.

Б и р о н. Лобзающий предатель, как же ты стал Иудой?

О л о ф е р н

“Иуда я...”

Д ю м е н. Тем больше сраму для тебя, Иуда.

О л о ф е р н. Позвольте, сударь...

Б о й е. Позволю Иуде пойти и повеситься.

О л о ф е р н. Покажите пример: вы — древнее.

1 Рука. (Лат.)

2 Так как. (Лат.)

3 Следовательно. (Лат.)

Б и р о н. Недурно сказано. Древний Иуда тоже повесился на древе.

О л о ф е р н. Я не позволю касаться моей личности.

Б и р о н. Да у тебя нет никакой личности, потому что и головы нет.

О л о ф е р н *(подносит руку к лицу)*. А это что?

Б о й е. Головка на цитре.

Д ю м е н. Головка булавки.

Б и р о н. Мертвая голова, вырезанная на печатке.

Л о н г в и л ь. Голова на стертой римской монете.

Б о й е. Рукоять меча, принадлежавшего Цезарю.

Д ю м е н. Резная пробка солдатской пороховницы.

Б и р о н. Полщечи святого Георгия на пряжке.

Д ю м е н. Да еще на оловянной.

Б и р о н

Носимой зубодерами на шляпе.

Ну, дальше. С личностью твоей все ясно.

О л о ф е р н. Я из-за вас голову потерял.

Б и р о н. Наоборот, мы-то тебя ею и наградили. И притом не одной.

О л о ф е р н. И все это для того, чтобы оскорбить мою личность!

Б и р о н

Будь ты хоть львом, мы сделали бы то же.

Б о й е

А так как ты осел, тебе здесь быть негоже.

Иди, Иуда, прочь. Чего ж ты встал, осел?

Д ю м е н. Ему не хватает удара кнутом.

Б и р о н

Я помогу ему. А ну, пошел!

О л о ф е р н. Учтивей и умней вы быть могли б!

Б и р о н

Огня monsieur Иуде, чтоб нос он расшиб.

П р и н ц е с с а

Злосчастный Маккавей! Как ты осмеян!

Входит А р м а д о, изображающий Гектора.

Б и р о н. Прячься, Ахилл: идет вооруженный Гектор.

Д ю м е н. Вот теперь я посмеюсь хоть на свою же голову.

К о р о л ь. По сравнению с этим настоящий Гектор был самым заурядным троянцем.

Б о й е. Да разве это Гектор?

К о р о л ь. Думается мне, Гектор был не так хорошо сложен.

Л о н г в и л ь. Для Гектора у него ноги толстоваты.

Д ю м е н. Особенно в икрах.

Б о й е. Нет, настоящий Гектор был куда тщедушнее.

Б и р о н. Какой это Гектор!

Д ю м е н. Он либо бог, либо художник: все время делает рожи.

А р м а д о

“Копьёметатель Марс, непобедимый бог,
Дал Гектору...”

Д ю м е н. Золоченый орех.

Б и р о н. Лимон.

Л о н г в и л ь. С воткнутой в него гвоздикой.

Д ю м е н. Нет, просто с гвоздем.

А р м а д о. Внимание!

“Копьёметатель Марс, непобедимый бог,
Дал Гектору, троянскому герою,
Такую мощь, что тот с зари сражаться мог,
До темноты не прерывая боя.
Я — этот цвет...”

Д ю м е н

Чертополоха.

Л о н г в и л ь

Мяты.

А р м а д о. Дорогой Лонгвиль, обуздай свой язык.

Л о н г в и л ь. Наоборот, мне нужно его разнуздать, потому что он должен угнаться за Гектором.

Д ю м е н. А Гектор — быстр, как гончая.

А р м а д о. Славный воин умер и истлел. Милые дети, не ворошите прах усопшего. Пока он дышал, он был настоящим человеком. Но продолжаю свою роль. (*Принцессе.*) Очаровательная принцесса, обрати ко мне чувство слуха твоего королевского высочества.

П р и н ц е с с а. Говори, храбрый Гектор, мы с удовольствием тебя послушаем.

А р м а д о. Я боготворю туфлю твоего прелестного высочества.

Б о й е (*тихо, Дюмену*). Его любовь ограничивается пятками.

Д ю м е н (*тихо, к Бойе*). Потому что выше ему не добратся.

А р м а д о

“Сей Гектор Ганнибала превзошел...”

Б а ш к а. Плохо дело, друг Гектор, плохо. Оно уже два месяца тянется.

А р м а д о. Что ты имеешь в виду?

Б а ш к а. Ей-богу, если вы не будете честным троянцем, — бедной бабенке пропадать. Она на сносях. Ребенок уже шевелится у нее в животе, а ведь он от вас.

А р м а д о. Ты диффамируешь меня перед владетельными особами! Ты заслуживаешь смерти.

Б а ш к а. А Гектор заслуживает порки за то, что обрюхатил Жакнету, и виселицы за то, что убил Помпея.

Д ю м е н. Несравненный Помпей!

Б о й е. Достославный Помпей!

Б и р о н. Великий из великих, превеликий, величайший Помпей! Непомерный Помпей!

Д ю м е н. Смотрите, Гектор трепещет.

Б и р о н. Помпей разгневался. Сюда, Ата! Трави их, трави!

Д ю м е н. Гектор вызовет его на бой.

Б и р о н. Даже если в нем крови не больше, чем нужно блохе на ужин.

А р м а д о. Северным полюсом вызываю тебя на поединок.

Б а ш к а. Ни полюсом, ни палицей я драться не умею, а вот мечом могу! Пожайлуста, верните мне оружие Помпея.

Д ю м е н. Место для разгневанных героев!

Б а ш к а. Я буду драться в одной рубашке.

Д ю м е н. Неустрашимый Помпей!

М о т ы л е к. Хозяин, позвольте мне расстегнуть вас. Разве вы не видите, что Помпей разоблачается для боя? Чего же вы ждете? Вы погубите свою репутацию.

А р м а д о. Извините меня, господа, но я не хочу биться в рубашке.

Д ю м е н. Вам нельзя отказываться: ведь вызов сделан Помпеем.

А р м а д о. Драгоценные мои, я желаю только того, что могу.

Б и р о н. Что это значит? Объяснитесь.

А р м а д о. Открою вам голую правду: у меня нет рубашки и я надеваю шерстяной камзол прямо на тело, как власяницу.

Б о й е. Он правду говорит. На него эту эпитимью наложили в Риме за то, что у него не водится белья. С тех пор, ручаюсь вам, он никогда не надевал белья, если не считать кухонной тряпки Жакнеты, которую он носит на груди, как залог любви.

Входит М е р к а д.

М е р к а д

Бог да хранит принцессу!

П р и н ц е с с а

**Вам, Меркад,
Я рада, хоть забаву вы прервали.**

М е р к а д

**Я удручен, что должен сообщить
Вам горестную весть. Король, отец ваш...**

П р и н ц е с с а

Он умер? Боже!

М е р к а д

Да, вы угадали.

Б и р о н

Герои, скройтесь с омраченной сцены.

Г е р о и уходят.

К о р о л ь

Принцесса, успокойтесь!

П р и н ц е с с а

Бойе, мы едем ночью. Собирайтесь!

К о р о л ь

Останьтесь с нами, умоляю вас.

П р и н ц е с с а

**Нет, собирайтесь. Слышите? — Спасибо
Вам за прием любезный, господа.
Надеюсь всей душой моей печальной,
Кто ваш широкий ум нас извинит
За слишком смелые порой насмешки.
И если с вами были мы дерзки,
То лишь терпенье и учтивость ваши
Тому виной. Прощайте, государь!
Кто грустен сердцем, на слова не щедр.
Простите ж мне скупую благодарность
За исполнение столь огромной просьбы.**

К о р о л ь

Бег времени в последнюю минуту
События нередко ускоряет,
Мгновенно разрешая все, о чем
До этих пор шли безуспешно споры.
Хоть горе дочери и несовместно
Со светлой и смеющейся любовью,
Как ни чисты ее святые цели,
Но если к ним она уже открыто
Пошла своим путем, пусть тучи скорби
Его не затемнят. Благоразумней
Искать себе отраду в новых ближних,
Чем сокрушаться о потере старых.

П р и н ц е с с а

Я вас не понимаю. Скорбь — глуха.

Б и р о н

Вонмет и скорбь простой и ясной речи.
Я объясню намеки короля.
Лишь ради вас мы, расточая время,
Обет презрели; ваша красота
Преобразила нас, и чувства наши
Наперекор намереньям пошли.
Вот почему вы нас сочли смешными.
Любовь порывиста до неприличья,

Армадо, одетый Гектором. Рис. Дж. Джильберта

Капризна, как дитя, тщеславна, вздорна.
Из глаз родясь, она, как и глаза,
Полна страннейших образов и форм,
Меняющихся с той же быстротою,
С какой глаза меняют впечатленья.
И если мы в одежде шутовской
Глазам небесным вашим показались
Пустыми и бесчетными лгунами,
То кто же, кроме глаз небесных ваших,
Нас уличивших, в этом виноват?
Вы породили в нас любовь, а значит,
И все ее ошибки. Мы обет
Нарушили, чтоб верность сохранить
Вам, кто его заставил преступить.
И этим самым зло измены нашей,
Само себя очистив, стало благом.

П р и н ц е с с а

Пришли от вас любовные посланья
С подарками — посланцами любви,
Но наш совет девичий их почел
За шутку, за любезность, за узор
Для вышиванья по канве досуга,
И мы, всерьез подарки не приняв,
Ответили насмешкой на любовь,
В которой лишь насмешку увидали.

Д ю м е н

Отнюдь не шуткой были наши письма.

Л о н г в и л ь

И взоры...

Р о з а л и н а

Мы их поняли иначе.

К о р о л ь

Так удостойте нас любви хотя бы
В последний час.

П р и н ц е с с а

Час — слишком краткий срок
Для заключенья вечного союза.
Нет, государь, вы тяжко провинились,
Обеты преступив. А потому,
Коль вам нужна моя любовь (чему я
Пока не верю), поступите так:
Клятв не давайте мне, но поскорее
В какой-нибудь заброшенный приют
От светского веселья удалитесь
И ждите там, пока не совершат
Свой круг двенадцать знаков зодиака.
И если в одиночестве суровом
Не охладет пыл желаний ваших,
И если от постов, нужды и стужи

Не облетит любви цветок веселый,
Из испытаний выйдя столь же пышным,
Тогда, чуть год окончится, во имя
Своих заслуг моей любви потребуй, —
И этой девственной рукой, которой
Твою сжимаю, клятву я даю
Тебе принадлежать. А я отныне
Уединюсь в своем жилище мрачном,
В котором буду горькими слезами
Оплакивать усопшего отца.
А коль не хочешь — руки разомкнем,
Чтоб врозь сердца пошли своим путем.

К о р о л ь

Коль побоюсь я променять покой
На искус этот иль еще труднее,
Пускай глаза мне смерть смежит рукой.
Навеки сердце отдаю тебе я.

Б и р о н

А мне что скажет милая моя?

Р о з а л и н а

Как и король, должны вы искупить
Грех клятвопреступленья и обмана.
И если вам нужна моя любовь,
Вы будете в больнице за больными
Ухаживать без отдыха весь год.

Д ю м е н

Жду слова и от вас, моя любовь.

К а т е р и н а

Вот три: здоровья, честности, усов
Я вам желаю с нежностью тройною.

Д ю м е н

Могу ль теперь я вас назвать женою?

К а т е р и н а

Пока что — нет. Но год и сутки ровно
Глуха я буду к болтовне любовной.
Когда ж принцесса под венец пойдет,
И вам кроха любви перепадет.

Д ю м е н

Слугою вашим быть даю вам слово.

К а т е р и н а

Без клятв! Иль вы нарушите их снова.

Л о н г в и л ь

А вы, Мария?

М а р и я

Траурное платье
На друга через год могу сменять я.

Л о н г в и л ь

Хоть долог срок, придется подождать.

М а р и я

Мой долговязый друг, он вам под стать.

Б и р о н

О чем ты так задумалась? Взгляни
В мои глаза, как в окна сердца, чтобы
В них прочитать смиренную готовность
Любой ценой снискать твою любовь.

Р о з а л и н а

Бирон, еще до нашего знакомства
О вас мне слышать много приходилось.
Молва везде твердит, что вы — насмешник.
Обидных прозвищ и сравнений мастер,
Всегда готовый высмеять любого.
Кто попадется вам на языкчок.
Чтоб выполоть ваш плодовитый ум
И тем завоевать мою любовь,
Которой вам без этого не видеть,
Благоволите провести весь год
В больнице меж страдальцами немыми,
Даря беседой лишь калек брюзгливых
И тратя остроумье лишь на то,
Чтобы больных заставить улыбнуться.

Б и р о н

Как! Вырывать из пасти смерти смех?
Я не могу! Мне это не под силу.
Агонию смягчить не властна шутка.

Р о з а л и н а

Но это укрощает едкий ум,
Опасный лишь благодаря хвале
Глупцов, чей хохот вторит остряку.
Остроту делают удачной уши
Тех, кто внимает ей, а не язык
Того, кто отпустил ее. И если
Те, кто оглох от собственного стога,
Ваш вздор согласны слушать, что ж! — острите,
Я вас приму и с этим недостатком.
А если нет, — старайтесь от него
Избавиться, чтоб я при встрече с вами
Порадовалась этой перемене.

Б и р о н

Хоть срок велик, придется с ним смириться.
Отправляюсь на год я острить в больницы.

П р и н ц е с с а
(королю)

Теперь нам, государь, пора проститься.

К о р о л ь

Но мы вас проводить еще желаем.

Б и р о н

Не так, как в старых фарсах, мы кончаем:
В них Дженни получает Джек, а нам
Достался лишь отказ от наших дам.

К о р о л ь

Нам не отказ, а срок годичный дали.

Б и р о н

Да зритель вытерпит его едва ли.

Входит А р м а д о.

А р м а д о. Светлейший государь, соблаговолите...

П р и н ц е с с а. Не Гектор ли это?

Д ю м е н. Доблестный троянский воитель.

А р м а д о. Я жажду облобызать монаршие персты и откланяться. Меня связал обет: я поклялся Жакнете три года ходить за плутом ради ее сладчайшей любви. Но не угодно ли будет теперь вашему досточтимому величеству послушать диалог, сочиненный двумя учеными мужами в похвалу сове и кукушке? Им и могло бы завершиться наше представление.

К о р о л ь. Зови их скорее: мы согласны

А р м а д о. Эй! Входите.

Входят Олоферн, Натаниэль, Мотылек, Башка
и другие.

С одной стороны — Niems, Зима; с другой — Ver,
Весна; Одну олицетворяет сова, другую — кукушка. Ver,
начинай.

П Е С Н Я

В е с н а

Когда фиалка голубая,
И желтый дрок, и львиный зев,
И маргаритка полевая
Цветут, луга ковром одев,
Тогда насмешливо кукушки
Кричат мужьям с лесной опушки:

Ку-ку!

Ку-ку! Ку-ку! Опасный звук!
Приводит он мужей в испуг.
Когда пастух с дудой дружен,
И птицы вьют гнездо свое,
И пахарь щебетом разбужен,
И девушки белят белье,
Тогда насмешливо кукушки
Кричат мужьям с лесной опушки:

Ку-ку!

Ку-ку! Ку-ку! Опасный звук!
Приводит он мужей в испуг.

З и м а

Когда свисают с крыши льдинки,
И дует Дик-пастух в кулак,
И леденеют сливки в крынке,
И разжигает Том очаг,
И тропы занесло снегами,
Когда сова кричит ночами:

У-гу!

У-гу! У-гу! Приятный зов,
Коль суп у толстой Джен готов.

Когда кругом метут бураны,
И онемел от кашля поп,
И красен нос у Марианны,
И птица прячется в сугроб,
И яблоки румянит пламя,
Тогда сова кричит ночами:

У-гу!

У-гу! У-гу! Приятный зов,
Коль суп у толстой Джен готов.

А р м а д о. Слова Меркурия режут ухо после песен Аполлона. А теперь разойдемся кто куда.

Уходят.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

“Комедия ошибок”

Пьеса эта — одно из самых ранних произведений Шекспира — при жизни его она никогда не издавалась и была напечатана лишь в посмертном фолио 1623 года. Известно, что на сцене она шла уже до 1594 года. Но установить еще точнее время ее возникновения помогает один намек, содержащийся в ее тексте.

В акте III, сцене 2 Дромио Сиракузский, уподобляя отдельные части тела дородной кухарки разным странам, на вопрос своего хозяина: “А где находится у нее Франция?” — отвечает: “На лбу, вооружившемся и поднявшемся войною против собственных волос (*against her hair*)”. В этих словах содержится каламбур, основанный на созвучии слов *hair* — “волосы” и *heir* — “наследник”. Именно, помимо прямого смысла — что кухарка лысеет, — здесь можно обнаружить еще и скрытый — что Франция воюет со своим наследником. А это намек на гражданскую войну, начавшуюся в августе 1589 года, после смерти Генриха III Валуа, между новым королем, протестантом Генрихом IV, основателем династии Бурбонов, и Католической лигой. Война эта закончилась в 1593 году, когда Генрих IV, перешедший в католичество, окончательно утвердился на французском престоле. Отсюда можно заключить, что пьеса написана до 1593 года, вернее всего — в 1591 году, когда королева Елизавета послала на помощь Генриху IV отряд войск под начальством Эссекса: в этом году намек на французские дела должен был быть особенно злободневным.

Существует, правда, и другое толкование, основанное на том, что слово *France* может означать не только “Франция”, но и “французский король”, и на том, что в момент

смерти Генриха III других королей во Франции, кроме Генриха IV, не было. А между тем Генрих III, хотя и назначил этого последнего своим наследником, находился с ним во враждебных отношениях, доходивших до военных столкновений. В таком случае пришлось бы признать, что пьеса возникла не после, а до августа 1589 года.

Такое толкование, однако, совершенно не обязательно, да и вообще очень маловероятно, чтобы Шекспир уже до 1589 года, то есть через каких-нибудь два года после приезда в Лондон, писал и ставил на сцене свои пьесы. Но практически это разногласие не представляет никакого значения, ибо и в том и в другом случае пьеса является первой комедией, написанной Шекспиром. За это говорят и многие ее стилистические черты, характерные для “первой манеры” Шекспира, как обилие рифмованных стихов, каламбуров, симметрическое расположение действующих лиц и т.п. На то же указывают влечение к школьной эрудиции, проявившееся в выборе сюжета, и решительное преобладание игровой занимательности над разработкой характеров и какой-либо социально-моральной проблематикой.

“Комедия ошибок” — не что иное, как переделка комедии римского писателя III-II века до н.э. Плавта “Менехмы” (личное имя обоих героев ее), где разворачивается аналогичная история двух близнецов со всеми вытекающими из их сходства недоразумениями. К фабуле этого основного источника Шекспир добавил еще несколько черт, взятых из других комедий Плавта, особенно из “Амфитриона”, откуда почерпнута вторая дополнительная пара двойников — слуг. Этот выбор материала и манера его обработки проливают свет на истинный характер шекспировской пьесы.

Интерес к античной комедии возник в Англии — как и в других странах Европы — в конце XV века. Сперва подлинные пьесы Плавта — на латинском языке или в переводе на английский, — а затем вольные подражания им появляются на английской сцене начиная с 1520 года. Но всякий раз эти постановки происходят либо в университетских колледжах — в порядке практики студентов в латинском языке или для более глубокого ознакомления с античной литературой, — либо в придворном театре, либо, наконец, на закрытых сценах в домах каких-нибудь вельмож. Так, например, “Менехмы” Плавта исполнялись в 1527 году в присутствии кардинала Вулси, первого министра Генриха III, а “Комедия ошибок”, поставленная в 1594 году на закрытом спектакле в зале собрания лондонских юристов, была затем возобновлена в 1604 году в дворцовом театре Иакова I, тогда как нет никаких следов того, чтобы она шла когда-либо на сценах публичных театров. За пределы узкого круга интеллигенции — преимущественно аристократической — интерес к этой классицизирующей драматургии ни в дошекспировскую, ни в шекспировскую эпоху никогда не выходил.

“Комедия ошибок” — определенно “классическая” пьеса, притом единственная из всех пьес Шекспира, принадлежащая к данному типу. На то, что пьеса предназначалась для закрытой сцены, указывает и необычная краткость ее (всего 1777 строк). Характерно также подсказанное античностью соблюдение в ней не только единства времени (одни сутки), но и слегка в расширенном смысле — единство места (в одном городе).

Все это находится в полном согласии с тем, что в первые годы по прибытии в Лондон, стремясь в своих хрониках, ста-

вившихся на сцене публичного театра, к общению с самым широким, народным зрителем, Шекспир в то же время жадно пытался овладеть знаниями, художественным мастерством, всей культурой Возрождения, а это лучше всего он мог приобрести в среде образованных молодых юристов или в кружках просвещенных аристократов, как Саутгемптон и его друг Эссекс, Уолтер Роли, Филипп Сидни и другие. Некоторые из этих вельмож держались весьма передовых взглядов и были склонны к вольномыслию, питательной средой для которого была античная, а также итальянская ренессансная культура. В этой атмосфере, очень далекой от каких-либо феодальных и реакционных традиций, и возникла “Комедия ошибок”; знакомство с этой средой чувствуется также в сонетах и обеих поэмах Шекспира, в “Бесплодных усилиях любви”, в “Сне в летнюю ночь” и в некоторых фразах интродукции к “Укрощению строптивой”. Во всех этих произведениях Шекспир не отходит от народного и национального начала, а приближается к нему, но сложным путем, развивающим и обогащающим его искусство. Он берет из этой культуры не эстетизированные и окаменелые, а наиболее живые и передовые черты, отлично соединяющиеся с его народным и гуманистическим мироощущением.

Своеобразие освоения Шекспиром античности хорошо раскрывается при сопоставлении его комедии с возникшей лет за сорок до того на основе другой плавтовской комедии пьесы Николаса Юделла “Ралф-Ройстер-Дойстер”. Тогда как Юделл делает плавтовскую пьесу лишь своей исходной точкой, развивая сюжет по-своему и всюду вводя английские типы, нравы и понятия, Шекспир сохраняет почти весь сценарий, основной дух и тон античной комедии. Но при этом —

как он умеет это делать, обрабатывая готовые сюжеты, — немногими добавочными, взятыми из современности чертами и оттенками он придает заимствованному материалу совсем иное звучание и новую выразительность. В результате получается как бы своеобразное слияние двух культур.

Отклонения от римского образца и добавления к нему идут по трем основным линиям. С одной стороны, Шекспир разными средствами еще усиливает фарсовый комизм. Прежде всего он еще более усложняет головоломные недоразумения плавтовской комедии, введя вторую пару близнецов (двоих Дромио), а также гротескную фигуру заклинателя Пинча, прообразом которого, возможно, послужил известный лондонский шарлатан того времени Джон Ди. Комизм усилен также внесением черт современности и шуток на злободневные сюжеты, например политические намеки при обсуждении прелестей кухарки, фейерверк английских каламбуров в устах слуг и т.п.

Более близкой шекспировскому зрителю — а тем самым и более забавной — делало пьесу включение черт английского быта. Так, например, в древнем Эфесе действуют пристава; дома, как и в шекспировском Лондоне, носят собственные имена (“Дикобраз”, “Кентавр” и т.д.); мать Антифолов оказывается “аббатисой”; бойкот Эфесом сиракузских купцов должен был напоминать тогдашние отношения между Англией и Испанией. Но все эти черточки рассыпаны в пьесе очень умело и бережно, и они не стирают ее древнеримского колорита. Тот же самый метод мы обнаружим позже и в “римских” трагедиях Шекспира. Отличие от Юделла, с одной стороны, и от археологизирующего Бена Джонсона (“Сеян”), с другой, — очевидно.

Добавим, что живописность и гротескная занимательность повышаются в пьесе использованием добавочных красок из итальянской комедии дель арте. Это особенно относится к ролям обоих Дромио, весьма напоминающих разбитного и дурашливого Дзанни итальянской комедии. Любопытно, что наряду с античными формами имен некоторые персонажи носят итальянские имена — Анджело, Бальтазар, Андриана, Люциана. Один раз даже встречается выражение “синьор Антифол”. Хотя не всегда итальянский колорит выступает осязательно, легкий оттенок его не раз чувствуется в пьесе.

Существеннее, чем все это, смягчение и облагораживание многих образцов и мотивов комедии. С этим связана и известная индивидуализация их, совершенно отсутствующая у Плавта. Приезжий Антифол, воспитанный у отца, мягче, тоньше, чем его брат. На его характере лежит отпечаток какой-то меланхолии, мечтательности. Но и Антифол Эфесский, при всей своей грубости, не лишен честности и прямоты. Это не бесчувственный солдат Плавта, ворующий плащ у своей жены. Напротив, он хочет сам подарить ей золотую цепь, и, только когда дверь собственного дома оказывается перед ним запертой, он отправляется обедать к “веселой девчонке”, отношения с которой у него не до конца ясны (у Плавта это обыкновенная гетера), ибо, по его уверению, жена ревнует его к этой особе “без достаточной причины”. Вообще эпизод с куртизанкой сильно отодвинут Шекспиром на задний план.

Есть также различие и между обоими слугами. Дромио Эфесский, под стать своему хозяину, грубее своего брата; он приучен к побоям и обладает лишь пассивным комизмом, будучи лишен самобытного, творческого остроумия. Еще более

отчетливо разница в обрисовке ревнивой жены. У Плавта комедия кончается тем, что раб местного Менехма ввиду отъезда своего хозяина в Сиракузы объявляет к продаже его дом, все имущество и заодно его сварливую жену. Последнее добавление он делает, конечно, в шутку, но все же в пьесе хозяйка его обрисована истинной фурией. Между тем у Шекспира ревность Адрианы основана на подлинной любви к мужу и изображена в более мягких тонах. То, как она расписывает перед аббатисой свое обращение с мужем, объясняется ее желанием заслужить одобрение этой почтенной особы. На самом деле у Адрианы есть глубоко человеческие черты. Она оплакивает свою полуувядшую красоту и недостаток ума и в светлые минуты искренне сожалеет о своем характере.

Но наиболее важным новшеством, крайне характерным для Шекспира, является внесение в этот, казалось бы, насквозь фарсовый сюжет, идеальных чувств и лирических тонов. Это относится, во-первых, к драматизации роли отца, который у Шекспира отправляется на поиски утраченного нежно любимого сына и при этом чуть не платится жизнью, попав во враждебный его родине город. Великолепен по своим краскам и глубине чувства монолог Эгеона, вызывающий сострадание у всех присутствующих. И еще раз нотки той же семейной и человеческой нежности звучат в сцене счастливой развязки.

Второй момент лирического характера — это эпизод когда приезжий Антифол влюбляется в сестру ревнивой Адрианы — Люциану (образ, кстати сказать, целиком созданный Шекспиром, как и образ матери Антифолов), и его пламенное признание в своем чувстве. Получается трогательная и вместе с тем комическая ситуация. Люциана, принимая приезжего Антифола за мужа сестры, приходит в ужас от его

чувства и всячески убеждает его быть верным Адриане. А в то же время какой-то инстинкт влечет ее к нему, и она не в силах его отвергнуть. Здесь, в этой первой комедии Шекспира, мы уже встречаем мотив, который станет потом одним из самых типичных для него и найдет свое наиболее законченное выражение в двух последних его “романтических” комедиях: чем смешнее, тем трогательнее, — и чем трогательнее, тем забавнее.

А вместе с тем внесение в фарсовую основу элемента лиризма и высоких чувств намечает путь развития общей концепции комедии у Шекспира, стремящегося к синтезу этих двух начал. То, что включение лирического элемента произведено не случайно, не просто ради разнообразия, доказывается тем, в каких местах он помещен в пьесе; в самом начале, в середине, где происходит кульминация интриги, и финале — как раз там, где Шекспир обычно расставлял “сигналы”, долженствующие помочь зрителю верно понять общий характер, “тональность” пьесы. Из этих трех точек “романтическое” начало бросает свой светлый отблеск на всю пьесу, соответственным образом настраивая зрителя.

Все это сделано настолько свежо и оригинально, до такой степени по-шекспировски, что совершенно отпадает предположение некоторых исследователей, будто Шекспир мог почерпнуть кое-какие из своих новшеств и дополнений к Плавту в промежуточном звене между римской пьесой и его комедией. А именно: до нас дошло сведение, что в 1576 году в Лондоне шла пьеса под названием “История ошибок”; но мы не знаем ни ее содержания, ни имени автора, и, если эта пьеса действительно разрабатывала сюжет “Менехмов”, она была, вероятно, механическим переложением комедии Плавта, не оставившим в английской драматургии никакого следа.

“Комедия ошибок” писалась, видимо, очень торопливо, на что в ее тексте указывают несколько мелких несогласованностей. Возраст близнецов в I,1 и V,1 дан по-разному; рассказ их матери в V,1 не вполне согласован с рассказом отца в I,1; кухарка в III,1 называется Люс, а в III,2 — Нелль; Анджело в III,2 забыл то, что он говорил в III,1. Но эти мелкие царапинки, попадающиеся иногда в других пьесах Шекспира и почти не встречающиеся у других драматургов, его современников, — служит тоже своеобразной “меткой” его стремительного, но глубокого творчества, в котором фактическая точность всегда отступала на второй план перед остротой и верностью мысли.

А. Смирнов

Примечания к тексту “Комедии ошибок”

К с. 7. Действующие лица. Имена персонажей комедии представляют смешение латинских (*Антифол*, *Дромио*, *Эгеон* и так далее), итальянских (*Анджело*, *Бальтазар*) и даже английских форм (*Люс*). Имя *Пинч* — смысловое: *pinch* значит “ущемление, стесненное положение” (намек на малозначительность и бедность этого персонажа).

К с. 12. *Эпидамн* — город на северном побережье Адриатического моря, ныне Дуррес.

К с. 14. *Эпидавр* — город на восточном побережье Греции.

К с. 19. “*Кентавр*” — название гостиницы.

К с. 22. *Шесть пенсов те...* — Шекспир здесь больше, чем в какой-либо другой из своих пьес, переносит в древнюю и

далекую обстановку современные английские понятия и черты быта.

К с. 23. *Мне приказали привести вас...* в ваш дом, дом “Феникса”... — Во времена Шекспира не только гостиницы, но и частные дома носили особые названия (обычно по лепным украшениям на их фасаде).

К с. 24. *Да только то пинки, не марки...* — В подлиннике игра двойным значением слова *marks* — “марки” (монеты) и “отметки” (зарубки, шрамы).

К с. 35. *Задаток крупный.* — В подлиннике игра двойным значением слова *earnest* — “серьезный” и “здаток”.

К с. 36. *Вы принимаете мою башку за какую-то крепость и собираетесь штурмовать ее?* — В подлиннике игра двойным значением слова “*scopce*” — “череп” и “крепостные укрепления”.

К с. 37. *Ее надо побить и полить.* — В подлиннике *basting* с двойным значением: “бить” и “поливать” (жарящееся мясо).

К с. 40. *Вот ты и кончил лысым заключеньем.* — В подлиннике игра созвучием слов: *bald* — “лысый” и *bold* — “смелый”, “дерзкий”.

К с. 52. *...ты б сменил лицо и имя, чтобы стать ослом...* — намек на упомянутое выше “превращение” Дромио.

К с. 56. *Лом? Долбить? Без перьев галку, значит, вам добыть?* — В подлиннике игра двойным значением слова *crow* — “ворона”, “галка” и “лом”.

К с. 61. *Я ослеплен, и сам не знаю как.* — В подлиннике игра созвучием: *not mad, but mated* — “не безумен, а ос-

леплен”, с добавочной игрой двойным значением слова mated — “приведен в смятение” и “женат” (здесь “обручен”).

К с. 65. ...и в нее, как в бочку, можно наливать эль: три четверти не заполняют ее от бедра до бедра. — В подлиннике игра созвучием слов: Nell — женское имя (уменьшительное от Елена) и ell — локоть (мера длины). Дромио говорит: “Ее имени и трех червертей (локтя и трех четвертей) не хватит, чтобы измерить ее от бедра до бедра”.

А Шотландия? — Где голо и шероховато: на ладонях. — Намек на неплодородную почву и гористость Шотландии.

А Франция? — На лбу, вооружившись и поднявшись войною против собственных волос. — Разъяснение каламбура, который содержится в этих словах, см. в общей статье к пьесе.

К с. 66. ... обе Индии — Вест-Индия и Ост-Индия.

К с. 76. ...закону должен я повиноваться. — За исполнение законных требований частных лиц во времена Шекспира полицейские получали лично от них определенную плату.

К с. 81. ... так птички крик отводит от гнезда... — Адриана хочет сказать, что она бранит мужа для того, чтобы другим женщинам он казался дурным; как птичка, отлетая в сторону и крича, старается отвлечь человека или собаку от своего гнезда.

К с. 83. Оно банкрот: не может долга мгновению отдать. — Смысл этой фразы таков: время (в абстрактном смысле — совокупность условий жизни, “наш век”) иногда бывает не в состоянии удовлетворить всем требованиям, предъявляемым отдельным моментом (положением, стече-

нием обстоятельств); поэтому время, взятое в целом, беднее своей частицы — мгновения.

К с. 85. *Иль город здесь лапландских колдунов?* — Лапландия славилась своими колдунами.

А где же образ древнего Адама, вырядившегося по-новому? — Дромио называет пристава “древним Адамом”, потому что, подобно Адаму (согласно библейской легенде, одевшемуся после грехопадения в звериные шкуры), пристав тоже одет в кожу (буйловою куртку), только скроенную по-новому.

...дать любому постель в местах заключения. — В подлиннике игра созвучием слов: rest — “отдых” и arrest — “арест”.

К с. 86. *...и вот в мешке ангелочки...* — В Англии XVI в. существовали монеты, называющиеся ангелами.

К с. 87. *...в образе легких и светлых ангелов...* — В подлиннике: angels of light с игрой с двояким значением слова light — “легкий” и “свет”.

...кто ест с дьяволом, у того должна быть длинная ложка — старая пословица.

К с. 88. *“Не чваньтесь, дама”, — говорил павлин.* — Павлин, распуская хвост, как бы говорит женщинам: “Не чваньтесь своими нарядами”.

К с. 92. *Мой добрый доктор Пинч...* — “Доктор” здесь — в общем значении “ученый муж”.

К с. 116. *...слуга ж стрижет макушку, как безумцу...* — Сумасшедшим подбрасывали волосы на темени и по каплям лили на бритое место холодную воду.

К с. 122. *Не опоила ли уж вас Цирцея?* — В “Одиссее” рассказывается, что колдунья Цирцея напоила спутников Одиссея волшебным напитком, под действием которого они превратились в свиней и утратили способность разумно мыслить.

К с. 124. *Лишь час назад я точно был привязан...* — Дромио играет созвучием слов: *bondman* — “раб” и *bound man* — “связанный человек”.

“Укрощение строптивой”

Комедия эта при жизни Шекспира ни разу не издавалась и впервые была напечатана лишь в посмертном фолио 1623 года. В списке шекспировских пьес, опубликованном в 1598 году Мересом, она не фигурирует, из чего, однако, нельзя делать вывод, что она была написана позже, так как перечень Мереса мог быть и неполным, а кроме того, в его списке значится загадочная пьеса “Вознагражденные усилия любви”, что могло быть вторым заглавием шекспировской комедии — вроде того как это имело место с пьесой “Двенадцатая ночь, или Что угодно”. Наконец, не исключена возможность, что Мерес просто смешал пьесу Шекспира с одноименной пьесой другого, анонимного автора на тот же сюжет. Вообще анонимная пьеса должна быть в первую очередь учтена при решении вопроса и о датировке шекспировской комедии, и о ее возникновении.

Эта вторая пьеса была издана в 1594 году, а затем дважды переиздана — в 1596 и 1607 годах. Однако по некоторым признакам, она была написана за несколько лет до ее первого

издания. Называлась она: “Забавно придуманная история, именуемая — Укрощение одной строптивицы”. Отличие от заглавия шекспировской пьесы сводится к двум последним словам: у анонима — “одной строптивицы” (a shrew), у Шекспира же просто “строптивой” (the shrew) — оттенок совсем незначительный и не поддающийся точному переводу на русский язык.

Все в анонимной пьесе — фабула с ее тремя темами (интродукция с пьяницей Слаем, укрощение Катарины, история замужества Бьянки), почти все персонажи с их характерами, даже в основном “мораль” пьесы — соответствует шекспировской комедии. Мелкие расхождения сводятся лишь к следующему. У анонима действие происходит не в Падуе, а в Афинах; все имена персонажей другие: главный герой зовется Фернандо, героиня всегда сокращенно Кет, и т.п. у Кет не одна, а две сестры — Эмилия и Филена, к каждой из которых сватается какой-нибудь один юноша, тогда как у Шекспира выведена одна сестра, имеющая зато нескольких поклонников; тайного брака у анонима нет, и вся развязка скомкана; расширена роль пьяницы в интродукции, который у Шекспира исчезает вскоре после начала настоящей пьесы, тогда как у анонима он остается до конца на сцене, прерывая действие своими смешными возгласами и т.д.

Внешнее сходство обеих пьес столь велико, что при отсутствии общего сюжетного источника, самостоятельными переработками которого они могли бы явиться, приходится допустить, что одна из них послужила моделью для другой. Но какая же комедия более ранняя?

С давних пор господствующим среди шекспироведов было мнение, что Шекспир получил предложение от своей

труппы, ввиду появления анонимной пьесы, возникшей не позже 1592 года и шедшей с успехом на одной из лондонских сцен, создать нечто вроде нового варианта того же сюжета, который труппа Бербеджа могла бы противопоставить этой пьесе. Эту переработку Шекспир выполнил с блеском — создав, судя по метрическим и стилистическим признакам, около 1594 года, по существу, глубоко оригинальное произведение, полное юного вдохновения и поэтической прелести.

Однако уже лет сто тому назад возникла и другая гипотеза, нашедшая в новейшее время убежденных очень авторитетных защитников (Крейценах, Смарт, П. Александр). По их мнению, первой возникла шекспировская пьеса, а анонимная является очень неуклюжим плагиатом некоего писателя, который, чтобы замаскировать свой литературный грабеж и создать впечатление новизны пьесы, переписал весь текст заново. Если принять эту теорию, пришлось бы отодвинуть дату шекспировской комедии на два или три года назад.

Хотя в пользу второй точки зрения было приведено немало остроумных доводов, все же старая теория нам, как и большинству критиков, кажется более убедительной. Решающим здесь является следующее соображение. Для Шекспира крайне характерен такой способ переработки чужих пьес, когда он, заимствуя фабулу и образы, создает целиком новый текст, где использует лишь две-три фразы или выражения старой пьесы, но при этом все содержание ее необычайно углубляет, украшает и наполняет нередко совершенно новым смыслом. Примеры этому из раннего периода его творчества — “Комедия ошибок” и некоторые хроники (“Король Иоанн”, фальстафовская часть “Генриха IV”), позже — “Мера за меру”, “Лир”, вероятно, “Гамлет”. Наоборот, для многочислен-

ных других тогдашних “переработчиков” чужих пьес типично беззастенчивое использование старого текста; бывали даже случаи, когда они ограничивались добавлением одной или двух сцен и переделкой нескольких реплик. Нечего и говорить, что до внутреннего обогащения пьесы дело почти никогда не доходило.

Надо еще заметить, что все три темы комедии Шекспира помимо анонимной пьесы были широко распространены в ту эпоху в самых разнообразных формах и версиях. Так, например, тема интродукции (“халиф на час”) встречается в английских народных балладах, в дидактических трактатах, в английском переводе сказок “Тысячи и одной ночи”; история укрощения строптивой — во множестве назидательных повестушек, песен, анекдотов; история Бьянки с переодеванием ее поклонников учителями была известна хотя бы по знаменитой комедии Ариосто “Подмененные”, переведенной на английский язык еще в 1566 году Гаскойнем. Из всех этих произведений Шекспир заимствовал некоторые выразительные добавочные черты; но основным источником ему все же послужила анонимная пьеса.

Из всех персонажей пьесы лишь два представляют собой яркие, живые, хорошо разработанные характеры: это Катарина и Петруччо, и лишь с очень большими оговорками можно к ним еще присоединить Бьянку. Все же остальные персонажи — условные фигуры, шаблонные гротески, очень близкие к маскам итальянской комедии. Добродушный и глуповатый скупой старик Баптиста очень похож на таких же одураченных отцов итальянской комедии, ловкий слуга Трацио — на хитрого Бригеллу, молодящийся старик Гремио — на дурашливого венецианца Панталоне, и т.п. Этому соответствует и насквозь фарсовый характер действия (возможные

ствуется и насквозь фарсовый характер действия (возможные проделки, потасовки, сплошной хохот), без всякой примеси хотя бы самого легкого лиризма, нежных, идеальных чувств, какая есть, например, в почти одноименной, по существу — тоже фарсовой “Комедии ошибок”. Соответственно этому язык персонажей сочен и резок без малейшего намека на характерный для раннего Шекспира эвфуизм. Это случай почти уникальный во всем творчестве Шекспира: только еще “Виндзорские насмешницы” могут быть причислены к чисто фарсовому жанру.

Это объясняет и ту внутреннюю скрепу, которая соединяет интродукцию с самой пьесой. Тщетно искали “философствующие” критики связь между ними в единстве мысли или морали (никто не должен выходить за грань назначенного ему удела; все существующее — мираж, и т.д.). На самом деле Шекспир охотно воспроизвел интродукцию старой пьесы как подготовляющую и оправдывающую буффонный характер самой комедии. Она разыгрывается странствующими комедиантами с целью развлечь больного — естественно, что ждешь от нее зрелища легкого, грубоватого, чисто увеселительного, без всякой сложности и глубины.

И тем не менее, в пьесе содержится в скрытом виде глубокая проблема, воплощенная в образах Катарины и Петруччо, не случайно разработанных по-особому и неизмеримо более содержательных, чем у анонима. Ее трактовка служит камнем преткновения для многих исследователей, а между тем это момент центральный для понимания смысла пьесы и раскрытия ее художественного интереса.

Концепция пьесы не может вызывать сомнений. Избалованная и своенравная Катарина усмирена своим умным и

ловким женихом, а затем мужем Петруччо. Плоды его стараний не замедлили сказаться: она превратилась в идеальную по благонравию жену. В финале пьесы, когда происходит своеобразное испытание жен, оказывается, что бывшая смиренница Бьянка успела превратиться в сварливую капризницу, тогда как сама Катарина стала воплощением кротости и приветливости. Пьеса заканчивается ее знаменитым монологом, в котором она утверждает природную слабость женщин и призывает их к покорности мужьям.

Такая мораль как будто плохо согласуется с нашим представлением о свободолобии Шекспира, создателя образов смелых, инициативных, борющихся за свои человеческие права, за свободу своих чувств женщин (Джульетта, Дездемона, Гермия из “Сна в летнюю ночь”, Елена из “Конец делу венец” и многие другие).

Что не только нас, но и некоторых современников Шекспира эта мораль шокировала, видно из того, что драматург Флетчер написал в противовес ей комедию “Укрощенный укротитель” (точная дата неизвестна), где женщина берет реванш. Герой пьесы, который также называется Петруччо, влюбляется (видимо, после смерти Катарины — в пьесе это ясно не сказано) в одну девушку и решает на ней жениться, причем жена обращается с ним так же, как у Шекспира его Петруччо обращается с Катариной. Пьеса кончается словами: “Укрощен укротитель! Но так, что ни один мужчина не имеет права жаловаться, если учтет, что ему не предназначено в этом мире быть тираном женщины. Однако и женщины не найдут здесь основания для торжества и насмешек, ибо мы теперь признали равенство между мужчиной и женщиной, как и должно быть. Мы учим любви ради любви!”

Многие критики пытались “реабилитировать” Шекспира, обелить его пьесу с помощью разных натяжек и самых произвольных толкований, начиная с заявления, что, поскольку Шекспир взял готовый сюжет, ему “пришлось” сохранить и его мораль или что Катарина не есть рупор Шекспира, который сам смотрел на дело иначе, и кончая допущением, что Катарина и Петруччо борются между собой лишь ради забавы и что Катарина свой знаменитый монолог произносит только для того, чтобы посмеяться над Гортензио и его супругой, сама же нисколько не верит в то, что говорит. Все эти домыслы идут вразрез с прямым смыслом текста. Они к тому же совершенно антиисторичны.

Шекспир, несмотря на всю свою гениальность и прогрессивность критики современного ему общества, был все же сыном своего века, которому не могла даже в голову прийти мысль о полной юридической и бытовой эмансипации женщины. Шекспир, восставший против всякого тиранического насилия над человеческой личностью и всегда защищавший свободу детей и жен от грубого и тупого деспотизма отцов и мужей, вместе с тем никоим образом не отказывался от признания необходимости твердого строя в семье, обществе и государстве. Без этого строя, по мнению Шекспира, невозможно разумное и гармоничное устройство человеческого общества, которое является такой же задачей гуманистов, как и завоевание свободы человеческой личности. Восхвалению этого строя и идеальной гармонии, долженствующей господствовать в обществе и государстве, подобно тому как она господствует в природе, посвящена знаменитая речь Улисса в “Троиле и Крессиде”: “Везде свой строй — и на земле внизу и в небесах, среди планет горящих: законы первородства всюду

есть. Есть первенство во всем, есть соразмерность — в обычаях, в движении, в пути...” (I,3).

Так, считает Шекспир, должно быть и в семье, где мужу принадлежат ведущая роль и решающий голос. Мысль эту можно найти не только в “Укрощении строптивой”, но и в ряде других пьес Шекспира. В “Комедии ошибок” Люциана стыдит свою ревнивую и сварливую сестру, убеждая ее быть кроткой и покорной по отношению к мужу. Такую же робость и кротость проявляет по отношению к Бруту его благородная, героическая подруга Порция (“Юлий Цезарь”, XI,1, в конце).

Однако, все дело в том, каковы формы и назначение такой покорности мужу. Ее цель — не утверждение эксплуатации и порабощения женщины в согласии с феодальными нормами, а внесение в семью того “порядка” и “гармонии”, которые Шекспир в соответствии с общественным и культурным состоянием эпохи мог представлять себе лишь в тех формах, какие мы находим в его произведениях.

В “Укрощении строптивой”, несмотря на резкость отдельных выражений (значительно меньшую, однако, чем в старой пьесе), речь идет всего лишь о том, кому должно принадлежать решающее слово — мужу или жене. Петруччо надо сломить только строптивость Катарины, после чего в их жизни установится гармония.

Чтобы полностью оценить это, следует хотя бы бегло сравнить комедию Шекспира не только с анонимной пьесой, но и с другими более старыми разработками той же темы, бесспорно, известными драматургу. Сравнение это в основном должно коснуться двух моментов — во-первых, характера героини, во-вторых, характера отношений, которые

устанавливаются между нею и мужем, и вообще всей атмосферы, окутывающей действие.

В старых, в основном средневековых, версиях строптивица представлена в отталкивающем виде, уродливой в своем гневе и взбалмошных причудах, как зачинщица беспричинных ссор и отравительница покоя. Отголоски такого отношения звучат и в пьесе Шекспира, где окружающие называют Катарину “чертовкой”, “ведьмой”, “зловредной”, “злющей”, “строптивой и грубой свыше всякой меры”. Но такова ли она в пьесе Шекспира на самом деле? Проследим все ее поведение вместе с теми обстоятельствами, в которых оказывается героиня.

Катарина появляется в самом начале пьесы (I,1). Ее отец объявляет женихам, сватающимся к Бьянке, что выдаст ее не раньше, чем устроит Катарину, старшую дочь. Катарина, зная общее к ней отношение, чувствует всю унижительность своего положения и высказывает прямо свою обиду: “К чему, отец, вам превращать меня в посмешище для пары дураков?” Следует перепалка, в которой она лишь отвечает — хотя достаточно резко — на насмешки и оскорбления женихов сестры. Бьянка начинает плакать, что вызывает гневную реплику Катарины: “Глаза у ней всегда на мокром месте”. Ее раздражение и здесь понятно. Поведение “кроткой страдальцы” Бьянки, ее духовное убожество, прямо задевает Катарину, выставляя ее каким-то чудовищем, виновницей несчастья сестры. Отец уходит с Бьянкой, бросив старшей дочери: “Останься, Катарина”, на что та возмущенно восклицает: “А мне нельзя уйти отсюда, что ли? Указывают! Будто я сама не знаю, что мне надо, что не надо” — и уходит, провожаемая ругательствами женихов сестры. Она права — что ей делать здесь, среди враждебно настроенных к ней людей?

До сих пор мы наблюдали в Катарине резкость, даже грубость, но “сварливости” в подлинном смысле слова мы не видели. Она была стороной не нападающей, а защищающейся.

Но следующее ее появление (XI,1) раскрывает в ней как будто нечто худшее. Оставшись наедине со своей “тихой” сестрой, она связала ей руки и бьет ее. За что же? Ответ Бьянки все разъясняет: она вообразила, будто Катарина хочет отнять у нее все платья и драгоценности, и выражает готовность отдать ей все свои наряды “вплоть до юбки” на том основании, что ее “долг святой — повиноваться старшим”. Катарина добивается от нее, который из женихов ей больше нравится, — и тогда Бьянка, решив что один из них, может быть, приглянулся ее сестре, уверяет, что она ни одному из них не отдает предпочтения и готова уступить ей любого.

Такое духовное убожество, безразличие, склонность истолковывать все свободолюбивые порывы сестры на свой собственный, неизменный лад окончательно выводят из себя Катарину, которая пыталась найти у этой куклы хоть какое-либо проявление чувства, что-нибудь похожее на живую душу. И отсюда — гнев Катарины и жестокость по отношению к сестре. Сцена заканчивается появлением Баптисты, который утешает плачущую тихоню Бьянку и, по обыкновению, сурово укоряет Катарину.

В третий и последний раз до ее “укрошения” мы видим Катарину в непосредственно следующей за этим сцене ее объяснения с Петруччо. Этот решает сразу ее ошеломить — осыпает комплиментами, хвалит ее “любезность, красоту и кротость”, которую все “превозносят”... Естественно, что на это издевательство Катарина отвечает резкостями. Происходит забавная перепалка с фейерверком остроумия, и в заключе-

ние Петруччо объявляет Баптисте, что они “поладили” и что “свадьба состоится в воскресенье”. Катарина в последний раз огрызается: “Увижу раньше, как тебя повесят!” — и замолкает. Здесь мы меньше всего видим “строптивницу”. Катарина лишь пытается защититься от грубо ворвавшегося насильника. Что же касается ее колкостей, то в них ей немногим уступят получившие весьма тонкое воспитание и Розалина из “Бесплодных усилий любви” и Беатриче из “Много шума из ничего”. Правда, после одной из дерзостей Петруччо она дает ему пощечину, чего те, вероятно, не сделали бы. Но ведь и Бирон или Бенедикт не стали бы вести себя так, как Петруччо. На то это и фарс, в котором любой из персонажей (кроме лицемерной Бьянки) в грубости поспорят с Катариной.

После этого мы видим сразу же “укрощенную” Катарину. Да и при каких обстоятельствах происходит это укрощение? Не в ответ на своеволие, а просто так, без всякого повода Петруччо унижает жену, морит ее голодом, принуждает делать и говорить нелепости. В итоге в пьесе перед нами — женщина, борющаяся за свое достоинство и после всех испытаний обретающая заслуженное ею счастье.

Катарина — цветущая, даровитая девушка со смелым и сильным характером, задыхающаяся в кругу пошлых ничтожеств (не исключая отца и сестры), среди которых она обречена жить. Она рождена, чтобы встретить такого же сильного и смелого, такого же живого человека, как она сама. И она встречает его — дерзкого искателя приключений, темпераментного и остроумного, из породы конквистадоров, отчаянных мореплавателей XVI века, любимцев фортуны. Конечно, он элементарен и эгоистически ограничен в своем жадном

порыве к жизни, но тип исторически глубоко верен и к тому же трактован в ярко фарсовом плане. Стоило Петруччо и Катарине встретиться, и между ними сразу же пробегает электрическая искра — залог того, что их борьба и ее испытания закончатся не тоской и неволей, а большим человеческим счастьем.

В целом пьеса — и в том ее глубокое, передовое для той эпохи значение — утверждает идею не “равноправия”, а “равноценности” мужчины и женщины. Как и во многих других пьесах Шекспира, Катарина обнаруживает такое же богатство внутренней жизни, как и Петруччо. Это такая же сильная и полноценная натура. Подобно тому как это произошло между Беатриче и Бенедиктом, их толкнули друг к другу свойственные обоим прямота, избыток здоровья и жизнерадостность. Каждый нашел в другом достойного противника — и партнера. Человеку ей враждебному или безразличному Катарина, конечно, не подчинилась бы. Тяжба между ними, имеющая серьезный, проблемный характер, ими самими переживается как увлекательная, радостная игра, потому что между ними уже вспыхнула любовь и потому что они ощущают в себе избыток молодых сил, требующих разрядки.

Замысел Шекспира имеет гораздо более глубокий характер, чем мораль пьесы Флетчера, где защита “престижа” женщины достигается унижением и мужчины и женщины, обрисованных как натуры мелочные, лишённые размаха и полноценности шекспировских героев.

А. Смирнов

Примечания к тексту “Укрощения строптивой”

К с. 139. *Ричард Завоеватель* — вместо “Вильгельм Завоеватель”. Знатнейшие английские феодалы кичились своим происхождением от баронов, пришедших в Англию вместе с нормандским герцогом Вильгельмом Завоевателем, покорившим Англию в 1066 году.

К с. 145. *Играл я, верно, Сото, ваша милость*. — Сын фермера по имени Сото фигурирует в комедии Флетчера “Женщины довольны”. Но он не ухаживает там за дворянкой, и, кроме того, пьеса эта написана была позже “Укрощения строптивой” (по-видимому, около 1620 г.).

К с. 149. *Бертонская Пустошь (Бертон-Хил)* — деревня в Йоркшире, где жили родственники Шекспира, Ламберты.

Мериан Хеккет — личность реальная; она была родом из Глостершира.

Уинкот — деревня близ Стретфорда; здесь жил дед Шекспира с материнской стороны.

К с. 150. *Семирамида* — легендарная царица древней Ассирии, славившаяся своей роскошью и изнеженностью.

К с. 151. *Цитерея* — Венера. *Адонис* — юноша, в которого Венера была влюблена.

Ио — дочь аргосского царя, возлюбленная Зевса (Юпитера).

Дафна — нимфа, которую преследовал своей любовью Аполлон.

К с. 155. ...*ни Стивен Слай, ни Старый Джон Непс-Сало* ... — В подлиннике: “Джон Непс из Греции”, с

игрой созвучием: *Greese* — “Греция”, *grease* — “жир”, “сало”.

Мадамà Элс или мадама Джен? — Слай принимает слово “мадам” за фамилию.

К с. 159. *Mi pardonate...* — Сценический вариант: “Прошу прощения, добрый мой хозяин”.

...Овидием нельзя пренебрегать. — Овидий здесь имеется в виду как автор “Искусства любви”.

К с. 160. *Торжественно встречают нас, наверно.* — Существовал обычай высылать делегацию навстречу знатым лицам, прибывавшим в город.

Входят Баптиста... Гортензио. — В перечне вошедших персонажей к имени Гортензио фоллио прибавляет сценическую характеристику: “Панталоне” (маска *commedia dell'arte* — смешной старик, одураченный в своих любовных исканиях).

К с. 163. *Минерва* — богиня мудрости у древних римлян, соответствующая греческой богине Афине-Палладе.

К с. 168. *Ведь для меня ты так же дорог... как Анна для царицы Карфагенской...* — Анна — сестра Дидоны, Карфагенской царицы (в “Энеиде” Вергилия).

Redime te... — фраза из комедии Теренция “Евнух”. Сценический вариант: “Старайтесь откупиться подешевле”.

К с. 169. *...такой лишь Агенора дочь блистала...* — Европа, похищенная Зевсом (Юпитером) и поселенная им на Крите.

К с. 171. *...возьми-ка плащ мой и цветную шляпу...* — Знатные лица носили цветные шляпы.

К с. 176. *Con tutto il cuore...* — Сценический вариант: “Душевно рад вас снова повидать”.

Alla nostra casa ben venuto... — Сценический вариант: “Добро пожаловать, синьор достойный”.

Нет, синьор, тут латынью не отговоришься. — Одна из условностей елизаветинской драматургии: предыдущие итальянские фразы никак не могли итальянцу Грумио показаться латынью.

К с. 178. *...дурней жены Флорентия...* — В средневековой повести о рыцаре Флорентии рассказывается, что он женился на чрезвычайно уродливой женщине, которая, разгадав загадку, спасла ему этим жизнь.

К с. 178. *Сивилла* — прорицательница в древнеримских сказаниях — в эпоху Возрождения всегда изображалась как дряхлая старуха.

Ксантинна — жена Сократа, была известна своей сварливостью.

К с. 186. *...вы решили... венчаться с этой дикой кошкой?* — Игра слов: *cate* — “кошка”; *Kate* — “Катарина”.

К с. 190. *Дочь Леды тьму вздыхателей имела.* — Елена Прекрасная, возлюбленная Париса, была дочерью смертной женщины Леды и Зевса (Юпитера).

К с. 195. *....а мне остаться старой девой, что ли, и из-за вас в аду мартышек нянчить?* — Согласно пословице, старым девам суждено в аду прогуливать (точнее — водить на помочах) чужих детей за то, что они при жизни не имели своих.

К с. 200. *Люченцио зовут вас?* — Комментаторы полагают, что Баптиста мог узнать имя мнимого Люченцио или

во время тихого разговора с ним в стороне, или потому, что Транио-Люченцио надписал свое имя на связке принесенных им книг. Но елизаветинские драматурги не задавали таких хитрых загадок своим зрителям, и скорее всего здесь простая небрежность со стороны автора.

К с. 205. *Кет* — кошечка, *Кет* — лакомый кусочек. — В подлиннике игра слов: *Kate* — “Катарина”, *cate* — “кошка”, *cates* — “сласти”.

К с. 211. *Ты не хромаешь!* — Так как перед этим Петруччо отрицал сварливость Катарины, из этого места можно было бы заключить, что она хромая. На самом деле это лишь шутка: Петруччо намеренно смешивает правду с выдумкой, чтобы окончательно сбить Катарину с толку.

К с. 213. *Гризельда* — героиня популярного в средние века рассказа, образец кротости и смирения (история ее рассказана, между прочим, в последней новелле “Декамерона” Боккаччо).

К с. 214. *Лукреция* — древняя римлянка, лишившая себя жизни после того, как ее обесчестил сын царя Тарквиния (на этот сюжет Шекспиром написана поэма “Оскорбленная Лукреция”).

К с. 217. *Он весь увешан тирскими коврами...* — Тир — город в Сирии, славившийся в средние века своими коврами.

К с. 223. *Hic ibat Simois...* — Двустигшие из “Геронд” Овидия.

К с. 225. *Эакид* — потомок Эака.

К с. 232. *Где видано такое? Тут дело не простое и т.д.* — по-видимому, отрывок из старинной баллады.

К с. 238. ...когда же кончился обряд венчания, потребовал вина... — Новобрачные сразу после венчания, согласно распространенному в те времена обычаю, выпивали в церкви кубок вина.

К с. 245. “Эх, Джек! Ах, Джек!” — начало застольной песни.

К с. 250. “Где ты, жизнь моя бывая...”, “Жил монах, молился богу...” — отрывки из старинных песен.

К с. 275. ...отдавай мне свой ярд... — Ярд — английская мера длины (91 сантиметр) и соответствующая ей мерка (палка).

К с. 298. *Вступительная ремарка.* — Десерт, состоявший из фруктов, сладостей и вина, подавался через некоторое время после трапезы и притом обязательно в другой комнате.

“Бесплодные усилия любви”

Комедия эта была впервые напечатана в 1598 году под заглавием “Забавная и остроумная комедия, называемая Бесплодные усилия любви, как она была представлена перед ее величеством в минувшее рождество, вновь исправленная и дополненная У.Шекспиром”.

Уже одно заглавие это доказывает, что комедия была написана раньше, быть может, задолго до 1598 года. О том же свидетельствует и целый ряд стилистических черт, характерных для ранней манеры Шекспира: огромное количество рифмованных стихов (значительно более половины всего текста), обилие мифологических образов, вставных иноязычных слов и фраз, каламбуров и вообще всяких языковых прикрас, свой-

ственных эвфуизму. В этой пьесе Шекспир заканчивает начатое им в “Комедии ошибок” усвоение гуманистической литературной культуры в той форме, в какой он мог познакомиться с нею в кружках передовой английской аристократии.

Анализ сюжета пьесы позволяет примерно определить время ее возникновения. В отличие от большинства других пьес Шекспира комедия не представляет собой обработки какой-либо готовой фабулы. Да фабулы в ней, в сущности, и нет. Что же касается фона, на котором разворачивается действие, то он навеян историческими фактами и персонажами. Место действия комедии — Наварра (на юге Франции), герой ее — никогда не существовавший король Фердинанд, в котором нетрудно узнать популярного в эпоху Шекспира Генриха Наваррского, вступившего в 1589 году на французский престол под именем Генриха IV. Выступающие в пьесе приближенные короля — Бирон, Лонгвиль, Дюмен — также являются историческими лицами, игравшими видную роль в политических событиях 1581 — 1590 годов. Маршал Бирон и герцог Лонгвиль были соратниками Генриха во время “религиозных” войн, а герцог Дюмен (de Mayenne) — его политическим врагом, одним из вождей Католической лиги. Что касается французской принцессы, то в ней нетрудно узнать Маргариту Валуа, сестру королей Карла IX и Генриха III, первую жену Генриха Наваррского, с которой он расстался после организованной в день их свадьбы католиками резни — Варфоломеевской ночи (1572). Осенью 1578 года Маргарита, якобы для примирения с мужем, совершила поездку в местечко Нейрак, где Генрих жил уединенно в кругу своих приверженцев. Приезд Маргариты вызвал ряд блестящих празднеств,

служивших прикрытием для политических интриг, которые являлись главной целью поездки Маргариты.

На представлении в сезон 1597/98 года комедия имела, по-видимому, успех у придворной публики, так как в 1604 году она была снова поставлена при дворе по инициативе графа Саутгемптона. Но несомненно, что у широкого зрителя эта почти бессюжетная и очень изысканная по стилю пьеса не могла иметь успеха. До нас все же дошло известие об одном ее представлении на сцене публичного театра. Но дошло также стихотворение (1598) некоего Тофта, очевидно, выразителя вкусов широких слоев горожан, отозвавшегося об этой комедии как о “натянутой” и “фальшивой”.

По своему построению и стилю “Бесплодные усилия любви” являются, формально рассуждая, типичной пьесой придворно-аристократического театра. Она приближается к тому жанру галантно-любовных, аллегорических или пасторальных представлений, которые назывались в Англии “масками” и являлись излюбленным украшением придворных празднеств. Весь последний акт комедии с его любовными поединками, дивертисментными номерами и ряженьем вводит нас в атмосферу придворных маскарадных представлений.

Также и основная ситуация комедии — создание группой молодых образованных вельмож философской “академии” с полным отрешением от житейских забот и сердечных страстей уводит нас в ту же среду. Италия позднего Возрождения была полна такого рода “академиями”, где дебатировались и излагались в стихах и прозе всякого рода морально-философские вопросы, проблемы любви, пристойного жизненного поведения. Европейскую славу приобрел сборник та-

ких бесед, происходивших в герцогском кружке г. Урбино, записанных Бальдассаре Кастильоне, озаглавленный “Придворный” (1528). Подобные “академические” заседания происходили и при дворе французского короля Генриха III (ум. в 1589 г.). Были такие кружки и в Англии — например кружок, собравшийся в 1592 году в доме сэра Уолтера Роли, или другой, группировавшийся вокруг покровительствовавшего Шекспиру Саутгемптона и его друга Эссекса. Дошло сведение, что граф Нортемберленд, патрон многих ученых и поэтов, в том числе, по-видимому, и Марло, написал этюд, в котором доказывал несовместимость любви с наукой. Вообще вопросы о природе любви, о ее правах и возможностях — конечно, любви “возвышенной”, в плане платонического мировоззрения — волновали всю “философствующую” Европу XVI века.

Для задуманной им картины Шекспир использовал материал и краски весьма различного происхождения. Одним из источников послужило ему творчество драматурга Лили, создателя эвфуистического стиля, затейливого и утонченно-изящного. Влияние Лили проявилось не только в стиле, но и в построении комедии и ее сюжетных ситуациях. В композиции пьесы царит четкая симметрия. Она сказывается и в распределении персонажей (с одной стороны — король с тремя придворными, с другой — принцесса с тремя дамами) и в построении отдельных сцен и диалогов, состоящих из правильно чередующихся, точно соразмерных реплик. Рисунок диалога имеет четкость балетных фигур и как бы подчиняется правилам светского этикета. Сюда присоединяется правильное чередование сцен верхнего и нижнего плана — лирических и буффонных. Введение параллельной интриги низшего

плана, как бы пародирующей основную, — тоже излюбленный прием Лили. Отдельные ситуации комедии также имеют свои прототипы в изящных комедиях Лили — “Сафо”, “Мидас”, “Метаморфоза любви” и особенно “Эндимион”, в котором мы находим прототипы испанца Армадо и его пажа Мотылька.

Другим источником — именно для персонажей низшего плана — послужила очень привлекавшая молодого Шекспира итальянская комедия дель арте. Здесь на первом месте стоит долговязый дон Адриано де Армадо, напоминающий излюбленный в итальянской комедии тип Капитана, находящийся в родстве с плавтовским “хвастливым воином”. Подобно итальянскому Капитану, Армадо — испанец, и карикатурная фигура его должна была казаться особенно злободневной в годы ожесточенной борьбы между Англией и Испанией. Самое имя причудливого испанца напоминало публике о разгроме “Непобедимой Армады” английским флотом (1588). Заметим, однако, что дон Армадо имеет у Шекспира очень мало национальных черт; он совсем не пользуется иностранным акцентом, и самый стиль его речей не носит отпечатка причудливой напыщенности, характерной для Капитана итальянской комедии. В основе его стиля лежит скорее велеречивый педантизм, лишенный, однако, южного колорита.

Такой же традиционно комической фигурой является педант Олоферн, имя которого восходит, по-видимому, к “великому ученому софисту, именуемому господин Тубал Олоферн” из знаменитого романа Рабле. Но вместе с тем он имеет общие черты и с весьма популярным в итальянской комедии типом Педанта или Доктора. Однако, в отличие от последнего, Олоферн — карикатура не на ученого юриста, а на школь-

ного учителя, вследствие чего он и разглагольствует преимущественно на темы из области грамматики и филологии. Олоферн — хронологически первый тип педанта на английской сцене. Дополнением к нему является священник Натаниэль, его почитатель и подражатель.

К этим основным комическим типам присоединяется ряд буффонных персонажей, которые, хотя и имеют известную связь с масками итальянской комедии, все же в гораздо большей степени восходят к народной английской основе, к бытовым крестьянским театрализованным типам. Таков шут Башка, который при известном сходстве с типом “второго Дзанни” заключает в себе достаточно национальных черт и должен быть рассматриваем как тип английского клоуна. Его достойным партнером является другой клоун, констебль Тупица. Наконец, предмет вожделений Башки и дона Армадо крестьянка Жакнета представляет собой яркий тип здоровой и жизнерадостной английской крестьянки, чуждой ухищрений и изворотов светского обхождения и, при всей своей простоте, в душе посмеивающейся над ними.

Но все перечисленные элементы пьесы, все эти великосветские и итальянские влияния — лишь материал, которым Шекспир воспользовался совсем в других, противоположных целях. Подобно тому как позже, в “Сне в летнюю ночь” и в “Как вам это понравится”, предлагая сходный материал в весьма с виду привлекательном, как бы опоэтизированном виде, он, по существу, его развенчивает, — так и здесь уже он противопоставляет ему правду живых и естественных чувств.

Псевдоисторическая костюмерная и аристократическая декоративность послужили Шекспиру лишь поводом для утверждения самых передовых идей и реального чувства жиз-

ни. Изысканность придворных персонажей пьесы изобличает сама свою пустоту, и эвфуизм их стиля и чувств незаметно переходит в пародию на него. В пьесе высмеивается попытка молодых эстетизированных фантазеров уйти от жизни, от действительности в абстракцию, в пустые претенциозные бредни. Жизнь опрокидывает их нелепый замысел, и все их философические обеты летят кувырком с приездом принцессы и ее подруг.

Так же плачевно заканчиваются и другие, едва намеченные интриги пьесы. Выспренный дон Армадо позорно оттеснен в его любовных искательствах грубоватым, но житейски неглупым шутком Башкой, а “премудрые” Олоферн и его дружок сэр Натаниэль, добродушно высмеянные персонажами верхнего плана, стушевываются и бесследно исчезают из пьесы.

Рупором идей Шекспира в этой комедии является самый умный, самый живой, самый привлекательный из ее персонажей — Бирон. Непринужденная веселость, яркость, правдивая жизненность его речей и жестов проходят красной нитью через всю пьесу, начиная с первой сцены (у Шекспира почти всегда очень важной), где он потешается над “заповедями”, которые ему пытаются навязать, и кончая двумя его блестящими монологами (V, 2), резюмирующими весь смысл и содержание пьесы.

В первом из них (примерно в середине сцены) он отрекается от всякого притворства и жеманности, призывая к простоте, к естественности как самих чувств, так и их выражения. Острыми и точными, притом горячими, идущими от души словами он отвергает всякий эвфуизм и вычуры, высмеивая их весело и жестоко.

Во втором (к концу пьесы) — Бирон произносит вдохновенное славословие любви, которую его легкомысленные

сотоварищи хотели изгнать из своей жизни, заменив абстрактным мудрствованием, холодной метафизикой. Нет, любовь к женщине и есть единственный живой источник всякой мудрости, всякого знания. Это главный светоч человека, истинный огонь Прометея.

Пьеса как будто бы не имеет развязки. Согласия на брак ни одна из четырех красавиц не дала, и все они потребовали отсрочки на один год. Но, собственно говоря, это и есть вполне удовлетворительная развязка, заключающая в себе очень важную и интересную мысль. Счастье не падает человеку само в руки. Нужно его заслужить, нужно суметь стать достойным его. Молодые метафизики только что предавались смешным бредням. Теперь они должны проверить свои внезапно вспыхнувшие чувства, должны стать людьми по-настоящему простыми и верными. Счастье — не формула, а путь, и они должны показать себя способными идти по этому пути. Но, как всегда в комедиях Шекспира, мысль эта выражена без всякой назидательности, а в легкой, юмористической форме разных шутливых заданий, даваемых красавицами влюбленным в них юношам.

А. Смирнов

Примечания к тексту “Бесплодных усилий любви”

К с. 317. Д е й с т в у ю щ и е л и ц а. — Фердинанд, король Наварры, — см. статью о пьесе. В самом тексте имя короля ни разу не встречается. Переименование Генриха в

Фердинанда было сделано, вероятно, для того, чтобы избежать обвинения со стороны цензуры в каком-либо нежелательном, с ее точки зрения, политическом намеке.

Бирон, Лонгвиль, Дюмен, Армадо — см. статью о пьесе.

Имя пажа *Мотылек* указывает на его миниатюрность и подвижность.

Натаниэль (франц. форма имени Нафанаил) — одно из популярных среди пуритан библейских имен.

К с. 328. *Акзитания* — первоначально область Галлии от реки Гаронны до Пиренеев. Затем она вошла в состав Франции, образовав провинцию Гюйенн.

К с. 339. *Это и ученая лошадь на ярмарке вам сосчитает.* — Намек на популярную в то время дрессированную лошадь, известную под кличкой Марокко, о которой упоминают современники Шекспира.

К с. 340. *...весьма весомые городские ворота мог на плечах унести.* — Намек на библейское сказание о Самсоне, который, будучи заперт филистимлянами в одном из их городов, снял ворота с петель, взвалил их себе на плечи и унес.

К с. 341. *Баллада про короля и нищенку* — часто упоминаемая у Шекспира баллада о короле Кофетуа и нищенке Зенелофон.

К с. 370. *Конек-скакунок* — одна из забав английских народных гуляний и ярмарочного театра: кукла в виде конской головы с грудью прикреплялась к спине или шее человека, который, упершись руками в колени, прыгал, изображая лошадь. Под влиянием пуритан забава эта во времена Шекспира начала выходить из моды.

К с. 374. *Посыл* — последняя строфа из стихотворения, содержащая восхваление лица, которому оно адресовано.

Данное — основная часть стихотворения, излагающая исходное положение или задание.

К с. 378. ... *что это еще за репарация*. — В подлиннике remuneration — “вознаграждение”. Слово это, непонятное для деревенского простака Башки, обыгрывается в последующих строках.

К с. 381. *Аргус* — в греческой мифологии стоглазый великан.

К с. 387. ...*Немейский лев рычит...* — Один из подвигов Геркулеса состоял в том, что он убил грозного льва, жившего в Немейском лесу.

К с. 389. *Монарко* — прозвище, которое дал себе один полубезумный итальянец, вообразивший себя “императором мира”. Во времена Шекспира он проживал в Англии.

К с. 391. *Пипин Французский* — король франков Пипин Короткий, отец Карла Великого, живший в VIII в.н.э.

Дженевра Британская — жена Артура, легендарного короля древней Британии.

К с. 396. *Диктина* — критское божество, древними отождествлявшееся с Дианой, богиней луны.

К с. 399. “*Фауст, прошу тебя ...*” — первые слова латинской эклоги поэта XV в. Баптисты Спаньолы, уроженца Мантуи.

“*Венеция, Венеция...*” — итальянское двустиишие, которое приводится в учебнике итальянского языка Флорио, изданном в Лондоне в 1591 г.

К с. 400. *За что его назвали Назоном?* — Назон как имя нарицательное по-латыни означает — большой нос.

К с. 402. *...любовь безумна, как Аякс,* — намек на предание об Аяксе, одном из героев Троянской войны, который в припадке безумия бросился с мечом на стадо баранов, приняв их за обидевших его греков, и принялся их избивать. Сказание это составило сюжет трагедии Софокла “Аякс-Биченосец”.

К с. 432. *Что за фигура?* — *Рогатая* — Здесь намек на так называемый “рогатый силлогизм” (фигура логики), сводящийся к шуточному рассуждению, пользовавшемуся большим успехом у средневековых школяров: “То, что ты не потерял, у тебя еще есть?” — “Есть” — “Ты не терял рогов?” — “Нет”. — “Значит, ты рогат”.

К с. 434. *...вывести перед принцессой “Девять героев”.* — “Девять героев” — одно из излюбленных театрализованных зрелищ, показывавшихся на городских и придворных празднествах позднего средневековья. Обычно трое из героев, состав которых иногда менялся, избирались из числа библейских персонажей, трое — из древнегреческих героев и трое — из героев средневековых сказаний.

К с. 440. *Ведь сотней “О” лицо у вас покрыто.* — Имеются в виду кружки веснушек или оспинок на лице.

К с. 445. *Наряжены король и свита как русские, иначе московиты.* — В хронике Холла, из которой Шекспир часто черпал данные для своих драматических хроник, приводится случай, когда на банкет при дворце Генриха VIII явилось несколько лордов, переодетых русскими.

К с. 459. *Умы острей под шапкой шерстяною.* — Лондонские горожане были обязаны ходить в шерстяных

колпаках, тогда как шляпы с перьями были исключительным достоянием дворян. Розалина хочет сказать, что простые люди — и те умнее напыщенных вельмож.

К с. 462. *С зубами белыми, как ус китовый!* — Китовый ус — совсем не белый. Но в XVI в. иногда путали кита с моржом, кости и клыки которого, действительно очень белые, шли на всякие поделки.

К с. 477. *С пантерой на броне.* — На броне Помпея оттиснуто изображение пантеры.

К с. 479. *Нет, вы не Александр, так как ваш нос не крив.* — На античных бюстах голова Александра Великого немного склонена набок, вследствие чего можно в шутку сказать, что нос его несколько “искривлен”.

К с. 482. *Иуда я, что прозван Маккавеем...* — Исполнитель роли Иуды подчеркивает, что он не Иуда Искаротский, предавший Христа, а Иуда Маккавей, военачальник иудеев, боровшихся за независимость родины. Рвение, которое проявляет исполнитель, вполне понятно: в те времена зрители, не слишком четко отличавшие исполнителя от его роли, иногда избивали актеров, исполнявших роль Иуды.

К с. 483. *...у тебя нет никакой личности...* — В подлиннике *face* — слово, имеющее ряд смыслов (личность, лицо, контур лица и так далее); именно это дает возможность отпустить ряд замечаний, построенных на образах: личность, голока, изображаемая на деке цитры, головка булавы, Адамова голова на печати и так далее.

К с. 484. *Прячься, Ахилл: идет вооруженный Гектор.* — Во всех средневековых пересказах истории Троянской войны идеальным героем изображался не Ахилл, а Гектор.

К с. 485. Он либо бог, либо художник: все время делает рожи. — Бог создал людей (и их лица), художник рисует их.

А Гектор — быстр, как гончая. — Во время единоборства Гектора с Ахиллом Гектор, преследуемый противником, семь раз обежал вокруг Трои.

К с. 487. Ата — в античной мифологии божество мести и раздора.

СОДЕРЖАНИЕ

Комедия ошибок. <i>Перевод А.Некора</i>	5
Укрощение строптивой. <i>Перевод П.Мелковой</i>	135
Бесплодные усилия любви <i>Перевод Ю.Корнеева</i>	315
Примечания и комментарии	501

Вильям Шекспир

Полное собрание сочинений
в 14 томах

Т о м 4

Редактор *К. Поповский*
Технический редактор *С. Шалакитский*
Художественный редактор *И. Сайко*
Корректор *И. Левтонова*

Подписано в печать 25.04.93. Формат 70х108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,8. Усл. кр.-отт. 42,7. Уч.-изд. л. 20,6. Тираж 20 000 экз.
Заказ 404.

Ассоциация совместных предприятий, международных объединений и организаций. Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета на Можайском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

